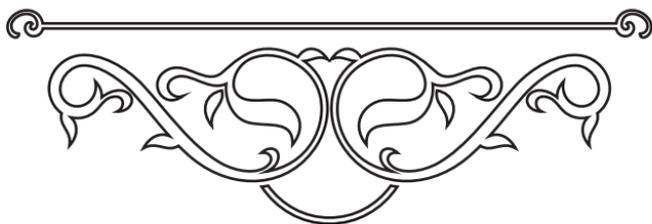

Л.С. Ахметова, В.К. Григорьев

ЖУМАБАЙ ШАЯХМЕТОВ И ЕГО ВРЕМЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
FOLIANT

Нур-Султан
2021

УДК 94(574)
ББК 63.3 (5 Каз)
А 95

*Исследование рекомендовано к изданию Ученым советом
Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова Комитета
науки Министерства образования и науки Республики Казахстан
26 мая 2021 года*

А 95 Ахметова Л. С., Григорьев В. К.
Жумабай Шаяхметов и его время / Лайла Ахметова,
Владислав Григорьев. — Нур-Султан: Фолиант, 2021. — 248 с.

ISBN 978-601-338-846-5

В основу книги «Жумабай Шаяхметов и его время», написанной докторами исторических наук, профессорами Л.С. Ахметовой и В. К. Григорьевым, лег очерк «Жумабай Шаяхметов. Груз властной ноши выдержал» из учебного пособия «Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху», которое было издано еще в 2010 году. Используя дополнительные сведения об известном политическом деятеле, работавшем на руководящих постах в республике в 1938–1954 годы, они углубляют свой анализ периода тяжелейших испытаний и реальных свершений, когда, с одной стороны, продолжалась болезненная ломка старых устоев кочевой жизни, а с другой — общество, минуя промежуточные стадии социально-экономического развития, прорывалось в современность, закладывая базис индустриального уклада и меняя свой цивилизационный код. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей Казахстана.

УДК 94(574)
ББК 63.3 (5 Каз)

ISBN 978-601-338-846-5

© Ахметова Л.С., Григорьев В.К. 2021
© Издательство «Фолиант», 2021

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

После окончания в 2010 году работы над сборником «Первые лица в Казахстане в сталинскую эпоху» нас не покидало чувство недосказанности в освещении 16-летнего периода пребывания на руководящих постах в республике Ж. Шаяхметова. И дело не только в том, что этот неординарный человек долгое время находился у руля, а в том, что руководить Казахстаном ему пришлось в крайне сложное время, которое требовало более обстоятельного анализа.

Когда мы, опираясь на новые сведения, заканчивали работу над книгой, которую вы держите в своих руках, с нами встретился Мурат Жунусович Сарсембаев. Нравнодушный человек, хорошо знающий историю страны и болеющий за нее, он выразил желание издать наше новое исследование, за что мы выражаем ему свою искреннюю признательность.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда-то великий римский политический деятель, оратор и философ Марк Туллий Цицерон дал такое определение первому закону истории: ни под каким видом не допускать лжи; ни в коем случае не бояться правды; и не допускать ни тени пристрастия, ни тени злобы. Если исходить из этих принципов, которыми в идеале должен руководствоваться любой добросовестный историк, то нельзя больше замалчивать роль в исторической судьбе Казахстана Жумабая Шаяхметова, политического лидера сталинской эпохи.

Любая политическая фигура в истории — это всегда человек своего времени. Не является исключением и Жумабай Шаяхметов. Период его работы на руководящих постах в республике (1938–1954 гг.) был временем как тяжелейших испытаний, так и реальных свершений, когда, с одной стороны, продолжалась болезненная ломка старых устоев кочевой жизни, а с другой — общество, минуя промежуточные стадии социально-экономического развития, прорывалось в современность, закладывая базис индустриального уклада и меняя свой цивилизационный код.

Крайне тяжело далась победа над германским фашизмом и японским милитаризмом, на алтарь которой были положены жизни 600 тыс. казахстанцев.

Некоторые люди склонны сейчас полагать, что та победа в войне и кардинальные перемены в социуме достались слишком дорого, поскольку подорвали, в том числе, его демографию. Но любой, кто знает историю, сразу скажет, что нигде цена великих преобразований не была низкой. Ни

в Англии, потерявшей в эпоху Оливера Кромвеля более трети населения, ни во Франции времен Наполеона, ни в США, переживших все ужасы гражданской войны между Севером и Югом, ни в соседнем Китае, сумевшем освободиться от иностранной зависимости, покончить с оккупацией страны, добиться ее объединения и совершить экономический рывок в будущее.

16 лет нахождения Жумабая Шаяхметова на вершине власти пришлись на тот период, когда, с одной стороны, в обществе царили недоверие и всеобщая подозрительность, а с другой — люди были полны энтузиазма, оптимизма и веры в завтрашний день. Поэтому наша задача рассказать о Жумабае Шаяхметове и его времени таким образом, чтобы можно было осознать как трагизм происходившего, так и масштаб свершений, чтобы можно было показать как участь тех, на чью долю выпало немало тяжелых испытаний, так и то, какой большой путь был пройден страной за тот непродолжительный в историческом плане период времени.

Нельзя больше бросать камни в колодезь, из которого мы продолжаем пить. Нельзя быть манкуртами. А мы ими стали в перестроечную и постперестроечную эпоху, когда открыли все шлюзы, через которые хлынули мутные потоки, залившие черной краской целые главы нашей недавней истории. Мы стали забывать, что в критикуемом нами времени жили и созидали наши деды и отцы. Сея зерна сомнения и неверия в них, мы предаем их память, обрубая тем самым свои корни.

Наш долг — извлечь уроки из недавнего прошлого, чтобы наши потомки не повторяли допущенные их предками ошибки и прилагали осознанные усилия, направленные на строительство нового и процветающего Казахстана. Отвергнув все негативное, что было характерно для описываемого нами периода, они должны будут переосмыслить позитивный опыт своих дедов и отцов, чтобы продолжить поступательное движение вперед.

ГЛАВА 1

ВРЕМЯ СТАНОВЛЕНИЯ КАК ПОЛИТИКА

Жумабай Шаяхметов (1902–1966 гг.). Родился в ауле № 1 (Жандай) Шербакульского района Омской области. Окончил Ашилы-Кульскую аульную школу (1913 г.), Полтавское 2-классное русско-казахское училище (1917 г.), один курс Института востоковедения в Москве (1933 г.). Трудовую деятельность начал в 1917 г. батраком; учитель Ашилы-Кульской аульной школы (1919–1921 гг.); секретарь Текинского волостного ревкома (1921–1923 гг.); агент 1-го разряда Черлакского уездного угрозыска (1923–1925 гг.); старший делопроизводитель, инспектор Акмолинского губадмтдела (1925 г.); секретарь Акмолинской губернской комиссии по коренизации аппарата (1925–1926 гг.); инструктор Петропавловского окружного комитета союза «Кошчи» (1926–1928 гг.); помощник уполномоченного, уполномоченный, начальник отделения, зам. начальника Северо-Казахстанского обл. управления ОГПУ-НКВД (1928–1938 гг.); зам. начальника Алма-Атинского управления НКВД (май–июль 1938 г.); третий секретарь ЦК Компартии Казахстана (1938–1939 гг.); второй секретарь ЦК Компартии Казахстана (1939–1946 гг.); первый секретарь ЦК Компартии Казахстана (1946–1954 гг.); первый секретарь Южно-Казахстанского обкома партии (1954–1955 гг.). С 1955 г. находился на пенсии. Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР (1950–1954 гг.), член ЦК КПСС

(1952–1956 гг.), депутат Верховного Совета СССР 1–4 созывов, депутат Верховного Совета КазССР 2–4 созывов¹.

Как видно из его послужного списка, становление Жумабая Шаяхметова как личности начиналось в 1920–1930-е гг. и, главным образом, в рамках системы советского аппарата и органов НКВД. Хорошо зная жизнь низов и новых советских верхов как изнутри, так и в силу приобретенных во время оперативной работы в уголовном розыске навыков, он сумел, восходя по ступеням карьерной лестницы, остаться скромным и доступным человеком. И, к тому же, почти не нажить себе смертельных врагов, коих в правящей политической и управленческой элите всегда было немало. Но, конечно, людей, затаивших на него обиду, хватало, и они не упускали случая досадить ему побольнее.

Целых пятнадцать лет Жумабай Шаяхметов находился в высших эшелонах власти в Казахстане. Семь лет в качестве второго секретаря ЦК Компартии Казахстана и восемь лет как первое лицо республики. Мемуаров он не оставил, и о нем как о политике можно судить лишь по итогам анализа его деятельности. При этом надо иметь в виду, что он трудился на высших постах в республике в ту пору, когда о себе говорить было не принято. Во-вторых, он сформировался в рамках сложившейся тогда в Казахстане системы и, как видно из архивных и иных материалов, был убежденным патриотом своей родины. И ещё об одном не стоит забывать. Это была цельная и самобытная личность. Жумабай Шаяхметов страстно любил свою отчизну и был убежденным проводником сталинского курса. Причем того курса, который был характерен именно для более позднего сталинского периода, когда ушли в прошлое внутривнутрипартийная борьба, споры из-за выбора политического курса развития страны и болезненная ломка аграрного сектора. Это было время, когда стали приносить плоды индустриальные преобразования

¹См.: Ашимбаев Д.Р. Кто есть кто в Казахстане. Биографическая энциклопедия. Изд. 12-е, доп. – Алматы, 2012. – С. 1229.

и то, что когда-то называли культурной революцией. Иными словами, к тому времени окончательно сложилась сталинская политическая система и в корне изменился казахский социум.

Биография этого человека характерна для многих выдвиженцев советской эпохи. Но в ней обращают на себя внимание не стремительность карьеры, а её постепенность и созвучие вызовам времени. Имея относительно неплохую подготовку в стенах русско-казахского училища, он к концу гражданской войны становится учителем аульной школы, движимый стремлением помочь новому поколению приобрести хоть какие-то знания. Его заметили и назначили секретарем волостного ревкома, органа чрезвычайной власти районного уровня эпохи перехода к НЭПу.

На работу в уголовный розыск Жумабай Шаяхметов пришел в ту пору, когда общество крайне нуждалось в пресечении угроз со стороны многочисленных бандитских и просто воровских шайк, стремившихся «перераспределить» доходы некоторых групп населения в пользу криминала. То, что он стал успешным работником, подтверждается фактом его назначения в губернский аппарат. Обратим внимание ещё на один момент: Жумабай Шаяхметов — представитель последней волны «ленинского призыва» в ряды большевиков. В ноябре 1927 г. он становится кандидатом, а через два года членом ВКП(б). То есть — он типичная фигура сталинского опорного социального слоя. Возможно, кого-то из журналистов или историков когда-нибудь заинтересуют реализованные Жумабаем оперативные разработки и операции по выявлению и ликвидации уголовных шайк. А их было немало, о чем свидетельствуют данные печати тех лет и материалы архивов.

В 1925–1926 гг. Жумабай Шаяхметов переходит на работу секретарем Акмолинской губернской комиссии по коренизации аппарата. Историки Казахстана, исследуя реформы

Филиппа Голощекина, не очень жалуют своим вниманием проведенную им «коренизацию» управленческого аппарата. А ведь тогда на административную работу различного уровня в массовом порядке выдвигались представители коренного населения республики. И данная идея, как ни странно, была воплощением лозунгов лидеров партии «Алаш», которые считали необходимым приблизить систему управления к интересам казахского общества². Посредством «коренизации» Голощекин решил две задачи того времени. Во-первых, привел в систему национальные кадры, но уже в духе идейно-политических установок партии, выдвигая на руководящие должности только выходцев из среды рабочих и крестьян. За счет этого он сформировал социальную базу своих реформ. Во-вторых, заставил всех партийных, советских, административных работников из числа русских, украинцев, немцев и представителей других национальностей познать азы казахского языка для служебного пользования. Увы, это не всегда давало нужный результат.

На стезе «коренизации» Жумабай Шаяхметов задерживается ненадолго. Он сначала уходит на работу в союз «Жошчи»³, а затем возвращается к тому, что ему было близко — к работе в системе уголовного розыска. Тем более что начавшееся наступление властей на имущую верхушку аула в связи с конфискацией имущества баев-полуфеодалов опять спровоцировало в республике всплеск уголовного бандитизма. Криминал умело пользовался ситуацией. В органах внутренних дел он проработал целых 10 лет.

В 1932 г. Жумабай Шаяхметов поступил в Московский институт востоковедения имени Нариманова на персидское отделение факультета международной торговли, но успел

² В пятом разделе Программы партии «Алаш» говорилось: «Власть и суд должны строиться в соответствии с особенностями каждого народа. Бий и судья должны знать язык местного народа. В районах, где казахи составляют большинство, языком суда является казахский». См.: «Программы политических партий России. Конец XIX начало XX вв.». М.: РОССПЭН, 1995. – С. 379.

³ Так назывался союз аульной бедноты и маломощных середняков.

окончить только первый курс. Получил две грамоты за отличную учебу и участие в общественной жизни и «15 апреля 1933 г. ввиду отозвания в распоряжение ЦК ВКП (б) выбыл из состава студентов института»⁴.

С перерывом на учебу в Москве с ноября 1928 г. по июль 1938 г. работал оперуполномоченным, начальником отделения, заместителем начальника Управления НКВД по Северо-Казахстанской области. Затем был переведен на работу в Алма-Ату на должность заместителя начальника Алма-Атинского областного управления внутренних дел. В это время сменяется руководство республики и остановлены массовые репрессии, пик которых пришелся в Алма-Ате на февраль-апрель 1938 г. Левон Мирзоян был арестован, а на его место назначен Николай Скворцов, который способствовал переводу Шаяхметова в мае 1938 г. из Петропавловска в Алма-Ату.

Жумабай Шаяхметов пришел в политику на излете политических чисток 1938 г., когда в июне был вызван в Москву в ЦК ВКП(б) на согласование его перевода на руководящую партийную работу.

Заседавший 3–14 июля того же года II съезд Компартии Казахстана избрал ЦК в составе: И.В. Сталин, Н.А. Скворцов, С.Ф. Реденс, Н.П. Садовников и др. 23-м по счету среди 71 избранника шла фамилия Шаяхметов⁵.

14 июля 1938 г. на организационном пленуме съезда были избраны члены Бюро ЦК в составе: Н.А. Скворцов, С. Дауленов, С.Ф. Реденс, Ж.Ш. Шаяхметов, Н.Д. Ундасынов, А. Казакбаев, Я.Я. Важник, кандидатами в члены Бюро Н.П. Садовников, С. Бурашев, А.Ж. Бектасов, К.И. Филиппов. Первым секретарем ЦК КП(б) Казахстана избран

⁴ Кабульдинов З., Шаяхметов Р. «Жумабай Шаяхметов. Первый национальный секретарь Казахстана». Вестник архивной службы г. Алматы «Хабаршысы». 2019. № 2. – С. 6.

⁵ Ашимбаев Д., Хлюпин В. «Казахстан: история власти. Опыт реконструкции». Алматы: Credos, 2008. – С. 401.

Н.А. Скворцов, вторым — С. Дауленов, третьим — Ж. Шаяхметов⁶.

Переход Жумабая Шаяхметова на партийную работу летом 1938 г. во многом был следствием «кадрового голода» в верхах из-за репрессий и «чисток», в ходе которых на общество одна за другой накатывались волны арестов представителей советского и партийного актива, деятелей интеллигенции и простых тружеников, ставших объектом преследования со стороны органов НКВД⁷.

Об атмосфере, царившей в обществе можно судить по материалам съезда.

Из отчетного доклада Бюро ЦК съезду:

«Процессы троцкистско-бухаринской агентуры показали, что эти презренные изменники и предатели торговали нашей родиной и действовали во всем по указке иностранных разведок. Заодно с троцкистско-бухаринской агентурой работали и буржуазные националисты в различных республиках, в том числе и в нашей Казахской республике».

Из выступлений на съезде:

А. Кондратенко (первый секретарь Тельмановского райкома): «В нашем районе имеется до 73% кулацкого населения».

⁶ Там же. — С. 403.

⁷ См.: Политические репрессии в Казахстане. — С. 85–87, 229–230. План-проспект документальной выставки Архива Президента РК («Тернистый путь, трудный переход». 1917–1937 гг.). Алматы 2007; Нам представляется необходимым дополнить данные сведения материалами исследований специалистов по проблеме — В.И. Земсков. «ГУЛАГ (историко-социологический аспект)». Социологические исследования, 1991. № 6; Моруков М. «ГУЛАГ. Из круга первого». М.: Алгоритм, 2006, а также данными архива РФ, где содержатся статистические сведения о жертвах репрессий и общем количестве арестованных, осужденных и расстрелянных. Там, в архиве ГАРФ и в названных работах дана справка начальника 1 спецотдела МВД СССР полковника Павлова. Она сухим языком цифр говорит, как было дело.

Я. Важник (зав.ОРПО ЦК КПК): «По 11 областям (за первую половину 1938 г.) состав пленумов обкомов обновился на 90%, а по отдельным: ЮКО — на 100%, по Алма-Атинскому — на 93%... В 1937 г. состав пленумов обновился на 38%. Причем 61,5 % выведены по разным мотивам, из них 85 % — разоблачены как враги».

Оразов (первый секретарь Актюбинского обкома партии): «Враги народа, пробравшись в прокуратуру и суд, безнаказанно издевались над трудящимися. За 5–6 месяцев 160 трудящихся посажены в тюрьмы совершенно без всяких оснований врагами народа».

Сакенов (первый секретарь Уланского райкома партии): «Некоторые товарищи в 1932 г. имели одну корову, сейчас же они имеют 150 голов скота, например, Батабаев имеет 100 голов скота и другие»⁸.

При всем при этом следует отметить, что на фоне борьбы за чистоту рядов партии и имевших место арестов происходили и позитивные изменения в жизни республики. В год работы съезда в Казахском государственном университете открылась собственная аспирантура. Это свидетельствовало о том, что главный вуз республики достиг такого уровня, который позволял ему готовить уже собственные научные кадры. В конце ноября 1938 г. вступила в строй первая очередь Балхашского медеплавильного завода.

Эти и другие подобного рода факты говорили о том, что жизнь берет свое, и Жумабай Шаяхметов в своей новой роли партийного работника стремился к тому, чтобы наращивать темпы обновления.

Следует заметить, что проверка на соответствие предъявляемым новым требованиям у Николая Скворцова была обычной. То, что опытный кадровик Скворцов обратил свое внимание на подходящего требованиям анкеты партийной номенклатуры, думающего и умеющего вести работу с людьми «силовика» Жумабая Шаяхметова, а за-

⁸Ашимбаев Д., Хлюпин В. «Казахстан: история власти. Опыт реконструкции». Алматы: Credos, 2008. – С. 402.

тем ввел его в состав секретариата ЦК, не было какой-то случайностью⁹. Николай Александрович еще в период работы в Москве в отделе руководящих кадров управления кадров ЦК ВКП(б) поистине “набил руку” на умении выявлять нужных и полезных системе людей.

Жумабай Шаяхметов успешно прошел проверку организационно-партийной работой, и уже через год его утвердили вторым секретарем ЦК Компартии Казахстана, что фактически стало признанием его деловых качеств.

Обратим внимание на то, что надлежало ему решать в вопросах политики, экономики, организации работы партийного аппарата и контроля за состоянием внутриполитической жизни в республике.

В политической сфере речь, в первую очередь, шла о проведении в соответствии с принятыми в декабре 1938 г. решениями ЦК ВКП(б) оценки «перегибов и извращений», допущенных в ходе чисток 1937 г.¹⁰ Сам термин «перегибы», введенный И. Сталиным в оборот в начале 1930-х гг., значимости проведенной чистки правящей партии и общества не отменял, а лишь немного смягчал характер репрессий, тем самым их узаконивая. Собственно, толкование данного

⁹Этот орган в КПСС играл решающую роль, выступая на практике в роли коллективного правительства страны, республики, области, района или города. Склонный к юмору Н.И. Бухарин, оценивая созданный Иосифом Сталиным аппарат, как-то заметил: «Отныне наступил новый период истории. Был матриархат, его сменил патриархат, теперь возник секретариат».

¹⁰Надо обратить внимание на то, что Сталин, понимая, что сформировал о себе негативное мнение на Западе, поменял руководство главной спецслужбы страны. В 1939 г. по подготовленным Л. Берия указам Президиума Верховного Совета СССР из лагерей было освобождено 223,6 тыс. человек. Это соотносится с теми данными, которые приводятся в материалах исследования Морукова М. «ГУ-ЛАГ. Из круга первого». – М.: Алгоритм, 2006. – С. 185 (в 1938 г. было 1 881 570 заключенных, в 1939 г. — 1 672 438). А ведь аресты продолжались. См. также «Отечественные архивы», 1992, № 2. – С. 28.

термина допускало возможность ограниченного пересмотра дел жертв политического террора и смягчения вынесенных некоторым пострадавшим мер наказания. Одновременно с этим Сталин снимал с себя ответственность за политические чистки, перекладывая вину на ретивых исполнителей его воли.

Актом политики стало изменение системы административно-территориального деления республики, когда были образованы шесть новых областей: Акмолинская, Гурьевская, Джамбульская, Кзыл-Ординская, Павлодарская и Семипалатинская. Это говорило о заметных сдвигах в экономическом развитии указанных регионов и их превращении в значимые и самостоятельные административно-территориальные единицы.

Прекрасно зная систему милиции, под прикрытием и при поддержке которой службы госбезопасности нередко проводили акции карательного плана, Жумабай Шаяхметов в рамках возможного добивался ослабления в обществе духа подозрительности, рожденного эпохой «чисток». Сама эта невидная работа была в высшей степени значимой для возрождения уверенности людей в возможности жить и трудиться, не думая о страшном. Отчасти этому помогало то, что, как третий секретарь ЦК, Шаяхметов был инстанцией для руководства силовых ведомств и частично контролировал их. Эта оговорка о частичном контроле сделана нами потому, что аппарат республиканского управления госбезопасности, в первую очередь, напрямую подчинялся своему руководству в Москве — Главному управлению госбезопасности НКВД СССР¹¹.

Его бывшее амплуа работника спецслужбы вынуждало заниматься делами, о которых и сегодня известно немногое.

¹¹См.: Судоплатов Павел Анатольевич. «Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 г.», М.: ОЛМА-Пресс, 2001. — С. 22–23; См. так же: Дроздов Ю.И., Фартышев В.И. «Юрий Андропов и Владимир Путин. На пути к возрождению». М.: ОЛМА-Пресс, 2001. — С. 24–39.

1938 г. был временем резкого обострения обстановки в соседнем Китае, что связывалось с японской оккупацией ряда северных, центральных и южных провинций страны. Силы 8-й и Новой 4-й армий, созданных компартией Китая, были невелики. Чтобы сохраниться в условиях вооруженного противоборства с войсками Чан Кайши (который ради сохранения войск для борьбы с Мао Цзэдуном сдал японцам Пекин и перебрался в Чунцин) и развернуть на оккупированной японцами территории партизанскую войну, требовались оружие, кадры, боевая техника и горючее. И все это поступало во внутренние районы Китая через провинцию Синьцзян. Следует указать на то, что Мао Цзэдун довольно тщательно изучил в этой связи историю нашествия Наполеона на Россию и отмечал значение помощи СССР Китаю просто самим фактом существования советской страны¹².

«Помощь китайцам идет по дороге из Алма-Аты через китайско-советскую границу, горы Тянь-Шаня, по самой безводной жестокой пустыне Гоби. Что такое автокараван с оружием? На всем пути этой сверхдальней трассы развернуты ремонтные мастерские, гостиницы, столовые. Советские грузовики ЗИС штурмовали пески, боролись с песчаными бурями»¹³.

Как третий секретарь ЦК казахстанской парторганизации Шаяхметов первый год своего пребывания на посту вел борьбу с проблемами идеологии. Именно ему пришлось в ту пору заняться перестройкой партийной учебы в связи с выходом в свет «Краткого курса истории ВКП(б)». Собственно, само издание этого учебного пособия было призвано улучшить формирование сознания новых кадров партии, общества

¹²См. Мао Цзэдун. «Избранные произведения». Т.2. – М.,1953. – С. 286, 290, 312, 317, 323.

¹³См.: Болтунов М. Е. «Невидимое оружие ГРУ». – М.: ОЛМА-Пресс, 2002. – С. 65. Автор не разделяет ту помощь, что шла правительству Китая, от той, что предоставлялась формированиям китайской компартии.

и государства в духе сталинских политико-идеологических установок.

Сталинская трактовка истории страны и жизни общества велась на базе такой интерпретации фактов и событий исторического процесса, при которой философским концептом выступало искусственное соединение в одно целое расшифровки категории диалектики как метода познания противоречий развития и учения о материальном происхождении существующего мира. Это учение применительно к объяснению истории получило название исторического материализма¹⁴. Тем самым был создан концепт диалектического и исторического материализма¹⁵. Но в этой заметно упрощенной философской схеме замалчивалась необходимость понимания других категорий философии, в том числе крайне важной для рационального взгляда на выяснение взаимосвязи в природе категории гармонии. Ведь хорошо известно, что люди создавали цивилизации сообразно природе, приспособлявая жизнь социума к условиям окружающей среды, устанавливая тем самым на избранной для существования территории гармонию с флорой и фауной и стремясь к гармонии своих отношений в обществе.

Появление сталинского «Краткого курса» неизбежно требовало основательного пересмотра всего, что касалось проблем освещения истории страны в учебной и общей литературе, пропаганды исторических знаний в печати и организации партийной учебы. Ведь И. Сталин неслучайно провел политические чистки в стране и правящей партии (начав их в Ленинграде с известного историка России, продолжателя научной школы В.О. Ключевского академика С.Ф. Платонова) и обязал всех познавать историю сквозь призму своего видения прошлого. А для этого еще в самом конце 1920-х

¹⁴ См. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевик). Краткий курс. – М.: Политиздат, 1953, – С. 93–126.

¹⁵ Там же. – С. 99, 101, 102, 105, 106, 107, 112, 116, 126, 127.

и начале 1930-х гг. в разного рода грехах были обвинены крупнейшие историки страны и Казахстана¹⁶.

Заметим, что И. Сталин и те, кто по его поручению готовил «Краткий курс» (а это были тщательно отобранные члены специальной комиссии ЦК ВКП(б)), для освещения и трактовки хода исторического процесса в России и СССР избрали очень сложный и во многом насыщенный противоречиями отрезок в 55 лет: 1883–1938 гг.

Обратим внимание ещё на одно обстоятельство. Советская историческая наука к тому времени представляла собой некую переходную модель, олицетворявшую собой отход от науки прошлого, где в ходу были идеи Николая Карамзина, Николая Костомарова, Сергея Соловьева и Василия Ключевского. Эти историки ратовали за бережное отношение к фактам, трактовку всего происходящего в духе объективности, понимание того, что в разные эпохи действовали другие законы, царили иные нравы и существовали присущие духу времени взгляды, но в итоге все противоречия снимались благодаря действию требований диалектики жизни и законов гармонии внутри социума. Революция выдвинула на повестку дня вызовы современности. Свое влияние оказало вторжение в науку такого реформатора как Михаил Покровский, который заявил, что историю надо рассматривать как политику, опрокинутую в прошлое. Но такой посыл делает наше прошлое абсолютно непредсказуемым, что и доказал в своих работах ученик Ключевского С. Платонов. К чести И. Сталина он не стал влезать в трактовку всех периодов прошлого, ограни-

¹⁶См. Козыбаев М. «Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски». Книга первая. – С. 378–383; Ахметова Л.С., Григорьев В.К., Шойкин Г.Н. «Алихан Букейханов (поиск ориентиров), Ахмет Байтурсынов (главное обретение государственности), Турар Рыскулов (яркий политик советского Востока)». Астана, 2008; Ахметова Л.С., Григорьев В.К. «Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху». Алматы, 2010. 232 с.; Брачев В. «Травля русских историков». М.: Алгоритм, 2006.

чившись полувеком. Однако сталинское окружение добилось устранения С. Платонова с привлечением ОГПУ.

Жумабаю Шаяхметову поневоле пришлось осваивать «тонкости» сталинского толкования марксизма-ленинизма. О том, что это давалось непросто, говорит его уход от выступлений на идеологические темы в печати Казахстана и стремление поручить это дело наиболее ретивым сотрудником отдела пропаганды и агитации ЦК. Во всяком случае, в материалах компартии Казахстана за 1938–1939 гг. нет никаких ссылок на его выступления по вопросам идеологии. Просто потому, что человек осваивался на новом месте, а его знания и умение принимать решения проходили проверку у опытного кадровика, каким был Н. Скворцов¹⁷.

А проблем в части идеологии в тот период было немало. Крайне опасное осложнение международной обстановки, и прежде всего в Европе, провокации японской военщины на Дальнем Востоке, — все это требовало ответа и понятного простому человеку объяснения. А его дать было трудно. Тем более что вразрез с прежними марксистскими представлениями об отмирании роли государства И. Сталин в своей речи на XVIII съезде партии выдвинул тезис о возрастании роли государства на этапе построения социализма¹⁸.

Видимо, в немалой степени он не только пытался этим «исправить» таких классиков, как Энгельс и Ленин, но и завершал оформление своей разновидности коммунистического учения под весьма претенциозным названием «марксизм-ленинизм».

О сути сталинизма со времен XX съезда КПСС у нас написано много. Пожалуй, удачнее других, на наш взгляд, тему раскрывают работа советского философа Захара Файнбурга

¹⁷См.: История Коммунистической партии Казахстана. Библиографический указатель. Алма-Ата, Казахстан, 1984. — С. 245–248.

¹⁸См. Сталин И.В. «Вопросы ленинизма». Издание 11-е, М., 1947. — С. 601–606; XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии большевиков, 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. — М., 1939.

«Не сотвори себе кумира», книга американского историка Роберта Такера «Сталин. Путь к власти. 1879–1929. История и личность» и глава «Сталинизм» из двухтомника сочинений итальянского историка Джузеппе Боффа¹⁹.

Итак, что же представляет собой сталинизм? Это весьма сложный комплекс различных и своеобразных трактовок проблем политики и ряда моментов теории марксизма в сочетании со стремлением создать на базе некоторых положений трудов Маркса, Энгельса и, главным образом, Ленина свою разновидность идеологии.

Во-первых, это — политика, во многом базирующаяся на извращенной концепции понятия власти, введенной в оборот одним из основоположников политической науки Николо Макиавелли²⁰, великим теоретиком эпохи Возрождения, творившим в начале XVI века. Позднее большая группа европейских обществоведов, представлявших разные направления философской и политической мысли, отразили данную концепцию в тезисе: цель оправдывает средства.

Во-вторых, это своего рода учение о политической технологии власти,²¹ рассматривающее политическую партию и её руководящие кадры как институт и инструмент личного господства.

В-третьих, это своего рода комбинация ряда положений Маркса и Ленина, раскрывающих значение формационных моделей развития, диалектики противоречий исторического процесса, роли рабочего класса, коммунистической партии и классовой борьбы²².

¹⁹См. Файнбург З.И. «Не сотвори себе кумира. Социализм и культ личности. Очерки теории». М.: Политиздат, 1991. 319 с.; Такер Р. Сталин. «Путь к власти. 1879–1929. История и личность». Пер. с англ. М., Прогресс, 1991 — 480 с.; Боффа Д. «История Советского Союза». Т.2. — С. 521–539.

²⁰ См.: Макиавелли Н. «Государь». М.: Политиздат, 1990.

²¹ См.: История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Госполитиздат, 1953. — С. 337–346; См. также Сталин И.В. «Вопросы ленинизма». — М.: Политиздат, 1953.

²² Там же. — С. 93–126, 337–346.

Тщательный анализ показывает, что Сталин проигнорировал у Маркса фундаментальный вывод о том, что любая формация должна до конца развить свои производительные силы, то есть исчерпать весь отпущенный ей ресурс возможностей. У Ленина он убрал НЭП, заботу о поколении революционеров и положение о необходимости компромиссов, а также завет об осторожном отношении к крестьянству. Отсюда сталинский курс построения социализма в одной отдельно взятой стране, даже если она, как Россия (по оценке Ленина), была государством средне-слабого развития капитализма. Отсюда «ленинский прием» в партию в 1924–1927 гг. 240 тыс. человек, хотя в своих последних работах Ленин намечал сократить партию, чтобы очиститься «от примазавшихся». Ленин просил беречь поколение революционеров, а Сталин обвинил их в троцкизме и репрессировал. Отсюда раскрестьянивание деревни во время коллективизации. Отсюда и непримиримость к любому иному мнению, кроме лично сталинского. Отсюда и ставка на силовой вариант обновления политической элиты страны в 1935–1938 гг.

Поскольку мы здесь не ставим задачи оценивать Ленина, отметим всего три момента. Во-первых, он состоялся как политик и решил все задачи на пути завоевания и удержания власти на сложнейшем изломе истории, когда в условиях мировой войны в стране произошли две революции и целых три года бушевала жестокая гражданская война. Во-вторых, он сумел понять законы развития экономики и общества лишь после жестокой встряски крестьянских восстаний 1920–1921 гг., что показало ему двойственную натуру крестьянина как труженика и собственника, важность учета его интересов, особую роль кооперации как инструмента такого учета и острейшую необходимость культурного переворота в обществе²³. В-третьих, он не сумел разобраться в законах функционирования политических элит, недооценил слабо-

²³См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 45. – С. 417.

сти лиц из своего окружения и не подготовил себе преемника, чем не преминул воспользоваться И. Сталин.

Тайны высоких материй, касающихся теории и практики, Жумабаю Шаяхметову, естественно, были неведомы, однако должность ко многому обязывала. Поэтому в меру своих способностей и имеющихся возможностей он пытался вникать в суть вещей и отвечать на возникающие вызовы.

Это в полной мере касалось и проблем экономики как в чисто теоретическом плане, так и применительно к решению практических народно-хозяйственных задач того времени. Но здесь, видимо, основную часть решений брал на себя Скворцов, ибо в отличие от практика Шаяхметова он был по образованию экономистом-плановиком.

27 января 1939 г. было принято решение о распределении обязанностей между секретарями ЦК. Скворцов отвечал за наркомат земледелия, наркомат совхозов, отдел руководящих партийных органов (ОРПО); Дауленов — за наркомат просвещения, управление по делам искусств, управление делами ЦК; а Шаяхметов — за наркомат пищевой промышленности, наркомат финансов, наркомат здравоохранения, наркомат коммунального хозяйства, ЛКСМ Казахстана²⁴.

Спустя полгода, в июне 1939 г., на III пленуме ЦК КП Жумабай Шаяхметов сменил Дауленова на посту второго секретаря ЦК. Третьим секретарем вместо Шаяхметова был утвержден М.С. Салин, который до этого был зам. наркома земледелия²⁵.

Организационно-партийную работу Скворцов, учитывая дисциплинированность и исполнительность своего протеже, в полной мере возложил на Шаяхметова, жестко контролируя его. А проблем было много. Это и организация аппарата во вновь созданных областях и районах, это и помощь тем,

²⁴Ашимбаев Д., Хлюпин В. «Казахстан: история власти. Опыт реконструкции». Алматы: Credos, 2008. – С. 407.

²⁵Там же. – С. 410.

кто, как и сам Шаяхметов, впервые стал заниматься партийной, советской и хозяйственной деятельностью. Но другой политической элиты уже не было. Отметим, что в 1939–1940 гг. на руководящую работу было выдвинуто более 20 тысяч человек²⁶.

Конечно, немало внимания уделялось контролированию внутривнутриполитической обстановки в республике. Это стало необходимым уже потому, что значительно усложнился национальный и социальный состав населения. И не только из-за политики индустриализации и голощекинских реформ, но и в немалой степени в связи с расселением во время коллективизации в ряде районов семей бывших кулаков. К ним добавились поляки из западных районов Белоруссии и Украины и корейцы с Дальнего Востока²⁷.

Политическая обстановка в республике отчасти осложнялась международной ситуацией, а также из-за того, что продолжал сказываться фактор репрессий 1935–1938 гг., когда советскими органами пропаганды и структурами безопасности в обществе буквально насаждался дух подозрительности и недоверия, чем умело пользовались нечистоплотные в этическом плане люди. В аппарат НКВД и партийные органы продолжал поступать доволь-

²⁶См. Очерки Истории Коммунистической партии Казахстана. Алма-Ата: Казахстан, 1984. – С. 293.

²⁷См.: «Спецпереселенцы – жертвы сплошной коллективизации». Из документов особой папки Политбюро ЦК ВКП(б). //Исторический архив, 1994, № 4. – С.145–180; Кан Г.В. «Корейцы Казахстана» (Исторический очерк). Алматы, 1994; «Из истории поляков в Казахстане (1936–1956 гг.)». Сб. документов: Архив Президента Республики Казахстан. Алматы, 2000; Чаров Д. «Карагандинские спецпереселенцы: как это было». «История Казахстана: белые пятна». Сб. статей. Алма-Ата, Казахстан, 1991. – С. 223–228; Ким Г. «Советские корейцы.1937–1940», «История Казахстана: белые пятна». – С. 275–294; См. также «Современное осмысление уроков репрессий 1930–1950-х гг. в Казахстане и проблемы защиты прав человека». Алматы, 2005 — 152 с.

но внушительный поток разного рода заявлений о «подозрительных лицах». Жумабаю Шаяхметову приходилось учитывать это обстоятельство в своей работе и ориентировать своих людей на более спокойную реакцию на подобного рода «сигналы» с мест.

В 1939 г. Жумабаю Шаяхметову плюс ко всему пришлось заняться качественно новым для страны и общества делом: осуществлять контроль за внедрением трудовых книжек для всех работающих и решать связанную с этим проблему социального страхования людей, а также бороться за соблюдение дисциплины труда на любом участке работы²⁸. В плане социальном это было еще одним признанием роли личности. Ведь государство признавало конкретный вклад человека в развитие общества. Но это был и акт усиления надзора за человеком со стороны действовавшей в стране политической системы.

После избрания Жумабая Шаяхметова вторым секретарем ЦК его включили в сталинский список партийной номенклатуры и сделали первым заместителем Скворцова. Был расширен круг его функциональных обязанностей и полномочий, соответствующих статусу второго секретаря ЦК. Значительно возрос груз ответственности за все происходившее в Казахстане, в первую очередь, в недрах партийного и государственного аппарата республики, а также внутри всей разветвленной структуры управления.

Для партийного работника Шаяхметова значительными событиями, безусловно, были II (в январе 1939 г.), уже упоминавшийся III (в июне 1939 г.) пленумы ЦК Компартии Казахстана и XVIII съезд ВКП(б), состоявшийся в марте 1939 г. Что касается первого события, то оно главным образом было связано с подготовкой материалов для доклада

²⁸Это было следствием принятия совместных решений ЦК партии, СНК СССР и ВЦСПС. В них предусматривалось введение многих жестких правил, например, увольнение с работы за опоздание на 20 минут См.: КПСС в резолюциях решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.5. – С. 324–332.

Скворцова об итогах работы сельского хозяйства республики в 1938 г. и задачах, связанных с проведением весеннего сева колхозами и совхозами²⁹. На пленуме в январе 1939 г. с докладом по вопросам идеологической работы в связи выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» вместо Жумабая Шаяхметова тогда выступил второй секретарь ЦК С. Дауленов³⁰. А уже на пленуме в июне Скворцов произвел рокировку своих замов: Шаяхметов стал вторым, а Дауленов сначала перевели на должность третьего секретаря, а затем вообще откомандировали в Башкирию³¹.

На XVIII съезд партии Казахстан отправил внушительную делегацию, сформировать которую Скворцов поручил Шаяхметову, с чем тот тоже успешно справился. С июня 1939 г. Шаяхметов — второе лицо в партийном аппарате республики.

И в таком качестве второго (но среди казахов — первого!) секретаря Жумабай Шаяхметов выступил с краткой речью на открытии III съезда Компартии Казахстана в марте 1940 года. Потом на том же съезде он выступил с докладом мандатной комиссии, не доверив его руководителю орготдела ЦК³². Его уделом на целых шесть лет стала, применяя лексику нашего времени, работа партийного топ-менеджера. Именно ему пришлось готовить все материалы для второй встречи Скворцова и Сталина, именно он все эти шесть лет отчитывался перед Москвой за состояние работы партийного и государственного аппарата в республике. И как видно из его послужного списка того времени, крупных просчетов он не допустил.

²⁹См.: Большевик Казахстана. 1939. № 2.

³⁰Там же.

³¹Как представляется, Дауленов, его окружение и влиятельная родня во властных и идеологических структурах сочли такой поворот дела происками Шаяхметова и позднее воспользовались ситуацией с Бекмахановым для сведения счетов.

³²См.: Казахстанская правда, 26 марта 1940 г.

А Москва в ту пору была серьезно обеспокоена развитием политической ситуации на Дальнем Востоке, где Япония изо всех сил наращивала свой военный потенциал на севере Китая, а японские войска неуклонно выдавливали части китайской армии из центра страны и активно готовились к оккупации провинции Синьцзян. Чтобы воспрепятствовать этому, делалось все возможное. И здесь крайне значимым становился фактор связи Москвы и штаба Мао. Но он находился в таком районе, где радиосвязи мешали условия природы и погоды (грозовые дожди). Тогда Жумабай Шаяхметов обратился за помощью к местным умельцам. И, как часто бывает, сработал фактор инженерной мысли. Радисты Алма-Аты сами переделали коротковолновые передатчики и обеспечили качественную связь штаба Мао и московских спецслужб³³.

Вторая мировая война, начавшаяся с нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г., стала для руководства республики, в том числе для Жумабая Шаяхметова, проверкой на прочность. Резко возрос объем получаемых заданий. По самым разным каналам хлынул поток директив с требованием улучшить работу по всем направлениям, касавшимся мобилизации институтов государства и общества на военные нужды в связи с начавшимися боевыми действиями в Европе³⁴.

10–18 марта 1940 г. состоялся упомянутый выше III съезд КПК. Съезд избрал ЦК в составе 73 человек, кандидатами

³³Болтунов М. Е. «Невидимое оружие ГРУ». М. ОЛМА-Пресс, 2002. – С. 73–74.

³⁴Кстати, руководство Польши считало, что пакт о ненападении 1934 г. и то, что Гитлер – австриец (то есть католик), а не немец (протестант) делает две страны естественными союзниками. Польский Генштаб подготовил доклад, где говорилось, что задача Польши подготовиться к расчленению СССР. Вопрос в том, на каких условиях это должно осуществиться. «Польша не должна оставаться пассивной... Главная цель — ослабление и разгром России». См.: Пленков О.Ю. «Третий Рейх. Социализм Гитлера». – С. 182.

в члены ЦК 17 человек, Ревизионную комиссию в составе 9 человек. 18 марта состоялся I пленум ЦК КПК. Членами Бюро избраны первый секретарь ЦК Н.А. Скворцов, второй секретарь Ж. Шаяхметов, третий секретарь М.С. Салин, секретарь по кадрам Я.Я. Важник, секретарь по пропаганде Д.Г. Кулитов, Н.Д. Ундасынов, С.Н. Бурдаков, кандидатами Н.П. Садовников, А. Казакпаев, Х.М. Пазиков, И.С. Климентьев³⁵.

Лето 1940 г. стало в советском обществе временем «закручивания гаек». Указы Президиума Верховного Совета СССР от 10 и 26 июня 1940 г. вводили 8-часовой рабочий день, ужесточали требования к дисциплине. За уход с работы человек карался заключением на срок от 2 до 4 месяцев, а если без уважительной причины, то до полугода. Жесток наказывался брак в работе, выпуск недоброкачественной продукции. Он приравнялся к вредительству со всеми вытекающими из этого последствиями. Суровость всех этих мер давила на психику, но при этом жестко заставляла человека концентрировать свое внимание.

1940 г. стал для Жумабая Шаяхметова во многих отношениях особенным. Это было время подготовки и проведения юбилейных мероприятий по случаю 20-летия создания республики. Это был год перехода страны на шестидневную рабочую неделю и 8-часовой рабочий день. Этот год республика ознаменовала вводом в действие железной дороги Акмолинск — Карталы, связавшей центр Казахстана с индустриальным гигантом Южного Урала Магнитогорском. Республика обрела еще одну мощную транспортную ветвь, что подтолкнуло развитие инфраструктуры Карагандинской, Северо-Казахстанской и Кустанайской областей. В поле зрения Шаяхметова в том году было строительство ещё одной железнодорожной ветки: Гурьев — Кандагач — Орск. Она связала воедино Гурьевскую,

³⁵Ашимбаев Д., Хлюпин В. «Казахстан: история власти. Опыт реконструкции». Алматы: Credos, 2008. – С. 413.

Актюбинскую и Оренбургскую области, обеспечила транспортную инфраструктуру для разработки месторождений никелевых и хромитовых руд. Две этих железных дороги дали мощный толчок формированию индустрии в центре и на западе республики.

Шахты Караганды, рудники Горного Алтая и района Актюбинска, новые железные дороги и построенные вблизи этих дорог предприятия существенно меняли социальную структуру общества. К концу года численность рабочих достигла 915 тыс. человек и почти 43 % (более 380 тыс.) составляли казахи³⁶. Это уже был показатель коренных изменений казахского социума. Заметно изменилось и общество республики в целом. Относительно высоким стал уровень трудившихся в народном хозяйстве специалистов с высшим и средним специальным образованием (более 52 тыс. человек). Общество изменилось в корне, что стало ярким показателем индустриальных перемен³⁷.

В 1940 г. на территорию Казахстана прибыли новые эшелоны спецпереселенцев из западных районов Украины и Белоруссии. В основном, это были представители польской

³⁶См. «Исторический опыт защиты отечества. Военная история Казахстана». Алматы: Борки, 1999. – С. 231.

³⁷В современных изданиях по проблемам истории, экономики, политологии говорится, что советская власть сознательно формировала экономику республики как сырьевой придаток центра. Но, во-первых, даже бывшая Россия была сырьевым придатком Европы. Во-вторых, начинать с технологического рывка республика просто не могла по элементарным причинам: не было той промышленности, на базе которой следовало произвести такой рывок. Не было научной школы, не было системы технологических вузов, не было развитой системы народного образования, все только формировалось. Ведь даже современная Россия, равно как и Казахстан, имеют примат сырьевого сектора экономики. И вдобавок, тем, кто пишет о сознательном формировании сырьевой направленности народного хозяйства Казахстана, следует хорошо вдуматься в то, с чего все-таки все начиналось. Исторические «обиды» часто становятся продуктом некачественности знаний о прошлом.

и немецкой общин. Подавляющее большинство современных исследователей довоенной истории Украины и Польши делят их, как правило, на три категории: «осадники»³⁸, административно-высланные, польские беженцы, спасавшиеся от войск Гитлера осенью 1939 г. и оказавшиеся потом в районах, куда вступили части Красной Армии.

В преддверии юбилея республики, как нам представляется, с учетом предложений Скворцова и Шаяхметова произошло событие, и поныне не замечаемое историками. Мы уже отмечали выше, что в рамках административно-территориальной реформы в республике были созданы шесть новых областей. На северо-западе — Гурьевская, на юге — Джамбулская, на северо-востоке и востоке — Павлодарская и Семипалатинская, в центре — Кзыл-Ординская и Карагандинская. Для Жумабая Шаяхметова особое значение имело создание Пав-

38 «Осадниками» называли семьи бывших солдат польской армии, которых правительство Сикорского в конце 1920-х и начале 1930-х гг. расселяло (осаживало) в приграничных с СССР районах Западной Украины и Белоруссии, чтобы получить в их лице социальный резерв предотвращения и ликвидации партизанского движения, которое организовывали сторонники воссоединения с СССР (см. по данному поводу воспоминания одного из таких партизан Ваупшасова С. А. «На тревожных перекрестках. Записки чекиста». Изд-е 3-е. М., 1988). «Осадники» размещались на тех землях, откуда вглубь Польши выселялись белорусы и украинцы. Сама по себе карательная мера советских властей в виде депортации осадников и других категорий польских граждан, как это ни странно, явилась для них актом спасения. Они не стали жертвами начавшейся через год фашистской агрессии. Во-вторых, они избежали террора со стороны ОУН и его главарей, которые вели борьбу против поляков вплоть до 1950 г. См. также Парсаданова В.С. «Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии». //Новая и новейшая история. 1982, № 2; Земсков В.Н. «Спецпоселенцы». //Социологические исследования. 1990, № 11; «Из истории поляков в Казахстане. 1936-1956». АП РК, Алматы, 2000; Моруков М. «Правда ГУЛАГа. Из круга первого». М., 2006.

лодарской и Джамбульской областей. В первом случае сыграл фактор, связанный с тем, что он родом был почти павлодарец (из соседнего района Омской области), а во втором — то, что древняя колыбель этноса (Аулие-Ата) вновь обретала значение как экономический и культурный центр. Последнее увязывалось с именем великого акына степи.

Торжества по случаю 20-летия республики прошли в ноябре 1940 г. и были приурочены к очередной годовщине Октябрьской революции. Советское руководство через газету «Правда» тепло поздравило жителей республики с юбилеем. В приветственном адресе говорилось о крупных свершениях, о том, что Казахстан становится важным индустриальным регионом на востоке страны. О том, что это именно так и какова цена прорыва из прошлого в современность, Жумабай Шаяхметов знал не понаслышке. Но даже его, выдвиженца сталинской эпохи, беспокоили грозные сполохи надвигавшейся войны. О её близости в ту пору говорило более чем трехкратное увеличение с 1,5 млн. до почти 5 млн. человек численность Красной Армии. Поводов для беспокойства у него было много, но даже он не знал некоторых важных деталей.

Ему, кандидату в члены ЦК ВКП(б), не было известно, что Сталин распорядился познакомить с военными заводами Сибири, где началось производство новых самолетов, немецкого военного атташе³⁹. Этот шаг был предпринят советским руководителем в расчете на то, что немцы, как рациональные прагматики, должны были понять, что война с СССР стала бы для них катастрофой.

Но Сталин плохо знал, что представлял собой Гитлер как личность. А тот не просто не воспринимал Страну Советов, но и патологически ненавидел русских как восточных славян и ненавидел народы Востока в целом. Поэтому, по нашему мнению, данный шаг, наоборот, укрепил намерения Гитлера ускорить начало войны, пока русские не окрепнут. Отчасти, видимо, Гитлер полагал, что советская армия, ослабленная

³⁹См. Судоплатов П. «Спецоперации. Лубянка и Кремль». — С. 176.

репрессиями 1937–1938 гг., не сможет выдержать молниеносного удара немцев⁴⁰. Такое мнение наверняка подогрел факт внезапного приземления немецкого бомбардировщика Юнкерс-52 на центральном аэродроме в Москве в мае 1941 г. А ведь бомбардировщик прошел незамеченным через все воздушное пространство СССР, начиная от западной границы⁴¹. В ту пору о приземлении бомбардировщика ничего общественности не сообщили, но выводы Сталин сделал жесточайшие. Большая часть руководства ВВС и ПВО были арестованы и расстреляны.

Германия же, как это видно из новейших исследований, готовилась к войне против Советского Союза очень активно. Командование вермахта издало на основе плана «Барбаросса» директиву о том, что война с Англией заменяется блокадой Британских островов, поскольку все подчиняется задачам разгрома СССР. С весны 1940 г. трудовая повинность вводилась даже для женщин. К обеспечению запросов германской военной экономики широко подключалась промышленность нейтральных Швеции и Швейцарии⁴².

⁴⁰ Такое предположение возникло из-за преувеличения подлинного масштаба репрессий в советской армии в 1937–38 гг. В ходу были данные о 40 тыс. расстрелянных командиров. Уточненные сведения показывают, что в исторической науке прописался миф Н.С. Хрущева из его доклада на XX съезде КПСС. В действительности, армия потеряла в те годы 35 020 лиц комсостава. По политическим мотивам (связь с врагами народа и т.д.) — 14 984 человека; арестованы по разным мотивам — 9 506 человек, за пьянство и моральное разложение — 3 870, по болезни, старости и т.д. — 2 882; уволены иностранцы — 4 138. В сумме это и дает 35 000. Но по политическим мотивам репрессировано около 15 тысяч человек. См. Пыхалов И. «Великая оболганная война». М.: ЭКСМО, 2005.

⁴¹ См. Судоплатов П. «Спецоперации. Лубянка и Кремль». — С. 181. Именно тогда Сталин провел новую волну репрессий в высшем командовании ВВС и ПВО, о чем пишут исследователи военной истории предвоенного периода и начала войны.

⁴² См. Мюллер-Гиллебранд Б. «Сухопутная армия Германии. 1933–1945». — С. 249, 250; См. также Пленков О.Ю. «Третий рейх. Социализм Гитлера». — С. 54–76

ГЛАВА 2

ГРУЗ ВОЕННОЙ ЭПОХИ

В феврале 1941 г. Жумабай Шаяхметов принял участие в работе XVIII партийной конференции ВКП(б). В это время уже шла вторая мировая война, в связи с чем И. Сталин обратил внимание на настоятельную необходимость укрепления промышленной базы на востоке СССР, в том числе в Казахстане.

На посту второго секретаря ЦК Шаяхметов непосредственно занимался вопросами руководства сельским хозяйством, в частности вопросами животноводства. В предвоенные годы в сельском хозяйстве республики был достигнут определенный успех: шло расширение посевных площадей, повышалась урожайность сельскохозяйственных культур, росло поголовье скота. В 1941 г. Казахстан сдал государству 100 000 000 пудов хлеба. Это был единственный год, когда республика смогла заготовить такое количество хлеба⁴³.

В годы войны раскрылся организаторский потенциал Жумабая Шаяхметова. Казахстан превратился в арсенал фронта. Шаяхметов стал Уполномоченным ГКО по Казахской ССР, отвечал за размещение на территории Казахстана людей и предприятий, эвакуированных с западных территорий СССР, занимался вопросами размещения и решения социально-бытовых проблем депортированных народов.

⁴³РГАНИ. Ф.5. Оп. 98. Д. 38987. Л. 19.

1941 г. стал временем тяжелейших испытаний. 22 июня по всему Казахстану прошли митинги, на которых шла речь о необходимости мобилизации всех сил и средств для разгрома врага.

25 тыс. человек присутствовало на митинге трудящихся Алма-Аты в парке культуры и отдыха имени М. Горького. Первое слово было предоставлено второму секретарю ЦК Компартии Казахстана Жумабаю Шаяхметову, который зачитал собравшимся текст речи Вячеслава Молотова. Вот как освещался тот митинг в центральной печати:

«Бурными аплодисментами встретили участники митинга заявление тов. Молотова о том, что Советское правительство отдало нашим войскам приказ — изгнать врага с территории нашей Родины.

Выступление тов. Шаяхметова прерывается возгласами:

— Да здравствует непобедимая Красная Армия!

— Да здравствует великий Сталин!

Мощное громовое ура далеко разносится по аллеям парка. Репродукторы повторяют его по всей столице.

— Все наши предприятия, заводы, фабрики, рудники, промыслы, железнодорожный транспорт, авиация должны сейчас, как никогда, перестроить свою работу. Каждое из них должно стать крепостью обороны...

У каждого из нас должно быть развито чувство ответственности перед Родиной, высокая сознательность, бдительность, самоотверженность, героизм, воинственность и подтянутость...

Сейчас, как никогда, необходимы четкость, оперативность, боевая революционная дисциплина и беспрекословное выполнение заданий партии и правительства.

Эти слова тов. Шаяхметова встречаются бурными аплодисментами.

— Казахский народ в любую минуту по призыву Советского правительства встанет грудью на защиту нашей великой Родины, — говорит тов. Шаяхметов.

В ответ вновь вспыхивает гром аплодисментов. Мощное ура покрывают его слова»⁴⁴.

На защиту Родины вместе со всеми советскими людьми поднялись верующие и их духовные наставники. 2 сентября 1941 г. к мусульманам был обращен призыв муфтия Г.З. Расулева, проникнутый духом патриотизма и верой в справедливость борьбы за свободу Родины. Однако в то время советское правительство еще не было готово работать с духовенством и боялось новаций, поэтому реакция со стороны власти было запоздалой. Позднее, 15–17 мая 1942 г. в Уфе прошло мероприятие, называемое в документах по-разному — Меджлис-Гулями или расширенное совещание исламских руководителей. На нем четко ставились задачи мусульманам на время войны: всемерная помощь воинам и мирный труд во имя победы, что приравнивалось к участию в сражениях. В принятом обращении разъяснялось, что победа над фашизмом спасет мусульманскую цивилизацию и весь мир от разрушения и порабощения. К концу сентября 1942 г. текст обращения был издан на татарском и казахском языках по 3 000 экз., на таджикском, туркменском и киргизском языках — по 2 000 экз. В ЦК ВКП(б) был передан не только перевод, но и текст на национальных языках с арабским шрифтом. Призыв муфтия Г.З. Расулева от 2 сентября 1941 г. и обращение исламских руководителей СССР стали известны мусульманам всей нашей страны. Это стало возможным благодаря не только публикации в газете «Труд», но и деятельности уполномоченных ЦДУМ в регионах СССР⁴⁵.

С началом Великой Отечественной войны в жизни Жумабая Шаяхметова наступил период особых испытаний. Война — всегда крутой перелом в жизни любого общества. Как мы помним, до советской эпохи казахов в армию

⁴⁴ Казахстанская правда. 22 июня 1941 г. Экстренный выпуск.

⁴⁵РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 106. Л. 78, 79–84, 85–108 об. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 4. Л. 109. Ахмадуллин В.А. Патриотическая деятельность духовных управлений мусульман в годы Великой Отечественной войны. – С. 18–19.

не призывали, даже после известных предложений верхов казахского общества в 1914–1915 гг. Не так много было их в частях Белой и Красной армий и в формированиях «Алаш» в гражданскую войну. Конституцией Советского государства и законом Верховного Совета СССР, принятым 1 сентября 1939 г., для мужчин в возрасте от 19 до 40 лет была введена всеобщая воинская повинность, вне зависимости от национальности и социального происхождения. Закон, кстати, обязывал власти организовать начальную военную подготовку, возложив её на военные комиссариаты⁴⁶.

С той поры всё, связанное с призывом в армию и контролем за выпуском военной продукции предприятиями республики, стали курировать специально созданные по решению Москвы военные отделы ЦК, обкомов и горкомов партии⁴⁷. Их деятельность — сфера прямой личной ответственности первого и второго секретарей ЦК. Война отменила понятие отдыха, ввела в обыденность чрезвычайные меры по организации любого дела. Эти меры, защищая общество, одновременно делали жизнь обычного человека крайне напряженной, ибо во многом ограничивали свободу личности. Этим порой пользовались разного рода бюрократы и карьеристы из структур управления, о чем в последние три десятилетия написано немало статей, где извращения почти целиком приписаны системе в целом.

Война с первых же дней показала высокий уровень патриотизма казахского народа. На призывных пунктах военкоматов выстраивались очереди добровольцев. Один из работников узловой станции Джамбул З. Садбенбеков писал о том времени. «22 июня я вместе со старшим братом пришел в военкомат с просьбой отправить меня на фронт. Просьбу старшего брата удовлетворили, а мне сказали: “Пока работай на своем месте, будь готов, призовем”»⁴⁸.

⁴⁶См.: Исторический опыт защиты Отечества. – С. 225.

⁴⁷См.: Очерки истории Коммунистической партии Казахстан. Алма-Ата: Казахстан, 1984. – С. 297.

⁴⁸См.: Социалистик Казахстан. 25 июня 1941 г.

А фронт, где ситуация обострялась, требовал новых и новых пополнений. И республика их давала. Только из стен Казахского государственного университета в армию ушло в 1941–1942 гг. 287 человек: студентов, преподавателей, сотрудников различных кафедр. Причем почти половина из них (135) добровольно. Место тех, кто ушел защищать родину, занимали девушки и женщины. Так, в 1942 г. из 360 принятых на учебу в университет было 293 девушки (более 81 %), и эта тенденция сохранялась все годы войны⁴⁹.

На Жумабая Шаяхметова легла обязанность контролировать мобилизацию в ряды вооруженных сил. В этой связи следует отметить, что республика дала фронту более 1,2 млн. бойцов. И это в дополнение к тем 187 тысячам казахстанцев, которые уже служили в армии⁵⁰.

Республика остро нуждалась в кадрах, необходимых для решения целого комплекса народно-хозяйственных задач. Характерным был случай с приглашением в республику Мажекена Бутина, который на протяжении нескольких десятилетий занимал ответственные посты в легкой и пищевой промышленности. По словам его сына Е.М. Бутина, в начале Великой Отечественной войны Жумабай Шаяхметов «искал по всей России молодых и образованных казахов, которые должны были работать на своей Родине. В 1943 году папа был приглашен (из Челябинска) на работу в Актюбренген,

⁴⁹См.: Джолдасбеков У., Ахметов З. Казахский государственный университет. Алма-Ата, 1970, 1980.

⁵⁰См. Исторический опыт защиты Отечества. – С. 234. Вызывает удивление вольное обращение с цифрами в работе «История Республики Казахстан». Учебник для вузов. Астана, ИКФ Фолиант, 2000. На стр. 322 авторы учебника Кузембайулы А. и Эбил Е. пишут: «В ряды Советской армии за время войны было призвано более 8 миллионов 200 тысяч казахстанцев». Такого не могло быть, даже если бы призвали поголовно все население республики, включая женщин, детей и стариков, ибо численность жителей Казахстана составляла к тому времени 6 млн. 54 тыс. человек. См.: Народное Хозяйство Казахстана. Статистический сборник. Алма-Ата: Казахстан. 1968. – С. 7.

а затем в Алма-Ату — первым заместителем, министром пищевой промышленности Казахстана. На этой должности проработал до 1954 года»⁵¹.

Само начало войны при всех горестях и при всей тяжести поражений лета и осени 1941 г. показало оправданность приготовлений прежних лет и тех мер, которые принимались с первых дней войны. Ведь та же 316-я стрелковая дивизия начала формироваться в Алма-Ате 13 июля 1941 г. и изначально имела в своем составе три стрелковых полка и один артиллерийский. Её командиром стал бывший боец чапаевской дивизии Иван Васильевич Панфилов. В короткие сроки он создал одно из лучших соединений Красной Армии. Непосредственный участник тех событий писатель Дмитрий Снегин по этому поводу заметил:

«Наша не кадровая, чуть ли не наполовину составленная из интеллигенции, многонациональная дивизия вошла в состав 16-й армии и была поставлена на главном направлении немецко-фашистского удара, нацеленного на Москву. В воинских сводках и народной памяти то направление будет названо Волоколамским. “Тайфун” (кодовое название операции немцев по захвату Москвы) здесь закружится — завяжется в смертельный узел... Именно в те, до предела накаленные непрерывными и кровопролитными боями дни, Иван Васильевич обратился к нам, своим подчиненным (вернее сказать — соратникам) с удивительным призывом: “Стойте насмерть, но оставайтесь живыми. Живые побеждают в бою, живые мы будем нужны Родине после победы... Опыт первых боев показывает, что гитлеровские вояки стремятся прорвать, разобщить, смешать нашу оборону к исходу дня, чтобы на следующее утро по расчищенному проходу вырваться на оперативный простор и в один-два прыжка окружить и сокрушить Москву. Я вас прошу, где бы вы ни оказались

⁵¹К 100-летию со дня рождения Бутиной Маргайши Каримовны. сост. Р.М. Бутина, под ред. Д.Н. Данаевой. Алматы: Қазақ университеті, 2014. – С. 46.

к ночи, прорывайтесь, пробирайтесь..., чтобы занять новый рубеж обороны»⁵².

316-я дивизия высоко оценивалась по уровню подготовки бойцов и командиров прославленным советским полководцем К.К. Рокоссовским, который в ту пору командовал 16-й армией. Позднее он вспоминал о тех днях.

«Общая обстановка на Западном фронте к 14 октября оказалась очень тяжелой. Враг двигался на Москву. Потребовались титанические усилия... для ликвидации нависшей над столицей нашей Родины угрозы... Все было сделано, чтобы преградить дорогу вражеским войскам. Ставка срочно направляла на боевые рубежи отдельные части из района Москвы, спешно перебрасывались дивизии с других фронтов, из Средней Азии и с Дальнего Востока.

На левом фланге, прикрывая Волоколамск с запада и юго-запада до реки Руза, стояла 316-я стрелковая дивизия, прибывшая из фронтового резерва. Командовал ею генерал И. В. Панфилов, а комиссаром был С. А. Егоров. Таковую полнокровную стрелковую дивизию — и по численности, и по обеспечению — мы давно не видели. Командиры подобрались крепкие, а политработники были выдвинуты из партийного и советского актива Казахской ССР. При формировании дивизии большая помощь ей была оказана со стороны Центрального Комитета Коммунистической партии Казахстана.

Уже 14 октября я встретился с генералом Панфиловым на его командном пункте, и мы обсудили основные вопросы, касавшиеся действий его соединения. Беседа с Иваном Васильевичем оставила глубокое впечатление. Я увидел, что имею дело с командиром разумным, обладающим серьезными знаниями и богатым практическим опытом. Его предложения были хорошо обоснованы....

⁵²Боздактар. Книга памяти Казахстана. – С. 255.

О своих подчиненных генерал отзывался уважительно, видно было, что он хорошо знает каждого из них.

Бывает, человека сразу не поймешь — на что он способен, каковы его возможности. Генерал Панфилов был мне понятен и симпатичен, я как-то сразу уверился в нем — и не ошибся»⁵³.

Дивизия Панфилова к моменту её введения в бой насчитывала более 11 тыс. бойцов и командиров. Против нее уже 14 октября 1941 г. немецкое командование двинуло две пехотные и две танковые дивизии⁵⁴. В германской армии пехотная дивизия насчитывала 14–16 тыс. солдат и офицеров. Танковая дивизия — 200 танков и 15–17 тыс. личного состава. Если учесть, что по данным немецких исследователей некомплект в войсках к тому времени составлял 3 000 человек на дивизию, то и в этом случае против панфиловцев действовало около 50 тыс. фашистских солдат и офицеров. Соотношение сил было 6,25 : 1 в пользу гитлеровцев. И все же наши земляки выстояли⁵⁵.

И тогда в 1941 г., и потом после войны Жумабай Шаяхметов с большим интересом общался с воином-писателем Дмитрием Снегиным и по мере возможностей оказывал ему содействие в повседневной жизни⁵⁶.

⁵³См. Рокоссовский К.К. «Солдатский долг». — М.: Воениздат, 1984. — С. 63, 64.

⁵⁴См. Дайнес В. «Гений войны Рокоссовский. Солдатский долг Маршала». М.: ЯУЗА, ЭКСМО, 2013. 672 с.; Рокоссовский К.К. «Солдатский долг». — С. 63, 64, 65.

⁵⁵См.: Мюллер-Гиллебранд Б. «Сухопутная армия Германии. 1933–1945». М. Изографус-ЭКСМО, 2002. — С. 86, 284, 286. См.: Боздактар. Книга памяти Казахстана. — С. 327, 328.

⁵⁶Отметим, что при поддержке Шаяхметова появились: «Казахстан в первые годы Великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков». Сб. Документов, Алма-Ата, 1943; Кобылбаев Ш., Лещев И. «В восьмой гвардейской». Казахстанская правда, 8 февраля 1942; Бауржан Момыш-улы. «Офицердин. Кун-делеги». Алма-Ата, 1952.

Осень 1941 г. запомнилась болелью человеческих трагедий. Фашистская агрессия сорвала с мест обитания миллионы людей. Уже с первых дней войны пришлось заняться устройством эвакуированных из западных областей страны, размещением прибывавших из фронтовой полосы важных для обороны заводов и цехов из Белоруссии, Украины, западных районов России. И все это надо было делать быстро и без ущерба для дела обороны страны.

Первые эшелоны эвакуированных начали прибывать в июле 1941 г. К осени 1941 г. поток эвакуированных стал нарастать, составив к 1 сентября более 24 тыс. человек⁵⁷. Но он потом существенно возрос. А всего до конца года в Казахстан прибыло 366, 4 тыс. человек, из них 136,5 тыс. детей.

Пусть не по своей воле, Казахстан в годы войны стал местом ссылки репрессированных народов. Первыми в 1941 г. привезли интернированных немцев. Затем сюда отправили ряд народностей Кавказа — свыше полумиллиона человек. Всего в годы войны в Казахстане нашли приют более 1 млн. человек⁵⁸.

А фронт потребовал не только пополнений, но, в первую очередь, новые командные кадры. Жумабай Шаяхметов берет под свой контроль функционирование имевшихся и создание новых учебных центров подготовки командного и сержантского состава. В его поле зрения вошли 30 военно-учебных заведений, откуда армия получала неплохо подготовленных защитников Родины⁵⁹.

⁵⁷См.: АП РК. Ф. 735. Оп.4. Д. 227. Л.5.

⁵⁸Таран О. «Казахстан — фронту!» //Деловой Казахстан. 7 мая 2014 г. По книге К. Рыспаева «История Республики Казахстан» и докладу Т. Балакаева «Ратные и трудовые подвиги казахстанцев в годы Великой Отечественной войны».

⁵⁹См. «Исторический опыт защиты Отечества». – С. 235; «Раскрепощенная война. «Особые папки» ЦК КП(б) Казахстана. 1941–1945 гг.». Сб. документов. Алматы, 2020, – С. 91, 101, 124, 131, 133, 134, 139, 140, 143/.

Другой поток — раненых и больных — вынудил развертывать в республике в дополнение к двум имевшимся военным госпиталям (Алма-Атинского гарнизона и пограничного) все новые и новые стационары, что стала еще одной заботой Жумабая Шаяхметова. К весне 1942 г. было уже 78 таких госпиталей, развернутых по всей территории республики. Они позволяли лечить одновременно около 24 тыс. человек. Такая динамика особо впечатляет в свете сегодняшних событий в сфере охраны здоровья населения.

В сентябре 1941 г. для координации работы госпиталей при наркомате здравоохранения Казахстана было создано специальное управление из 10 человек во главе с заместителем наркома, профессором Ермолаевым В.Г., а потом его сменил кандидат медицинских наук, другой зам. наркома Тлеугабылов М.К.⁶⁰

В 1941 г. из западных районов СССР перегнали сюда 76, 5 тыс. голов крупного рогатого скота, 50,5 тыс. овец и 5 902 лошадей, доставили другое имущество колхозов и совхозов, а также машинотракторных станций (МТС), которые были распределены по хозяйствам⁶¹.

Война вынудила произвести перестройку всех структур управления экономикой и обществом и буквально продиктовала необходимость повышенного внимания к вопросам науки, чтобы в полной мере решать задачи помощи фронту. Николай Скворцов, как плановик-экономист считал необходимым создать при госплане республики научно-технический совет, куда вошло более 150 ученых, главным образом, из состава Казахского филиала Академии наук СССР⁶².

Как и большинство граждан советской державы Жумабай Шаяхметов болезненно переживал неудачи первых месяцев войны. Но постепенно уверенность в успехе нарастала. При-

⁶⁰См. Боздактар. «Книга памяти Казахстана». – С. 320; «Расстреленная война. «Особые папки» ЦК КП(б) Казахстана. 1941–1945 гг.». Сб. документов. Алматы, 2020, – С. 113, 119, 137, 351/.

⁶¹Деловой Казахстан. 7 мая 2014 г.

⁶²См. Сатпаев К.И. Избранные труды. Алма-Ата, 1969, Т. 4. – С. 7, 8.

ходившие с фронта вести о подвигах земляков вселяли надежду на лучшее. А непосредственно в Казахстане в полный рост встала задача оказания помощи фронту и не только пополнениями, типа 316-й стрелковой дивизии, которую, как мы уже отмечали выше, формировал в Алма-Ате генерал И.В. Панфилов. В Актюбинске создали 312-ю стрелковую дивизию. Кстати, именно актюбинцы, буквально прямо с колес, вступили в бой с фашистами под Малоярославцем и на целых восемь (!) дней задержали продвижение превосходящих сил врага, дав возможность отходящим войскам создать новые рубежи обороны на подступах к Москве⁶³.

На землях акмолинского Приишимья для пополнения армии были сформированы 29-я, 310-я и 387-я стрелковые дивизии, 40 % бойцов которых составляли казахи, 30 % — русские и 25 % — украинцы. В июле-августе 1941 г. в Петропавловске Северо-Казахстанской области была сформирована 314-я стрелковая дивизия, а в августе-ноябре 1941 г. в Алма-Ате — 91-я стрелковая дивизия. Что касается военнообязанных, то ими в соответствии с упоминавшимся выше законом считались все мужчины в возрасте от 16 до 50 лет. Правда, тех, кому было за 40, призывали, главным образом, в железнодорожные войска и в строительные батальоны, то есть, на тыловые работы⁶⁴.

1 сентября 1941 г. сначала в 8 городах республики, а затем и во всех остальных населенных пунктах Казахстана была введена карточная система. Распределение продуктов было дифференцированным. В первую очередь обслуживались рабочие оборонных заводов, чей паек в 1941 г. составлял 700–800 граммов хлеба в день. Ко второй категории относились служащие, учителя и т.д. — 600 граммов хлеба в день. Третью и четвертую категорию составляли иждивен-

⁶³Там же. — С. 238, 239.

⁶⁴См. Жумагожин А. «Военно-мобилизационная работа местных органов в годы Великой Отечественной войны». Социально-политическая история Приишимья. Целиноград, 1990. — С. 45; Боздактар. «Книга памяти Казахстана». — С. 327–370.

цы и дети до 12 лет — 300–400 граммов в день. Эти нормы не были постоянными и изменялись они, к сожалению, в сторону уменьшения⁶⁵.

Если бы читателю довелось ознакомиться с дневником Жумабая Шаяхметова той поры, то, перелистывая его страницы, он видел бы одни и те же записи: формирование частей и соединений для фронта; наращивание производства вооружений и боеприпасов; уборка урожая; прием все новых и новых эшелонов с эвакуированными и депортированными. Такими были его повседневные заботы.

К концу 1941 г. и началу 1942 г. к этим ставшим привычными заботам стали добавляться задачи, которые ставились в свете донесений спецслужб о положении дел в соседнем Китае и приходивших из Москвы по линии ТАСС разного рода шифровок и обзоров, касавшихся положения дел в Англии и США. В частности, удивляли призывы рядовых американцев к СССР включиться в войну с Японией после перехода советских войск в контрнаступление под Москвой в начале декабря 1941 г. Еще большую настойчивость проявлял в письме в посольство СССР в США, датированном 17 декабря 1941 г., некто Уильям Оливер из Атланты (штат Джорджия): «Русским ВВС следует немедленно нанести удар по японским базам ВМС и морским пароходным линиям»⁶⁶. А ведь такого рода заявления в США в то время делались почти повсеместно. И это на фоне того, что советская страна буквально истекала кровью и только-только сумела доказать всему миру, что немцы бесповоротно увязли в войне против советского народа и что наступает качественно новый этап борьбы, где все решат сила духа народа и резервы политической системы, общества и экономики.

Именно на фоне высочайшего самопожертвования советского народа четко вырисовывался столь циничный подход

⁶⁵Деловой Казахстан. 7 мая 2014 г.

⁶⁶См.: Иванов Р. Сталин и союзники: 1941–1945 гг. Смоленск: Русич, 2000. – С. 205.

американцев, а ведь он отражал особенность их менталитета, где приматом был поистине концентрированный дух индивидуализма, который Гегель определил как сущность гражданского общества, где каждый для себя — цель, всё остальное для него — ничто⁶⁷.

Война заставляла резко ускорять темпы индустриального развития республики. Начавшееся в конце 1930-х годов строительство Актюбинского завода ферросплавов удалось стремительно форсировать благодаря установке оборудования предприятия, которое было эвакуировано с Украины. Там же в Актюбинске на базе московского завода рентгеновской аппаратуры началось строительство завода «Актюбрентген». В Гурьеве на начатых стройплощадках ремонтного предприятия разместили цеха завода нефтяного машиностроения. В Караганде построили завод шахтного оборудования с Украины. В Кустанае началось строительство завода химического волокна, а в Караганде — синтетического каучука. В Алма-Ате на площадке строившегося авторемонтного завода установили оборудование завода тяжелого машиностроения из Ворошиловграда (ныне Луганск). В октябре 1941 г. в Акмолинск из Мелитополя прибыло оборудование машиностроительного завода, получившего номер 317, а уже 20 ноября его еще не имевшие крыши над станками цеха (спасительной была не совсем дождливая для Приишимья погода) дали первую партию осколочных снарядов, а затем начали производство мин и гранат⁶⁸.

В Чимкенте коллективу свинцового завода по линии Государственного Комитета Оборона (ГКО) было поручено дополнительно к плавке свинца срочно наладить производство чугунных корпусов для осколочных снарядов к орудиям. И это поручение было выполнено. А вскоре коллективу расширили номенклатуру задач, сориентировав на выплавку висмута, необходимого для фармакологии. А в конце 1941 г.

⁶⁷См.: Гегель Г.Ф. «Философия права». – М.: Мысль, 1990. – С. 228.

⁶⁸См.: Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. – С. 325.

завод принял на свои площадки оборудование предприятия из Подольска, что дало возможность построить прокатный цех, смонтировать прокатный стан, трубные прессы и начать выпуск свинцовых труб⁶⁹.

На собрании актива партийных работников Алма-Аты 6 октября 1941 г. Жумабай Шаяхметов в развитие сталинских директив потребовал раз и навсегда покончить с имевшимся у отдельных руководителей благодушием мирных дней и усвоить правило: война ничего не спишет. Необходимо, подчеркнул он, повысить требовательность каждого к себе во всем, главное в дисциплине труда. И, в первую очередь, это касалось подготовки резервов для фронта. Он потребовал их готовить так, чтобы они соответствовали задачам защиты страны⁷⁰.

С начала и до окончания Великой Отечественной войны Шаяхметов был Уполномоченным ГКО по Казахской ССР по сбору металлолома, в этот же период был председателем республиканской комиссии по сбору теплых вещей для Красной (Советской) Армии⁷¹.

На обслуживание нужд фронта переключались предприятия легкой и местной промышленности. Военные заказы составили в общем объеме их продукции 47 %. Это было солдатское обмундирование и обувь, шинели, полушубки, нательное белье, вещевое снаряжение. Как подсчитали составители специального сборника памяти, вся эта продукция позволила одеть и обуть личный состав 245 дивизий или около 2 млн. бойцов и командиров⁷².

В октябре 1941 г., когда вести с фронта были одна тревожнее другой, в Алма-Ату из Москвы прибыло несколько эшелонов с деятелями науки и культуры. Среди них большая группа специалистов-историков, юристов, геологов. Почти

⁶⁹См.: Боздактар. «Книга памяти». – С. 384.

⁷⁰См.: Шаяхметов Ж. «Резервы фронта готовить по-военному». // Большевик Казахстана, 1941, № 12. – С. 7, 9–14.

⁷¹РГАНИ. Ф.5. Оп. 98. Д. 38987. Л. 20.

⁷²См.: Боздактар. «Книга памяти». – С. 374.

в полном составе прибыли коллективы несколько киностудий. Всех их надлежало разместить и трудоустроить. Контроль за решением этих задач Скворцов возложил опять на Шаяхметова.

В 1941 г. в Алма-Ате разместились 12 эвакуированных вузов: Московский авиационный, кооперативно-торговый, юридический, институт цветных металлов и золота, ВГИК, Ленинградский государственный институт физической культуры, Киевский сельскохозяйственный, Воронежский зооветеринарный, Ленинградский электротехнический, институт инженеров связи и др.⁷³.

В 1941 году был организован Алма-Атинский педагогический институт иностранных языков⁷⁴. В ноябре 1941 г. государственный театр оперы и балета, отсчитывавший свою историю с 1933 г., был преобразован в Академический театр оперы и балета, который с 1945 г. стал носить имя Абая⁷⁵. Тогда же на базе Алма-Атинской студии кинохроники, открытой в 1934 г., была создана Алма-Атинская студия художественных фильмов⁷⁶.

В это же время историки-москвичи с помощью бывшего выпускника аспирантуры Института философии, литературы и истории (ИФЛИ) АН СССР и зам. наркома просвещения Казахстана Ермухана Бекмаханова приступили к подготовке методического пособия для учителей казахских школ в контексте войны с фашистами. На базе данного учебного пособия по инициативе профессоров А.М. Панкратовой и М.П. Вяткина было решено подготовить научное издание по истории Казахстана, где предполагалось выдвинуть «на первый план борьбу казахского народа за свободу и независимость, противопоставить колониальной политике царизма социалистическое строительство обновленного развивающегося Казахстана».

⁷³ Алма-Ата. Энциклопедия. Алма-Ата, 1983. – С. 46–47.

⁷⁴ Алма-Ата. Энциклопедия. Алма-Ата, 1983. – С. 47.

⁷⁵ Там же. – С. 512.

⁷⁶ Там же. – С. 282.

К лету 1942 г. черновой вариант был готов. Но при обсуждении местные историки сочли главу о национально-освободительном движении слабой, поскольку она «недостаточно ярко» раскрывала движение Кенесары Касымова. Разногласия были серьезными, и из Ташкента для согласования позиций приехал академик Б.Д. Греков. Автор главы от доработки уклонился и «освещение этой темы было поручено Е.Б. Бекмаханову, занимавшему среднюю позицию между спорившими сторонами»⁷⁷.

В тот момент никто даже не предполагал, что так было положено начало драматическим событиям, которым суждено было оставить трагический след в историографии Казахстана и к которым мы еще не раз вернемся.

Той же осенью 1941 г. Шаяхметов выступил в печати с серией статей, наибольшую известность из которых принесла публикация о том, что эта война для казахского народа приняла характер битвы за существование как этноса, битвы против человеконенавистнической политики фашизма. Казахский народ, писал Шаяхметов, как представитель семьи советских народов ведет борьбу в защиту своего отечества. Эта тема советского патриотизма умело сочеталась с национальной идеей и отражала их взаимосвязь. Позднее он развил её в других своих выступлениях⁷⁸.

1941 г. завершился на более позитивной ноте. Фашистам преподали жестокий урок под Москвой, они завязли у стен Ленинграда. В немалой степени это было результатом включения в борьбу боевых формирований, переброшенных из Сибири, и из Казахстана. Демонстрируя патриотизм и само-

⁷⁷См.: Дружинин Н.М. «Во имя научной истины». // История Казахстана: белые пятна. Алма-Ата, 1991. – С. 25, 26, 27, 28.

⁷⁸См.: Шаяхметов Ж. «Казахский народ — активный участник Великой Отечественной войны». // Большевик Казахстана, 1941 № 10, – С. 8–10; См.: Шаяхметов Ж. «Как Казахстан помогает фронту». // Агитатор и пропагандист Красной Армии, 1943, № 23; Казахстан помогает фронту. Л., 1944 и др.

отверженность, наши земляки не щадили себя ради отражения нависшей над страной смертельной угрозы.

В феврале-марте 1942 г. печать республики поведала о подвиге 28 гвардейцев-панфиловцев⁷⁹.

2 мая 1942 г. Жумабай Шаяхметов выступил на митинге бойцов и командиров 8-й гвардейской им. генерал-майора Панфилова дивизии, которые завершали боевую подготовку в Казахстане и готовились к отправке на фронт. Напомнив, что отмечавшийся накануне Первомай прошел в необычных условиях мировой войны, в ходе которой «немецко-фашистские захватчики покорили многие свободолюбивые страны Европы» и «высасывали кровь из народов Франции, Норвегии, Дании, Голландии, Чехословакии, Польши, Югославии и Греции», он, в частности, сказал:

«Захватив часть территории Советского Союза, фашистские разбойники разрушают наши города и села, грабят население, захватывают земли колхозников, устанавливают крепостнические порядки, превращают рабочих и крестьян в рабов германских помещиков и капиталистов, ликвидируют национальную культуру народов Советского Союза, путем кровавых насилий, пыток, казней и массовых убийств истребляют советских людей независимо от их национальности, пола и возраста.

На долю нашей страны выпали тяжелейшие испытания. Наша страна приняла на себя главный удар немецко-фашистской военной машины. На защиту своей чести, свободы и независимости поднялся весь советский народ.

⁷⁹См.: Кривицкий А. «О двадцати восьми павших». // Казахстанская правда, 8 февраля 1942 г.; См. также: Боздактар. «Книга памяти Казахстана». В данном сводном труде названы герои-панфиловцы — казахстанцы: Григорий Безродный, Николай Балашов, Яков Бондаренко, Петр Дутов, Петр Емцов, Нурсутбай Есебулатов, Дмитрий Калейников, Василий Клочков, Аликбай Косаев, Абрам Крючков, Иван Москаленко, Мусабек Сенгирбаев. См.: Указ работа. – С. 289, 290, 294, 298, 299, 303, 308.

...

«По приказу Народного Комиссара Обороны товарища Сталина в национальных республиках Советского Союза созданы национальные воинские соединения. Вы являетесь частью Красной Армии, единственной армии в мире, армии рабочих и крестьян, которая первая нанесла немецко-фашистским войскам ряд жестоких поражений и вынудила их очистить часть советской территории. Храбростью, мужеством бойцов, командиров и политработников Красной Армии восхищается весь мир.

...

Источник силы и могущества Красной Армии заключается в том, что в нашей стране, как ни в какой другой, сильна дружба народов, ее населяющих. Это дружба находит свое яркое выражение на фронтах отечественной войны, где рука об руку сражаются с ненавистным врагом русские и украинцы, казахи и узбеки, армяне и таджики, евреи и татары — сыны и дочери всех народов и народностей нашей великой Родины. Дружба народов нашей страны закреплена и спаяна кровью ее сынов в годы гражданской войны, в борьбе против эксплуататоров за свободу и счастье всех трудящихся и на полях битвы в дни отечественной войны против германских фашистов.

...

Вы сыны казахского народа, готовясь встать в ряды Действующей Армии, чтобы на полях сражений вместе с другими народами Советского Союза защищать свою родную страну. Помните, что вы представляете собой казахский народ в великой семье народов СССР.

...

Товарищи командиры и политработники! Вам страна доверила жизни своих сынов. От вашего умения, находчивости и смекалки зависит успешное выполнение боевых заданий. Будьте требовательными командирами, но в то же время будьте для своих бойцов отцами, заботьтесь

об их нуждах, повседневно помогайте овладевать оружием и искусством боя»⁸⁰.

Воодушевленные словами второго секретаря ЦК, бойцы и командиры приняли на этом митинге резолюцию, в которой заверили партию, правительство и народ в том, что в предстоящих сражениях будут драться мужественно и умело и бить фашистских захватчиков так, как их били под Москвой 28 героев-панфиловцев⁸¹.

Но летом 1942 г. опять пришла пора новых испытаний и тревог. Красная Армия вновь потерпела ряд тяжелых поражений, немцы полностью овладели Украиной, взяли Крым, прорвались на Кавказ, их части вошли в Воронеж, Сталинград. А в республику хлынул поток эвакуированных. Их численность к лету 1943 г. превысила 532 тыс. человек⁸².

1942 г. Шаяхметов начал с подведения итогов первого военного года, анализа того, как удалось справиться с новыми задачами труженикам промышленности, транспорта, сельского хозяйства республики. Он огласил эти итоги в своей речи на собрании общественности столицы Казахстана 3 февраля 1942 года. В той же речи им в соответствии с пожеланиями и рекомендациями Москвы были сформулированы установки для партийного актива казахского аула на второй военный год и обращено внимание на острую необходимость простых и доходчивых разъяснений массам сути происходящего на фронте и в тылу⁸³.

⁸⁰ АПРК, Ф. 708, ОП. 6/1, Д. 447, Л. 1–16.

⁸¹ Там же.

⁸² См.: «Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945». Сб. документов и материалов в 2-х томах. Т. 1. Июнь 1941–1943 гг. Алма-Ата: Наука. – С. 433.

⁸³ См.: Казахстанская правда. 10 февраля 1942 г. С помощью Ж. Шаяхметова в ту пору началось издание литературы о боевых и трудовых подвигах казахстанцев. См: «Подвиг разведчиков». Алма-Ата, 1941; «Боевые друзья». Алма-Ата, 1942 и др.

И такое разъяснение приобрело поистине масштабный характер. Особо выделим публикации в газете «Социалистік Қазақстан». Она первой в Советском Союзе 18 марта 1942 г. опубликовала поэму Михаила Светлова «Двадцать восемь», посвященную подвигу героев-панфиловцев. В том же номере, получившем потом известность по всему Казахстану и в советской стране, были опубликованы очерки Г. Мусрепова о казахстанцах-панфиловцах Косаеве, Орманове, Митине, Иманжанове, Трофимове. Газета стала регулярно публиковать письма и рассказы фронтовиков. На страницах этой газеты свое обращение к жителям блокадного Ленинграда изложил выдающийся акын республики Джамбул. Пламенные слова национального мудреца и сказителя «Ленинградцы, дети мои» глубоко взволновало защитников невской твердыни.

Тема общности судеб советских людей нашла постоянную прописку на страницах ведущей национальной газеты республики. Уже летом 1942 г. газета опубликовала письмо жителей казахстанской столицы защитникам и труженикам героического Ленинграда. «За вашей героической борьбой следит, затаив дыхание, весь мир... И мы, ваши казахские друзья, братья, сестры, с вами»⁸⁴.

Вопреки надеждам, однако, второй год войны приносил все новые тревоги. Спецслужбы информировали Москву, а та — частично — Алма-Ату о сложной ситуации, которая складывалась в Иране, и о военных приготовлениях Турции. Но руководство Казахстана серьезно беспокоило положение в соседней провинции Китая — Синьцзяне. Оттуда от представителей казахской общины потоком шли сведения о развертывании японцами при бездействии местного губернатора диверсионно-разведывательной школы. А по данным спецпредставителя Коминтерна и Кремля при ставке Мао Цзэдуна в Яньани Петра Владимировича, японцы стремительно наращивали силы Квантунской армии в Манч-

⁸⁴См.: Социалистік Қазақстан, 26 июля 1942 г.

журии, насыщая её части и соединения боевой техникой. Её новый командующий генерал Имасита уже прославился разгромом англичан в Сингапуре и отборных частей Чан Кайши на юге Китая. Имасита отдал приказ избрать три направления действий Квантунской армии: Забайкальское (на Читу и Иркутск), Приморское (Владивосток) и Уссурийское (Хабаровск)⁸⁵.

Такого рода информация сильно диссонировала с надеждами на то, что вторая летняя кампания станет успешной для Красной Армии. Известия с фронта, увы, вновь вызывали серьезную тревогу. Более того, к концу лета 1942 г. жители западных районов республики впервые ощутили на себе обжигающее дыхание великой битвы развернувшейся на берегах Волги у стен Сталинграда. Над степными просторами Уральской и Гурьевской областей появились немецкие самолеты-разведчики, а затем и дальние бомбардировщики гитлеровских ВВС в попытке сорвать перевозки грузов для нужд фронта.

Фашистское командование, организуя эти налеты, стремилось нарушить работу железнодорожной линии Илецк — Урбах — Астрахань и сорвать перевозки из Уральска в Саратов. Главное, оно надеялось хоть частично парализовать наиболее прямую связь центра страны с Закавказьем, лишить фронт и промышленность Урала и Поволжья возможности получать нефть и горючее из Баку и Красноводска по кратчайшему пути. Сообщение о бомбардировке станций Озинки, Джаныбек, Палласовка поступило в Алма-Ату в ЦК весьма оперативно⁸⁶.

Бомбардировки этих железнодорожных станций дополнились выброской диверсионно-разведывательных групп

⁸⁵См.: Владимиров П.П. «Особый район Китая. 1942–1945». – М.: Новости, 1973. – С. 87, 88.

⁸⁶См.: Бойко С. «Юнкерс над Уральском». Ответный удар. Алма-Ата: Казахстан, 1980. – С. 278–279.

абвера (военной разведки) в западных регионах республики. Это-то и стало показателем превращения западных районов республики в прифронтовые. Как отреагировали на все происшедшее Скворцов и Шаяхметов, историками пока не установлено. Но городские комитеты обороны в Уральске и Гурьеве были созданы и свою роль выполнили успешно.

Бомбардировки приграничных с Россией районов Западно-Казахстанской области велись, зенитные орудия по самолетам стреляли. Чекисты этих районов принимали участие в вооруженных столкновениях с диверсантами-парашютистами, пытающимися совершить здесь диверсии с сентября 1942 г. по май 1944 г. Железную дорогу на казахстанском участке защищали 8 зенитных бронепоездов, несколько авиаполков (№№ 629, 731, 788), 102-я истребительная авиационная дивизия ПВО, которые сбили 21 и подбили еще 3 вражеских самолета. По железной дороге в Сталинград из Казахстана прибывало пополнение, провиант, техника, обратно шли эшелоны с ранеными. На границе с Россией много населенных пунктов, но чаще всего бомбардировкам подвергались казахстанские станции Сайхин и Шунгай, Джаныбек, прилегающие села и аулы, разъезды железнодорожной магистрали. (Ныне это Приволжская железная дорога, а в то время называлась Рязано-Уральской). Нас интересует участок Урбах — Астрахань, вдоль которого и располагаются вышеуказанные населенные станции и поселки. От них до Сталинграда рукой подать — 150–200 км. С осени 1942 они находились на военном положении, применяли режим светомаскировки, однако бомбардировки велись до 5 раз в день. Первая бомбардировка зафиксирована 13 сентября 1942 года, последняя 3 января 1943 года, время сражений на Сталинградском фронте. Всего на эту дорогу фашистская авиация совершила 398 налетов, сбросив 8 650 бомб. Материальный ущерб по этим двум районам составил более семи миллионов рублей, 300 мирных жителей погибло во время бомбежек, 250 были ранены.

Согласно военным сводкам, на территории РК на железной дороге погибло 285 воинов. На самом деле, жертв было больше. Пока найдены две братские могилы⁸⁷.

Налетам фашистской авиации подверглась станция Верхний Баскунчак. Очевидец тех событий вспоминал:

«Наш небольшой саманный домик был на окраине поселка. Помню первый налет немецких “юнкерсов” — 23 часа в ночь на 28 августа 1942 года. Накануне власти потребовали покинуть городок, взяв с собой самое необходимое. Конец августа, стояла светлая лунная ночь, и мы с братом насчитали их (бомбардировщиков) 15 штук. Они заходили на бомбежку по 3 и сбрасывали свой смертоносный груз. Такое видели впервые, хотя мы жили в 8 км от поселка и жили как другие жители в землянке среди песков. Утром мы — дети побежали в поселок. Он горел, огонь был всюду. Увиденное потрясло нас. На наш домик и двор было прямое попадание трех авиабомб. Нас спасло от гибели наше отсутствие, мы почувствовали себя вновь родившимися. Сгорел весь домашний скarb. В 11 часов 29 августа началась вторая бомбардировка нашего поселка. Налетело сразу 32 “Юнкерса”. Городишко сгорел полностью, пожар продолжался 3 дня. Интерес немцев на В. Баскунчак был вызван тем, что это было пересечением четырех направлений железных дорог. От нас дорога шла на Сталинград, на Астрахань, Саратов и Нижний Баскунчак. Немцы хотели разрушить или парализовать этот железнодорожный узел. Они, конечно, разрушали, но через час, другой, поезда шли по этим направлениям. Снабжался Сталинградский фронт. Он был в 150 км от нас»⁸⁸.

⁸⁷Калинина Е. На территории Казахстана велись боевые действия во время Великой Отечественной войны. URL: <https://inbusiness.kz/ru/news/na-territorii-kazahstana-velis-boevye-dejstviya-vo-vremya-vov?fbclid=IwAR2-x9Ndik1rYL1-6OsVBSqSFfXK12ih6tydWX5sBJoOrc1GFepDGmSkp8>.

⁸⁸Бесбаев М.С. «Пережитое». Алматы, 1998. – С. 22.

Летом и осенью 1942 г. руководству Казахстана, в первую очередь Скворцову и Шаяхметову, много беспокойства доставили доведенные до них по указанию Кремля сведения органов советской разведки, о которых шла речь выше. В донесениях разведки говорилось о резком усилении японскими спецслужбами внимания к Казахстану и развертывании в этой связи разведывательно-диверсионной школы японской разведки в Кульдже и Урумчи.

В Москве были серьезно встревожены данным фактом, ведь, по сути, в любой момент далекий тыл мог стать фронтом, тем более что в Приморье и Забайкалье не стихали провокации японской военщины. Реакция Сталина была жесткой. Как и кто конкретно провел ту операцию по разгрому разведывательно-диверсионной школы японцев в Синьцзяне, историки разведки пока не рассказали. Более откровенными были некоторые рядовые участники той операции. Как рассказал своему земляку алма-атинцу Григорьеву В.К. (одному из авторов данной книги) в 1954 г. в Кемерово в личной беседе сотрудник одного из отделов областного управления МВД Юдин, он в составе специальной диверсионной группы участвовал в 1942 г. в разгроме данной школы. Тогда удалось не только ликвидировать это гнездо шпионажа, но и захватить кассу школы и даже принадлежавшие ей отары овец. Скот удалось даже перегнать на территорию СССР и сдать в фонд обороны⁸⁹.

С тем, кто отдавал приказ о такой операции, Фитиним Павлом Михайловичем, руководителем внешней разведки НКГБ-НКВД СССР в предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны, Жумабаю Шаяхметову довелось часто общаться в 1951–1953 гг., когда Фитин был министром госбезопасности Казахстана⁹⁰.

⁸⁹Ахметова Л.С., Григорьев В.К., «Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху». Алматы, 2010. – С. 178.

⁹⁰Ашимбаев Д.Р. Кто есть кто в Казахстане: Биографическая энциклопедия. – Изд. 12-е, доп. – 2012. – С. 1173.

Нам представляется, что Фитин занимал данный пост (а внешне это было понижением) не из-за провалов в работе, а в силу обострившейся борьбы в советском руководстве и из-за натянутых отношений с министром госбезопасности страны Абакумовым и пришедшим тому на смену Игнатьевым. Нельзя сбрасывать со счетов и ещё одно обстоятельство. Москва прислала тогда Фитина в Алма-Ату по довольно значимой причине. Ей просто необходимо было иметь в Алма-Ате и как раз в ранге главы республиканского ведомства МГБ человека, досконально знающего тонкости работы разведок Запада. Мы полагаем, что делалось это и для усиления мер по обеспечению секретности проектов, связанных с семипалатинским полигоном и предстоящим строительством космодрома в Байконуре, ибо и ЦРУ, и английская разведка начали активную охоту за советскими атомно-ракетными разработками. Одновременно Москва стремилась наладить надежный канал связи со своей агентурой на востоке провинции Синьцзян.

31 июля 1942 г. заведующим транспортным отделом ЦК КПК вместо Т.Т. Ташенева был утвержден Л.Г. Жуков, который потом вспоминал:

«В августе 1942 г. меня пригласили на беседу ко второму секретарю ЦК КПК Ж.Ш. Шаяхметову, которая была непродолжительной, но стала для меня чрезвычайным событием.

— Вносится предложение, — сказал он мне в конце беседы, — утвердить вас заведующим транспортным отделом ЦК. Мы учитываем, — продолжил он, — что у вас, молодого коммуниста, еще нет опыта партийной работы, но вы его приобретете, и в этом вам будет оказана помощь. Придется чаще выезжать в области, чтобы скорее ознакомиться с республикой, с деятельностью местных партийных органов и первичных организаций.

Это для меня было полной неожиданностью. Мне стало как-то страшно от того, что уйду с хорошо знакомого мне железнодорожного транспорта и окажусь на совершенно

незнакомой мне большой и ответственной работе. Я рас-
терялся, сказал откровенно о моем страхе и обратился
с просьбой оставить меня на Турксибе.

— Вы зря боитесь, — разъяснил мне Ж.Ш. Шаяхме-
тов. — Конечно, не легко будет вам, особенно в первое
время, но придется больше работать, не стесняться совето-
ваться, спрашивать. У нас нет сомнения, что вы справитесь.
Ведь работы вы не боитесь? Ну, успехов вам. — На этом
беседа закончилась. Ж.Ш. Шаяхметов пожал мне руку
и с отеческой улыбкой посмотрел на меня.

До конца того дня меня от волнения даже лихорадило,
а вечером пошла в ЦК ВКП(б) и НКПС моя телеграмма
с просьбой оставить меня на железной дороге. На следу-
ющий день после краткой беседы со мной первого секре-
таря ЦК КП(б) Казахстана Н.А. Скворцова постановлени-
ем Бюро ЦК я был утвержден в должности заведующего
транспортным отделом ЦК в возрасте 28 лет. Узнав о по-
сланной мною в Москву телеграмме, Ж.Ш. Шаяхметов
вызвал меня и предупредил о недопустимости таких
действий и об ответственности за нарушение партийной
дисциплины. С того дня я стал партийным работником,
полюбил эту очень интересную, захватывающую, требу-
ющую инициативного подхода к делу и всегда организа-
торскую работу, находился на ней 32 года, и в этом вижу
большое счастье⁹¹.

Тот 1942 г. сделал Казахстан второй в стране, после Рос-
сии, угольной, промышленной, зерновой и животноводче-
ской базой. 13 сентября Государственный комитет обороны
принял постановление «О неотложных мерах по добыче
каменного угля в Карагандинском угольном бассейне»⁹².
А спустя 10 дней в связи с потерей из-за военных действий

⁹¹Ашимбаев Д., Хлюпин В. «Казахстан: история власти. Опыт ре-
конструкции». Алматы: Credos, 2008. — С. 423. Жуков Л.Г. «Неза-
бываемое». Павлодар. 2002. — С. 62–63.

⁹²См.: СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Крат-
кая хроника. — М.: Политиздат, 1965. — С. 287.

промыслов и заводов в районе Грозного ГКО принял постановление о всемерном увеличении добычи нефти на Эмбе, потребовав увеличить добычу на 80 %. Тогда же в Гурьев была направлена специальная комиссия АН СССР, включавшая большую группу ученых-геологов мирового уровня. Нефтяников, как и ранее железнодорожников, объявили военнобязанными, призванными на все время боевых действий⁹³.

Уход на фронт мужчин самого трудоспособного возраста резко осложнил положение в колхозах, совхозах, на предприятиях городов и рабочих поселков. Место мужчин заняли женщины, старики, подростки. Но их производительность труда намного уступала той, которая обычно была у взрослого мужчины. Для администраторов разных уровней возникла дилемма: сохранить требуемый сверху уровень производства и остаться в своем кресле или «слететь» с занимаемой должности, если согласиться с тем, что новые кадры просто не в состоянии вытянуть воз спускаемых сверху установок на «ударный труд». Жумабаю Шаяхметову пришлось разбираться с теми, кто пытался вводить на своих предприятиях и в районах разного рода чрезвычайные меры.

А сложности в экономике нарастали как несущийся с горы снежный ком. Чтобы восполнить из-за захвата немцами Украины потери в производстве сахара, Москва потребовала всемерно расширить посевы сахарной свеклы. Шаяхметов справился с возложенной на него новой задачей, добившись трехкратного увеличения площадей под свеклу в Джамбульской, Чимкентской и Алма-Атинской областях. Заодно на треть возросли посевы подсолнечника, и это намного облегчило проблему снабжения города и села.

В 1942 г. Шаяхметов был назначен Уполномоченным ГКО по объекту № 14 (переоборудование нефтепровода Гурьев — Орск). Подолгу находился на объекте в командировках. Этот период в деятельности Жумабая Шаяхметова

⁹³См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. — М., 1968. — С. 72–73.

еще недостаточно изучен⁹⁴, но о многом говорит этот отрывок из воспоминаний Сафи Утебаева, внесшего огромный вклад в становление нефтяной отрасли в Казахстане:

«Жумабай Шаяхметов во время войны месяцами находился в Гурьеве. В те годы остро ощущалась ежедневная потребность в нефти Эмбы. Не оттого ли, днем и ночью велись работы? Для того чтобы нефть из Баку принималась и транспортировалась в российские города, строились железные дороги, резервуары, причалы для танкеров. Работа кипела, не замирая ни на секунду, и всем этим руководил Жумабай Шаяхметов, секретарь Центрального Комитета Компартии Казахстана. Именно поэтому он в основном пребывал в Гурьеве»⁹⁵.

И все же 1942 г. тоже закончился на волне оптимизма, рожденной контрнаступлением советских войск под Сталинградом. Уже позднее историки и журналисты выявили целый ряд интересных фактов о мужестве и героизме наших земляков в боях на подступах к Сталинграду и в самом городе. В частности, было установлено, что одним из 38 защитников каменного здания в районе площади 9 января 1905 г., ставшего потом известным в мире как «Дом сержанта Павлова», был Талибай Мырзаев, простой колхозник из Южного Казахстана, который более двух месяцев вместе со своими однополчанами сдерживал натиск солдат Паулюса и не пропустил их к Волге⁹⁶.

В том же 1942 г. в Алма-Ате усилиями коллектива объединенной киностудии, созданной на базе эвакуированных

⁹⁴РГАНИ. Ф.5. Оп. 98. Д. 38987. Л. 19. РГАНИ. Ф.5. Оп. 98. Д. 38987. Л. 19.

⁹⁵Сафин Н. «Сафи Утебаев. Знатные нефтяники земли казахской». Биографическая серия. Алматы: Общественный фонд «Мунайши» им. Н.А. Марабаева, 2009. 304 с. – С. 121.

⁹⁶См. Великая победа на Волге. М., 1965. С. 134–136; Великая Отечественная война Советского Союза. М.: Воениздат, 1965. – С. 176; Исторический опыт защиты отечества. Алматы: Борки, 1999. – С. 243–244.

из Москвы, Киева, Ленинграда киностудий, было завершено создание ряда фильмов. Был снят фильм об Александре Пархоменко, одном из героев гражданской войны. Огромную популярность приобрел фильм «Два бойца», где главные роли играли Марк Бернес и Борис Андреев. Зрителям понравился фильм «Небесный тихоход», посвященный незаметному в ночи самолету У-2.

Находившиеся в эвакуации москвичи и ленинградцы оказали большое содействие театральным коллективам столицы республики, наркомату просвещения Казахстана, а также педагогам КазГУ, пединститута им. Абая и Казахского музыкально-хореографического училища.

В 1941 г., руководствуясь призывом «Все для фронта, все для победы», училище предоставило только что построенное для него здание (ныне здание Консерватории) на проспекте Сталина под госпиталь и переехало в свое старое помещение на Сибирской улице, вновь став частью музыкальной школы. В 1942 г. состоялся первый выпуск, и почти весь его состав руководитель училища Александр Селезнев, чье имя носит сейчас училище, проводил на фронт. После этого был второй выпуск. Какое горе было для беззаветно преданного своему делу руководителя училища встречать возвращавшихся с фронта калеками выпускников. Одного из своих учеников, приехавшего с фронта без ног, он носил на руках, ухаживал за ним. Все возвращавшиеся с фронта ученики в первую очередь шли к Селезневу как к родному отцу.

В работе музыкально-хореографического комбината большую роль сыграла Галина Уланова (1910–1998 гг.), находившаяся в Алма-Ате в эвакуации вместе с ведущими солистами академических театров СССР. В 1942–1944 гг. при участии Г. Улановой в Казахском театре оперы и балета были поставлены спектакли «Бахчисарайский фонтан» (1942), «Жизель» (1943).

Народный артист Казахской ССР Даурен Абилов (1923–2001 гг.) так вспоминал о тех далеких временах:

«Великая Г. Уланова вела репетицию выпускного спектакля и была председателем ГЭК первого выпуска. Я помню, что они тогда высоко отозвались об учебном процессе и были удивлены, что в такой отдаленной окраине страны ведутся занятия по программе Ленинградского училища»⁹⁷.

В 1942 г. в Казахстан прибыло еще 532,5 тыс. эвакуированных граждан, которых требовалось обеспечить жильем и питанием.

Возникли проблемы и в связи с оккупацией врагом новых регионов страны, откуда производился перегон скота в тыловые районы. Так, из Ростовской, Сталинградской и Воронежской областей, Ставропольского края и Калмыцкой АССР в Казахстан было в срочном порядке перегнано 552,7 тыс. голов всех видов скота. Животноводам республики пришлось преодолевать серьезные трудности. При отсутствии сельскохозяйственной техники им приходилось не только ежедневно обеспечивать кормами многомиллионное поголовье скота, но и создавать запасы на зиму. Сельчане, опираясь на многовековой народный опыт, практиковали использование отгонных пастбищ, не только летом, но и зимой путем содержания скота на подножном корме.

В 1942 г. колхозы и совхозы Казахстана не только увеличили общественное стадо на 2 млн. голов, но и сдали в счет мясопоставок 160,4 тыс. голов крупного рогатого скота (что вдвое больше, чем в 1941 г.) и 878,1 тыс. овец (почти в три раза больше чем в предыдущий год).

Говоря о том, чем приходилось заниматься Жумабаю Шаяхметову в военные годы, следует отметить не только упоминавшееся выше увеличение общей площади посевов, в частности свеклы, но и об успехах растениеводов, связанных с повышением урожайности с каждого гектара.

Только в 1942 г. было создано 1 536 подсобных хозяйств, которые засеяли 41,3 тыс. гектаров. Такие хозяйства созда-

⁹⁷Жуйкова Л., Садыкова А., Уразымбетов Д. «Наш Александр Селезнев». Санкт-Петербург, 2017. – С. 28–35.

вались при детских домах и высших учебных заведениях. Так, например, КазГУ им. С.М. Кирова получил участок в несколько десятков гектар для посадки овощей, чтобы сотрудники и студенты университета могли прокормить себя. Позже эти гектары стали знаменитыми Агробиостанцией КазГУ и пионерским лагерем КазГУ «Восток-3».

В том же году Казахстан начал оказывать помощь освобожденным районам страны. Так, уже 26 марта 1942 г. республика приняла первую делегацию тружеников села из Московской области, выделив им для восстановления хозяйств 1 273 овцы, 142 коровы, 184 свиньи, 35 лошадей, 9 тонн семян⁹⁸.

1943 г. был временем не менее напряженного труда. В дополнение к обычным заботам, связанным с организационно-партийной работой, добавились проблемы изыскания возможностей помощи освобожденным от фашистов районов России, Украины, Белоруссии. Москва постоянно напоминала по самым разным каналам о необходимости наращивания объемов такой помощи, поскольку фашисты оставляли после себя фактически выжженную землю. А помочь республика могла только изношенной техникой из села, продуктами и скотом. Но даже и это становилось поистине бесценным братским даром, так как помогало выживать тем, кто лишился всего. Так, Акмолинская область передала колхозам и совхозам освобожденных районов 206 тракторов, 6 комбайнов и 84 автомашины. В качестве братской помощи в эти районы были направлены 585 трактористов, 47 комбайнеров⁹⁹.

1943 г. стал временем резкого возрастания веса науки и культуры в решении всех проблем жизни. Напомним, что в том году, как бы в подтверждение роста международной значимости республики в Алма-Ате на базе кафедр пединститута им. Абая открылся институт иностранных языков.

⁹⁸Деловой Казахстан. 7 мая 2014 г.

⁹⁹Социально-политическая история Приишимья. – С. 49.

В Чимкенте провел прием студентов технологической институт. Жумабай Шаяхметов и Николай Скворцов по мере сил помогали республиканскому филиалу Академии наук страны. К 1944 г. в составе филиала появился целый ряд новых научно-исследовательских институтов (энергетики, химико-металлургический, астрономии и физики). В филиале число сотрудников выросло почти в 6 раз, со 152 человек в 1940 г. до 864 к 1944 г. По существу сложились условия, в том числе благодаря притоку специалистов из центра страны, для создания АН Казахстана¹⁰⁰.

Именно приток ученых из центра страны позволил в тот поистине переломный в ходе войны год осуществить давно задуманное, над чем в середине 1930-х гг. работал выдающийся мыслитель, педагог Санжар Асфендиаров, автор первого крупного труда по истории казахов. Был завершен упоминавшийся выше проект под руководством известного специалиста-историка — профессора Панкратовой А.М., связанный с публикацией сводного труда «История Казахской ССР»¹⁰¹.

Учитывая значимость момента, книгу выдвинули на соискание Сталинской премии. Обратим внимание на ряд важных с нашей точки зрения моментов. Само по себе появление этой работы по истории Казахстана свидетельствовало о проявлении фактора национальной культуры и национального самосознания, а также о стремлении обозначить прошлое и настоящее этноса. А само по себе такое сознание как диффузное чувство национальной принадлежности неизбежно вело к осмыслению национальной истории и, соответственно, желанию ее «прочтения», утверждению имени нации, выражению в специальных трудах национальной

¹⁰⁰Вопросы истории Компартии Казахстана. 18 выпуск. Алма-Ата: Казахстан, 1986. — С. 181.

¹⁰¹См.: История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. Под редакцией М. Абдыкалыкова и А.М. Панкратовой. Алма-Ата: ОГИЗ, 1943.

символики и отражению особой судьбы этноса, деяний его героев и лидеров¹⁰².

Сам по себе выход в свет «Истории Казахской ССР» был показателем того, что в общественном сознании казахского народа наступил новый этап. Это было проявлением не только стремления достойно ответить фашистским идеологиям, но и желания показать, что новая казахская интеллигенция формирует свою национальную культуру, историческое знание и сознание отнюдь не в вакууме, а в тесном взаимодействии с мыслью других народов, в частности с помощью русской общественной науки.

Однако у коллектива авторов и научных редакторов нашлись завистники и оппоненты. Причем и в Алма-Ате, и в Москве. И не только в научных, но и в партийных кругах. Дело, как нам представляется, отчасти заключалось в том, что казахстанский редактор книги — секретарь ЦК КП Казахстана по идеологии — Мухамеджан Абдыкалыков не пользовался достаточным авторитетом среди некоторых его подчиненных из отдела пропаганды ЦК и ряда сотрудников сектора истории филиала АН СССР и института истории партии. Зная о его профессиональном образовании как историка, они полагали, что он не работал как исследователь и педагог и редактором быть не может.

При всей весомости поста, который занимал Абдыкалыков с конца 1942 г., он был в аппарате ЦК относительно новым человеком (если не считать работы инструктором в 1937–1938 гг.), поскольку занял кресло главного идеолога республики, пересев в него с должности наркома просвещения Казахстана¹⁰³. Кто и как проинформировал оппонента

¹⁰²См.: Нурпеисов К. «История одного дела». // История Казахстана: Белые пятна. Алма-Ата: Казахстан. 1991. – С. 36; См.: Р. Кадыржанов. «Гражданская нация, этнокультурная нация и общенациональная идея Казахстана». // Общенациональная идея Казахстана. Опыт философско-политологического анализа. Алматы, 2006. – С. 76–77.

¹⁰³См.: Ашимбаев Д. Кто есть кто в Казахстане. Биографическая энциклопедия. Изд. 8-е. Алматы: ИД Credo, 2005. – С. 13.

Панкратовой — члена-корреспондента АН СССР А.И. Яковлева — данные об этом не опубликованы, но он написал негативную рецензию, сделав упор на оценке одной из глав учебника, которая касалась восстания Кенесары Касымова. Автором текста данной главы был упоминавшийся выше Ермухан Бекмаханов. Яковлев не являлся специалистом по этой теме и рецензию подготовил, естественно, опираясь на сведения, полученные через свои казахстанские связи. Они всплыли позднее в ходе дискуссий, которые на беду для Е. Бекмаханова потребовала провести уязвленная рецензией А.М. Панкратова. Так завертелось колесо «разбирательств», которые длились несколько лет. Как видно из материалов длительной дискуссии, и Панкратова, и Шаяхметов (негласно, поскольку дело касалось его выдвинутцев Абдыкалыкова и того же Бекмаханова) пытались спасти книгу и автора злополучной главы, но в дело вступили факторы, о которых они не знали.

Член отборочной комиссии по Сталинским премиям академик Е.В. Тарле в своем выступлении по вопросам новых оценок истории царской России отметил, что надо не только критиковать царизм, а понимать, почему принималось то или решение, и указал, что при освещении вопроса присоединения Казахстана к России авторы «Истории Казахской ССР» приводят утверждения о героической борьбе казахского народа с русскими захватчиками. Тарле решительно осудил такую трактовку событий. «Диалектика требует, чтобы мы на историю смотрели с точки зрения 1944 г. Без этого не обойтись»¹⁰⁴.

Дело в том, что И. Сталин изменил свою оценку взглядов на историческое прошлое. Если в «Кратком курсе истории ВКП(б)» любое национальное движение на окраинах

¹⁰⁴См.: Доклад академика Е.В. Тарле на ученом совете ЛГУ «О роли территориального расширения России в XIX – XX вв.». Вопросы истории, 2002. – С. 5–10.

бывшей России подавалось как освободительное, то теперь в ракурсе Отечественной войны царская Россия должна была предстать как держава, спланивавшая вокруг себя другие народы, поэтому те, кто вел борьбу с самодержавием, защищая интересы своего этноса, невольно становились «врагами-националистами». Тем самым, Сталин эпохи «Краткого курса», обличитель и критик царизма, был исправлен Сталиным — патриотом России. «Исправлен» тем, что вернул обществу высокую оценку Суворова и Кутузова, поганы в армию, лампасы генералам и т.д. Сказался и ещё один фактор. Война показала, что враг умело пользовался просчетами Кремля в области национальной политики. Это имело место в Прибалтике, на западе Украины. В 1942 г. фашисты предприняли попытку сыграть на антирусской карте на Кавказе. Для этого, как признает один из руководителей абвера, был сформирован батальон «Бергманн» (Горец) в составе трех грузинских рот, одной азербайджанской роты и взвода армян. Командиром батальона был назначен капитан Оберлендер (этот профессор был одним из главных научных специалистов вермахта по этнополитике и психологической войне). Батальон из 1 100 солдат под командой немецких офицеров разместили на Тереке против позиций грузинской национальной дивизии, направленной туда по настоянию члена военного совета фронта М.А. Сулова. Оберлендер с помощью своих подчиненных сумел сработать на разложение грузинской дивизии, откуда к немцам сбежало более 1 600 человек. Провал на Тереке вынудил советское командование заменить грузинскую дивизию другой.

Вдохновленные удачей «Бергманна», немцы создали ещё одно небольшое формирование из представителей ряда народов Северного Кавказа и попытались с его помощью провести операцию «Шамиль». Они планировали организовать восстание чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев и с их помощью захват Майкопа, Грозного, прорыв к Баку. Частный успех немецких разведгрупп, однако, не перерос

в успех стратегический¹⁰⁵. Главных причин было несколько. Народы Северного Кавказа не приняли «игру» Оберлендера, на службу к немцам пошло небольшое число эмигрантов из феодальных верхов. Основная масса осталась верна советской власти, даже профессор Константин Гамсахурдиа, отец будущего президента Грузии — Звиада Гамсахурдиа. Нефтепромыслы в Грозном и Майкопе взорвала диверсионная группа НКГБ СССР. Взбешенные немцы потом бомбили расположение штаба группы, где получили ранения адмирал Исаков и член Политбюро Л.М. Каганович¹⁰⁶.

Именно ранение этих двух деятелей, то, что к немцам перебежало более 1 600 грузин, и стремление Оберлендера сделать Кавказ полем идейной битвы с коммунизмом и стали основанием для М.А. Сулова, руководства Грузии и НКГБ поставить перед Сталиным вопрос о карательных мерах по отношению к отдельным народам Кавказа. Грузин при этом не тронули, отыгравшись на чеченцах, ингушах, балкарцах, карачаевцах, повинных лишь в том, что они были объектом интереса специалиста абвера профессора Оберлендера. Но кавказский «след» в истории освободительных движений стал рассматриваться как антирусский. И это невольно отразилось и в деле Е. Бекмаханова.

К тому же сам ход событий превращал дискуссию вокруг Кенесары в арену столкновения «старого» и «нового» Сталина. Именно на этой «новизне» и играли личные недоб-

¹⁰⁵См. Бухгайт Герд. «Абвер — щит и меч III рейха». – М.: Язуа, ЭКСМО. 2005. – С. 259–260; Надо заметить, что уже в 1950-е годы опубликованные об этом в ФРГ материалы вынудили М.А. Сулова и его аппарат выступить с рядом резких заявлений по этому поводу на страницах журнала «Новое время» (1959 г., № 35). Возможно, Сулова задело то, что рассказ Оберлендера об этом событии сопровождался словами: «политическим комиссаром в советских войсках на этом участке фронта был Михаил Сулов, будущий главный теоретик коммунизма». См.: Бухгайт Г. Указ. соч. – С. 359–360, 406.

¹⁰⁶См.: Судоплатов П.А. Спецоперации. Разведка и Кремль. – С. 234–237.

рожелатели Е. Бекмаханова, стремившиеся выставить себя подлинными знатоками исторического процесса в Казахстане. Сущность их точек зрения хорошо передал в своем очерке «История одного дела» К. Нурпеисов. К этой важнейшей теме нам придется возвращаться по ходу повествования.

Говоря о значимых событиях 1943 г., следует упомянуть о создании по постановлению СНК СССР от 8 марта 1943 г. всесоюзной школы горной подготовки, которая была развернута на турбазе «Горельник». Этот вопрос рассмотрен в монографии В.Н. Вуколова «Альпинисты Казахстана в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.)», подготовленной с использованием документов Архива Президента РК. В 1943–1946 гг. школа обучила и выпустила в действующую армию 1 500 инструкторов горной подготовки и 12 тысяч горных стрелков¹⁰⁷.

Малоизученным остается вопрос и о работе партизанских спецшкол в Казахстане, которым занимался известный казахстанский исследователь войны П. Белан¹⁰⁸.

В 1942–1943 гг. состоялись съезды представителей мусульманского духовенства в Уфе и Ташкенте, которые гневно осудили сотрудничество с немецко-фашистскими оккупантами некоторых исламских групп на Северном Кавказе и в Крыму. В 1943 г. в Ташкенте было создано духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана. В 1944 г. при СНК СССР создан Совет по делам религиозных культов¹⁰⁹.

¹⁰⁷Рассекреченная война. «Особые папки» ЦК КП(б) Казахстана. 1941–1945 гг. Сб. документов. Алматы, 2020, – С. 21. Вуколов В.Н. «Альпинисты Казахстана в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.)». Алматы: НИИ туризма университета «Туран», 2020 — 364. Шупейкин В. Алматинская «передовая». Вечерний Алматы. 23 апреля 2013 г.

¹⁰⁸Рассекреченная война. «Особые папки» ЦК КП(б) Казахстана. 1941–1945 гг. Сб. документов. Алматы, 2020, – С. 21; Белан П. «Партизанские спецшколы в Казахстане. Нераскрытые тайны войны». // Казахстанская правда, 29 февраля 2008 г.

¹⁰⁹Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1985. — С. 607–608.

20–23 октября 1943 г. в Ташкенте состоялся курултай мусульман Средней Азии и Казахстана. На нем присутствовали и представители мусульман европейской части СССР, из Сибири, Москвы и других городов. От Казахстана участвовала делегация во главе с Абдулгаффором Шамсутдиновым¹¹⁰.

В декабре 1943 г. был проведен республиканский айтыс акынов, в котором приняли участие самые известные акыны Казахской ССР.

Казахстан узнал о своих героях села. На Победу работали знатный просовод Ш. Берсиев (Актюбинская область), рисоводы И. Жахаев и Ким Ман Сан (Кзыл-Ординская область), колхозницы-свекловичницы С. Онгарбаева и Д. Жантохова, трактористки П. Ангелина, Н. Кудлая, комбайнеры Р. Нежибовская, В. Кривич и сотни других тружеников и тружениц села.

В 1943 г. колхозы и совхозы республики сдали государству свыше 300 тыс. голов крупного рогатого скота, 1,7 млн. овец, что в несколько раз превысило предвоенные поставки.

Республика продолжала оказывать помощь освобожденным районам страны. В период с июня 1942 г. и по июнь 1943 г. Казахстан отправил туда 3 879 трактористов и 579 бригадиров тракторных бригад, 106 механиков и 221 комбайнера, 69 директоров МТС и 115 агрономов, хотя таких специалистов не хватало и в самой республике. На Северный Кавказ и очищенные от врага регионы Украины были отправлены 4 тыс. тракторов и другая сельскохозяйственная техника, вместе с которыми выехали 700 бригадиров тракторных бригад и 300 комбайнера, 145 агрономов и более 100 механиков.

Казахстан взял шефство над Орловской областью и в 1943 г. отправил туда 11,6 тыс. голов крупного рогатого скота, около 74 тыс. овец и коз, 552 рабочих вола, 722 лошади и свыше 18 тыс. свиней.

¹¹⁰Шигабдинов Р. Советлар давридаги илк хаж зиёрати. URL: <https://uzanalytics.com/tarix/7478>.

Помимо этого, сельские труженики и рабочие республики собрали для орловчан свыше 3, 3 млн. рублей, выделили оборудование для трех детсадов и яслей, одного роддома, двух больниц, 3 фельдшерских пунктов и 11 сельских библиотек.

Патриотическое движение трудящихся Казахстана по оказанию помощи освобожденным районам явилось ярким проявлением дружбы народов, одним из величайших завоеваний национальной политики того времени¹¹¹.

Мы неслучайно перечисляем, казалось бы, не такие существенные для нашего времени подарки казахстанцев освобожденным районам. Всем этим руководил Жумабай Шаяхметов, который с честью выполнил задание партии и правительства и на этом направлении работы, которое имело огромное воспитательное значение.

В советские времена историки отмечали, что в 1943 г. животноводы республики намного перевыполнили план поставок государству продукции этой отрасли. Конечно, свою роль сыграли многие факторы — и то, что зимовки и выпасы прошли без осложнений, и то, что удалось избежать падежа скота и даже нарастить поголовье. Всего этого удалось достичь благодаря безотказному труду тех же женщин и подростков, их стремлению не подвести мужей и отцов, достойно справиться со своими обязанностями¹¹².

¹¹¹Деловой Казахстан, 7 мая 2014 г.

¹¹²См.: Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. — С. 340; Довольно обстоятельно вопрос деятельности аграрного сектора экономики Казахстана в годы войны изложен в книге М. Козыбаева «Казахстан — арсенал фронта». Там имеется отдельная глава «Сельское хозяйство фронту», которая позволяет получить довольно объективное представление о положении дел в животноводстве и зерновом хозяйстве, а также об уровне кадрового состава председателей колхозов и директоров совхозов. Исследователь часто уходит от благостной картины, обращает внимание не только на объективные, но и субъективные причины спада производства.

8 февраля 1944 г. Москва впервые за время войны заслушала отчет Алма-Аты о положении дел в сельском хозяйстве республики. И высказала немало претензий, особенно по положению дел не только в зерновом хозяйстве, но и в животноводческой отрасли, оперируя материалами тщательного обследования колхозов и совхозов Актюбинской области¹¹³. Республику с проверкой посетили члены Политбюро А. Андреев и А. Микоян, которые не ограничились представленной им информацией, а побывали, видимо по указанию И. Сталина, в хозяйствах Актюбинской, Алма-Атинской, Северо-Казахстанской областей.

То, что обследование возможностей республики провели два члена Политбюро, один из которых (Андреев) занимал должность секретаря ЦК ВКП(б), а другой (Микоян) являлся заместителем председателя правительства страны, говорило о том, что проверку положения дел Москва проводила сразу по двум линиям (партийной и государственной). Для Скворцова и Шаяхметова подобный визит москвичей мог обернуться самыми разными последствиями, но, как оказалось, тревоги были напрасны. А помощь от приезда кремлевских чинов была несомненной. Как теперь представляется, И. Сталин решил таким образом напомнить руководству Казахстана о том, что, кроме успешно решаемых теперь дел военных, есть и та повседневная работа, результаты которой и демонстрируют качество любого руководителя, тем более первого в истории советского государства.

Результаты работы были неплохими. В 1944 г. государству было сдано на 20,6 млн. пудов хлеба больше, чем в 1943 г. Намного был перевыполнен и план сдачи сахарной свеклы, картофеля и овощей.

К исходу войны стала выявляться острая нехватка трудовых ресурсов. Слишком много людей забирал фронт. Во время одной из командировок в Москву Жумабай Шаяхметов добился согласия И. Сталина на то, чтобы часть мобили-

¹¹³См.: Большевик Казахстана, 1944, № 6. – С. 9–14.

зубых в армию призывников использовать не на пополнение для фронта, которое могли теперь обеспечивать освобожденные районы, а для наращивания темпов строительства того же металлургического завода в Караганде, других предприятий индустрии¹¹⁴.

Речь шла не только об экономике, а, в первую очередь, о решении проблем будущего, тем более на этапе завершения войны и в преддверии налаживания мирной жизни. При этом, как представляется, решались и чисто организационные задачи. Война потребовала обновления в центре кадрового состава ряда ведомств. И. Сталин хотел еще раз убедиться в том, насколько состоялся Скворцов, как организатор в республике с большим аграрным сектором, прежде чем отзывать его на работу в Москву для решения задач развития технических культур в аграрном секторе страны и снижения зависимости от импорта.

Вдобавок резко возрастала роль Казахстана в связи с набравшим темп атомным проектом.

Республика, кроме того, играла роль важной базы для надежного обеспечения поддержки Мао Цзэдуна в контексте последующей конфронтации с США, которые делали ставку на Чан Кайши¹¹⁵.

Казахстан, граничивший с провинцией Синьцзян, мог дать людей, имевших своих родственников в многочисленной казахской общине этой провинции Китая. А это позволяло наладить нужную связь Москвы и штаба Мао для координации действий в рамках противостояния с японца-

¹¹⁴См.: Аккозин М. «Вернуть из забвения: правдивая история о Жумабае Шаяхметове, первом казахе, возглавившем республику». Алматы: 2008. – С. 37.

¹¹⁵Советский разведчик Судоплатов П.А. в своих мемуарах отмечает, что именно в то время первый заместитель Судоплатова генерал Эйтингтон начал серию мероприятий по оказанию помощи людям Мао. См. Судоплатов П. «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950». – С. 394–395.

ми, чанкайшистами, различными разведцентрами западных спецслужб.

По словам генерал-лейтенанта Василия Тарасовича Шевченко, среди скрывавшихся от призыва в Алма-Ате и других городах Казахской ССР маскировались не только агенты нацистской Германии и милитаристской Японии, но и союзников СССР — США и Великобритании.

«Последних интересовали богатейшие залежи ископаемых Казахстана... А специалисты абвера предпочитали готовить диверсантов из детей кулаков и белогвардейцев, которые пылали ненавистью к большевистскому строю. Поэтому таким даже не платили, а заставляли работать за идею.

В 1944 году Министерство государственной безопасности ликвидировало в Алма-Ате группу из семи диверсантов — дезертиров из Советской Армии.

Они готовили покушения на жизнь крупных партийных и государственных руководителей, организовывали теракты на эвакуированных в Алма-Ату предприятиях и занимались вербовкой недовольных Советской властью. Одним из самых опасных агентов-одиночек был Василий Карпенко.

Находясь в Казахской ССР, этот опытный и прекрасно подготовленный диверсант семь раз менял свою фамилию и внешность.

После окончания войны немало предателей и дезертиров, прикрывшись фальшивыми паспортами, попытались отсидеться в Алма-Ате. Но советской контрразведке удалось обезвредить почти всех»¹¹⁶.

Кстати, в музее ДВД города Алматы имеются и другие примеры диверсионных групп.

Возвращаясь к вопросам экономики, следует отметить, что главное внимание, конечно, уделялось работе по подготовке и обеспечению перевода промышленности на рельсы

¹¹⁶Губайдулин О. «Послевоенная Алма-Ата — гнездо фашистских диверсантов». Караван. 24 июня 2016 г.

мирного развития. Уже со второй половины 1944 г. по указанию Москвы ряду заводов дали заказ на выпуск продукции для народного хозяйства. Это касалось АЗТМ, Чимкентского завода прессов-автоматов, Актюбинского завода рентгеновской аппаратуры. В том списке 12 предприятий, действовавших в разных районах республики. Новую номенклатуру изделий для населения, вместо армейских гимнастеров и брюк, осваивала швейная фабрика в Семипалатинске.

1944 г. можно назвать прорывным в развитии высшего образования в Казахстане. Немалую роль в этом сыграл лично Жумабай Шаяхметов, горячо поддержавший важные инициативы в этой сфере. В 1944 году были открыты Казахский женский педагогический институт, Государственная консерватория имени Курмангазы, Казахский государственный институт физической культуры¹¹⁷.

Три новых учебных заведения существенно изменили структуру и облик высшей школы республики. Открытие консерватории стало шагом огромной культурной значимости, который в корне менял положение дел в сфере духовно-нравственного воспитания человека. Начавший функционировать в Алма-Ате женский педагогический институт был тогда единственным в Центральной Азии. Республика тем самым коренным образом изменила отношение к женщине, подчеркнув её особую роль в воспитании будущих поколений. Открывшийся на базе факультетов пединститута им. Абая институт физкультуры стал подтверждением взятого курса на формирование у новых поколений навыков здорового образа жизни за счет физического совершенствования. В составе КазПИ был создан факультет иностранных языков, что позволяло заложить базу кадров, способных осуществлять контакты с внешним миром. Общество получило тем самым возможность подтвердить, что оно вступило на путь качественных перемен, соответствующих требованиям индустриальной эпохи.

¹¹⁷Алма-Ата. Энциклопедия. Алма-Ата, 1983. – С. 47.

В 1944 году был основан ТЮЗ — театр для детей и юношества¹¹⁸. История его открытия весьма поучительна, поскольку позволяет судить об атмосфере в обществе, и заслуживает более подробного освещения. Ее хорошо излагает заслуженный работник культуры Казахстана, бывший зам. министра культуры Казахстана Исаак Иванович Попов:

«Мне было семнадцать лет и я работал администратором в Театре русской драмы. И вот как-то году в 1944-м к нашему главному администратору подходит молодая энергичная женщина и говорит: “Здравствуйте, я Наталия Сац¹¹⁹, создаю ТЮЗ, и вы должны мне помочь!”. Я, мальчишка, сижу, молчу. А администратор: “Ничего мы никому не должны и помогать не собираемся”. “Как! — вскинулась она. — Но ведь это детский театр! Кто, как не мы, обязаны думать о будущем, то есть о детях? Вы – действующие администраторы, у вас разного рода связи!”. У нас действительно были связи, а поскольку речь шла о детях, отказываться было неловко. Просительница наша была права, и мы помогли. За чем бы она не обращалась, все делали.

Пока писала письма, ходила по инстанциям, упрашивала и уговаривала начальников, присмотрела Наталия Ильинична помещение для будущего ТЮЗа. Конечно, оно в аварийном состоянии, хоть и живут в нем люди. Конечно, придется едва ли не заново возводить его. Но это не беда — дали бы только. И дали.

Наталия Ильинична — театральная величина, это личность, много сделавшая для мирового детского театра! Но Алма-Ата — особое время в ее биографии. Это был период ее возвращения к творческой жизни, момент гражданской и творческой реабилитации, и мы были свидетелями

¹¹⁸Там же. – С. 508.

¹¹⁹Сац Наталия Ильинична (1903–1993 гг.). Режиссер, драматург, одна из основательниц советского театра для детей. Народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии, кавалер ордена Ленина, Герой Социалистического Труда.

того, как оно, это возвращение, происходило. Конечно, ей было нелегко. Но она была оптимист. Причем, великий! И находила мгновенный контакт с людьми. Знакомство с работниками искусства Казахстана началось у нее уже с поезда в 1943 г. Ее спутником в вагоне оказался не больше, не меньше, как директор театра в который она ехала, — Райхан Жумин. Поезд пришел ночью с опозданием, и Жумин отвез ее в театр, так что первую ночь она провела в кабинете директора. На второй день ей выдали продуктовые карточки, а так как с жильем было тяжело, то вместе с дочерью Роксаной устроили в комнатке администратора, рядом с билетной кассой. Там они какое-то время и жили. Наталия Ильинична, проведя гигантскую работу, поставила в казахской труппе театра оперу «Чио-Чио-сан», а потом взялась пробивать создание в Алма-Ате ТЮЗа. При этом необходимо отметить, что в этом деле ее опекал секретарь ЦК КПК Жумабай Шаяхметов. Он был большим любителем искусства, и театра, в частности»¹²⁰.

Воспоминания о Наталье Ильиничне того периода оставил Георгий Львович Рошаль, который знал ее по Москве. Он, как и Сац, работал в свое время тоже в наркомпросе у Луначарского. Но если она руководила детским отделом музыкально-театральной секции, то Рошаль был членом государственного ученого совета этой секции. Оба болели за детские театры, он — в русле школы Мейерхольда, она — по-Станиславскому.

«Домами мы не общались, но дружба наша нарастала. Потом судьба сложилась сурово. И встретил я Наташу в Алма-Ате после долгих лет разлуки — ведь я помнил ее в те годы, когда она руководила зрелищами для детей, еще не расплетя своих девчоночьих косичек. Встреча эта для меня, скажу прямо, была удивительной. Перенесла она многое. Увидев ее, я не поверил своим глазам. Она выжила! Невероятно, казалось мне, что за это время че-

¹²⁰Енисеева-Варшавская Л. «Вычитано и выверено мной окончательно!!!» Алматы, 2019. – С. 104.

ловек не сник, не потерял себя и даже не растратил своей энергии. Наталья Ильинична осталась прежней, воистину прежней. Когда она заговорила со мной, я даже не все слышал. Я больше смотрел на нее — и я, и моя жена Вера Павловна Строева, и все, кто был с нами. Глаза Натальи Ильиничны блестели, она рассказывала об оркестрах, концертах, спектаклях, которые ей удалось организовать за эти годы. Она дышала воздухом нашего времени, связав прошлое и будущее воедино. И дальше — та же бурная деятельность, как была в пятнадцать, восемнадцать, двадцать пять лет. Но теперь пришла зрелость, однако она не помешала ее фантастическим планам.

Одним из них был ТЮЗ в Алма-Ате. Письма об этом она начала писать чуть ли не с вокзального порога. Пока ей подбирали работу в театре опера и балета, куда ее направила Москва, она развила концертную деятельность и культмассовую работу с детьми. Потом была блистательная постановка опера «Чио-Чио-сан» с казахской труппой на казахском языке и Куляш Байсеитовой в главной роли, но идея ТЮЗа с повестки дня не сходила. “У каждого человека есть главная тема в жизни. Моей — с первых дней юности и на всю жизнь — осталась любовь к детям, любовь к искусству к ним обращенному. А уж в тяжелые военные и послевоенные годы я особенно была убеждена, что театры детской радости нужны более, чем всегда”. Так рассуждала Наталья Ильинична. И в один прекрасный день ее вызвал к себе второй секретарь ЦК КП(б) Казахстана Жумабай Шаяхметов»¹²¹.

Этот эпизод сама Наталья Сац вспоминала так:

«И вот на одно из моих писем приходит ответ. Мне назначен прием у товарища Шаяхметова. В приемной второго секретаря ЦК КП(б) Казахстана меня встретил его помощник и точно в назначенное время подвел к дверям большого кабинета.

¹²¹Там же. — С. 99.

Несколько его коротких приветливых слов по поводу «Чио-Чио-сан», моя ответная признательность, еще что-то вокруг общих вещей.

Я заметила лежащую около него раскрытую папку ... с моими письмами! Может, сердится, что я всем надо-едаю... Не до паники. Делаю то, что должна, во что верю. Дошла до секретаря ЦК. Высоко будет падать.

Он говорит тихо, но очень четко. Смотрит пристально, не улыбается, но я хорошо чувствую себя “на острие” его глаз.

И вдруг я заметила на маленьком столике, за которым сидели, спички. Чудесные спички Вероятно, они хорошо горят, а нам в литерный паяк клали какие-то отсыревшие, и наша керосинка на них совсем не реагировала.

— Курите? — спросил он.

— Нет, что Вы, режиссер должен иметь волевой голос! Спички у Вас хорошие, но... простите...

И я не выдерживаю: “Мне говорят, что идет война. Новое создавать не время. Отцы на фронте, матери на работе, а заглянуть в сердце десятилетнему человеку, дать ему радость, веру нужно именно сейчас”.

Шаяхметов встал и протянул мне крепкую руку: “Театр для детей всех национальностей, что живут у нас, создавать будем. На русском, вслед ему — на казахском, первый театр для детей и юношества Казахстана. Ваш опыт нам очень нужен. Спасибо”.

Я вышла ошарашенная краткостью и строгой деловитостью нашей встречи. Жаль, до нашего жилья слишком близко. Я была взволнована и не находила слов. Зазвонил телефон:

— Наталья Ильинична! Говорит помощник товарища Шаяхметова. Вы, когда уходили, забыли одну вещь, сейчас я Вам ее доставлю.

Хотела ответить, что ничего не забыла: у меня с собой ни докладных, ни сумочки не было... И вдруг на пороге

нашей комнаты, словно джин из сказки, появился тот, кто только что приблизил меня к дверям большого кабинета:

— Товарищ Шаяхметов просил Вам лично передать...

В руках у меня оказались те спички, которые лежали у него на столе. Они хорошо горели!»¹²².

Об общей атмосфере, царившей тогда в высшем эшелоне власти, можно судить по некоторым сведениям, приведенным в книге «Ильяс Омаров. Жизнь и философия»¹²³:

В личной беседе с И. Омаровым, занимавшим тогда пост наркома торговли, председатель Совнаркома Н. Ундасынов, у которого были непростые и порою конкурентные отношения с Жумабаем Шаяхметовым, посоветовал Омарову не особенно доверять доброжелательно настроенному к нему секретарю ЦК.

«Пожелание Ундасынова быть осторожным и “не высываться” противоречило главному жизненному принципу Ильяса Омарова.

....

Тем временем скрытое противостояние между Ундасыновым и Шаяхметовым стало явным. Именно Ундасынов в то время считался вторым руководителем республики после Скворцова. Но благодаря контролю над кадровым вопросом влияние Шаяхметова было шире; кроме того, он не всегда считался с мнением Ундасынова. Нужно отдать должное, что в людях Шаяхметов ошибался редко, а потому его кадровая политика была очень разумной.

5 февраля 1944 г. Ильяс Омаров сделал запись в записной книжке: “Я должен отметить, что выступление тов. Ундасынова произвело угнетающее впечатление на меня. Я из этого выступления мог установить, что два наших первых руководителя в течение шести лет совместной работы не находили общего языка, внутренне переживая недостатки друг друга.

¹²²Сац Н.И. Новеллы моей жизни. – М.: Искусство, 1981. – С. 4–5.

¹²³Сулейманов М. Х., Сулейманова Ж., Голубев А. «Ильяс Омаров: Жизнь и философия». – Алматы: Далель-принт, 2002. – 184 с.

Это не могло, конечно, не отразиться на работе. Приращение роли Совнаркома и местных органов Советов было очевидным.

Не в почете у нас и наркомы. Принижена роль наркомов мелкой опекой со стороны Совнаркома. И в областях обесценены наркомы, если так можно выразиться, что там не видно наркома как наркома, а как одного из многочисленных уполномоченных. Обилие заместителей в Совнаркоме, помимо того, что сказал т. Мамутов, мне кажется, снижает роль такого мощнейшего государственного аппарата, как Госплан, который призван быть мостом между наркоматами и Советами народных комиссаров¹²⁴.

Позже мы вернемся к сути этих разногласий. В 1940-е годы, работая на руководящих постах, Жумабай Шаяхметов, конечно, уже предчувствовал то, с чем ему пришлось столкнуться при защите Е. Бекмаханова в 1950-е годы. Никто в то время не мог понять всего, что происходило в сфере идеологии страны, в отношениях между первыми руководителями, в трактовке истории прошлого и многого другого.

Говоря о 1944 г., следует отметить, что мусульмане, впрочем, как и православные Казахстана, получили возможность открыто молиться и объединяться. Они теперь могли открывать мечети.

В этой связи очень показательным является заявление мусульманской общины г. Павлодара от 19 декабря 1944 г. на имя председателя Павлодарского облисполкома К. Макина об открытии мечети и регистрации мусульманской общины и имама¹²⁵:

«Мы, верующие мусульмане гор. Павлодара, которых насчитывается более 3-х тысяч человек, вместе со всем

¹²⁴Там же. – С. 117–121.

¹²⁵ГАПО. Ф. 646. Оп. 1. Д. 575. Л. 97. См.: Мухтарова Г. Д. Ислам в советском Казахстане. Монография. – Актобе, 2007. 285 с.; Ауанасова Б.М. История эволюции религиозных отношений в Казахстане (на примере ислама 1941–1991 гг.): дис. к.и.н. Уральск, 2007. – 135 с.

народом нашей Родины радуемся доблестным успехам Красной Армии на фронтах Отечественной войны. Эти успехи мы подкрепляем своими пожертвованиями в Фонд обороны и просим Бога, чтоб наши воины в самом кратчайшем времени довершили вместе с армиями наших союзников дело разгрома немецко-фашистской Германии. Нами (т.е. мусульманами гор. Павлодара) уже собрано и сдано в Госбанк 115 тысяч рублей, за что имеем поздравительную телеграмму от тов. Сталина, которая нас еще больше обязывает усилить Красной Армии всевозможную помощь в деле быстрее разгрома нашего врага.

Сбор средств среди верующих продолжается. Но мы до сего времени в городе не имеем мечети, что не дает нам возможности совершать богослужения по нашему обряду.

Поэтому просим Вас дать нам возможность совершать богослужения «Намазы» за нашу победу в борьбе с фашистской Германией, открыть одну мечеть и зарегистрировать нашу мусульманскую общину. Наиболее подходящим домом из жилфонда в городе, где мечеть может быть, — по ул. 1 Мая, №76, — старая казахская мечеть площадью 300 кв. м., которая нас вполне удовлетворит.

Одновременно просим зарегистрировать Кулмагамбетова Рахметоллу как имама при открытии в городе Павлодаре мечети. Убедительно просим не отказать нашей просьбе.

По поручению совещания верующих города Павлодара, где присутствовало 45 человек верующих:

*Кулмагамбетов
Тарчаков
Мамыров*

Ответ просим сообщить по адресу: ул. Лассаля, №135 в, Кулмагамбетову».

Первая мечеть была открыта 20 июня 1945 г. в Павлодаре¹²⁶.

7 ноября 1944 г. из Ташкента отбыли 6 мусульман, отправлявшихся в хадж в Мекку и Медину. Вернулись они 15 февраля 1945 г. Они побывали во многих городах исламских стран — Саудовской Аравии, Ирана, Ирака. Они рассказывали о мусульманах Советского Союза, о борьбе против фашистской Германии¹²⁷.

1945 год стал временем завершения великой битвы с фашизмом. А для Жумабая Шаяхметова он стал еще и време-

¹²⁶ГА Павлодарской области. Ф. 646. Оп.1. Д. 354, Л. 53,57. Д. 575. Л. 84, 84 об.

¹²⁷Шигабдинов Р. Советлар давридаги илк хаж зиёрати URL: // <https://uzanalytics.com/tarix/7478>. Собиров А. Выступление на презентации книги Ахметовой Л.С. «Панфиловцы: наша гордость, наша слава». 5 мая 2020 года.

Краткая информация о 6 лицах, совершивших первый хадж:

1. Салихов Мурод Ходжа Салихович (1873–1953), родился в городе Ташкенте, Шайхантахурский район, Тарновбоси Махалла. До 1903 года. учился в Ташкенте, а затем в бухарском медресе. С 1903 по 1943 г. он был учителем в Ташкенте. Осенью 1943 года Мурод Ходжа Салихов был избран заместителем председателя религиозного управления мусульман Средней Азии и Казахстана.

2. Исмаил Кори (1893–1976), родился в селе Янгикурбан (ныне Наманганская область). Он выучил наизусть Коран в возрасте 13 лет и позже изучал комментарии, хадисы и юриспруденцию в медресе.

3. Абдулхайров Джонбой Абдулхайрович (Янгибой Абдулхайр), 1885 года рождения, родился в Шабазском районе Каракалпакской АССР.

4. Мусинов Мухамед Гали (Мусин Мухаметгали), родился в 1887 году в Каркалинском районе Карагандинской области Казахстана.

5. Юсупов Абдулмджид Юсупович (Абдулмджид-чори Юсуф-Зода), родившийся в 1899 году в Ходжанде (Таджикистан), учился в религиозной школе до 1924 года.

6. Г-н Абдулла Бори (Бари Губайдуллоевич, Собиров Абдулбари Абдуллоевич), 1879 года рождения. Он жил в Костанайской области Казахстана.

нем прощания с тем человеком, который вывел его на политическую арену — Николаем Скворцовым. Москва отозвала своего назначенца, введя его в состав правительства СССР. Из Хабаровска в Алма-Ату был переведен Геннадий Борков. Видимо, в расчет брался факт биографии — учеба с аспирантурой в сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. Скорей всего полагали, что агрономическая подготовка обеспечит надежную работу этого человека в республике с огромным сельскохозяйственным сектором.

Однако те, кто готовил кандидатуру Г. Боркова, не учли самого значимого — у него не было понимания особенностей другого этноса. Да и то обстоятельство, что по рекомендации Скворцова Жумабая Шаяхметова оставили вторым человеком в партии, местные кадры расценили как особенность положения Шаяхметова и большую часть вопросов решали именно с ним, невольно игнорируя первого секретаря Боркова. Через полгода Боркова отозвали, и в начале 1946 г. Москва утвердила Жумабая Шаяхметова первым секретарем ЦК КП Казахстана.

В победном 1945 г. аграрии продолжали трудиться, не снижая темпов. Всего за 4 года войны сельское хозяйство Казахстана сдало государству огромные объемы продукции. Сюда входит 4 892 тыс. тонн товарного хлеба, 1 193 тыс. тонн сахарной свеклы, 155,3 тыс. тонн хлопка-сырца, 592,4 тыс. тонн мяса, 963,7 тыс. тонн молока, 51, 2 тыс. тонн шерсти. Это было намного больше, чем удалось собрать за четыре довоенных года. Кроме того, с 1 января 1941 г. по 1 января 1946 г. прирост всех видов скота в республике составил 2 991,8 тыс. голов и возрос на 42,5 %. Также Казахстан выделил для конных частей Красной Армии 110 тыс. голов лошадей, которых хватило бы для укомплектования порядка 18 кавалерийских дивизий.

Этот самоотверженный и героический труд позволил казахстанским сельчанам достойно выполнить возложенные на них задачи. Без хорошо налаженного снабжения многомиллионной Красной Армии не только первоклассной бое-

вой техникой, но и продовольствием и снаряжением успешное ведение боевых действий было немислимо¹²⁸.

1945 г. заканчивался для Жумабая Шаяхметова на тревожной ноте. В рамках упомянутой выше дискуссии по оценке восстания Кенесары журнал «Большевик» в 6-м номере опубликовал рецензию М. Морозова на «Историю Казахской ССР», где авторы сводного труда и, в первую очередь, Е. Бекмаханов обвинялись в том, что исказили подлинный смысл процесса присоединения Казахстана к России, обелили патриархально-родовые отношения¹²⁹.

Чтобы спасти своего идеолога Абдыкалыкова, отвести угрозу расправы над Бекмахановым и дать тому возможность защитить докторскую диссертацию, что он и сделал осенью 1946 г., Жумабай Шаяхметов проводит на Бюро ЦК КП Казахстана 14 августа 1945 г. решение «О подготовке 2-го издания Истории Казахской ССР». Спустя полгода в русле начавшейся кампании по идейно-политическому «оздоровлению» советской литературы, что отразилось в известных решениях по журналам «Звезда» и «Ленинград», ЦК КП Казахстана принял постановление «О грубых политических ошибках в работе института языка и литературы АН Казахской ССР». Все формальности были соблюдены. В угоду кампании борьбы с космополитизмом «жертвой» были избраны коллеги историков — литераторы, но досталось и Абдыкалыкову. Он вынужден был расстаться с креслом главного идеолога республики и уйти в Институт истории партии, где и работал потом до ухода на пенсию в редакции перевода произведений Ленина на казахский язык.

Все это показывало, что, будучи человеком системы, Жумабай Шаяхметов, тем не менее, оставался патриотом своей республики. Не вдаваясь в нюансы противоречий, связанных с трактовками историками различных фактов из прошлого, он, руководствуясь здравым смыслом, полагал, что, если народ сохранил в своей памяти Кенесары как защит-

¹²⁸ Деловой Казахстан. 7 мая 2014 г.

¹²⁹ См: Большевик. 1945, № 6.

ника коренных интересов этноса, значит, Бекмаханов верно излагает события прошлого.

Как мы уже отмечали, в тяжелейшие годы войны Жумабай Шаяхметов тесно работал с Николаем Скворцовым. В семейном архиве сохранилось письмо Скворцова Шаяхметову от 5 августа 1945 года, которое он отправил во время своего лечения в Кисловодске после того, как был освобожден от должности руководителя республики. Он пишет (орфография и пунктуация автора сохранены): «Привет, дорогой товарищ Шаяхметов! Почти 1/6 всей своей не многолетней жизни я прожил в Казахстане, а какие это были годы, это могут понять и почувствовать только такие мои друзья и товарищи как Вы, с которыми я рука об руку добросовестно не считаясь со здоровьем боролся и трудился на благо нашей Родины, для родного казахского народа, для его дальнейшего благосостояния и счастья. А сколько было трудностей и невзгод, особенно в годы войны. Да, есть чем вспомнить нашу совместную работу и дружбу. Где бы мне не пришлось работать, куда бы не забросила меня судьба, я всегда и всюду буду с благодарностью и с чувством гордости вспоминать наш родной и близкий моему сердцу Казахстан и Казахский народ, Вас, моих друзей и товарищей, и прежде всего тех, которые все эти долгие семь лет плечом к плечу работали со мной. Сейчас имею большую возможность и время подвести итоги работы в Казахстане, хотя бы несколько обобщить весь тот богатейший опыт, который накоплен на всех участках организационной работы, приходишь к интересным выводам. Конечно, много хорошего и правильного было в методах и формах работы, но ещё больше, кажется сейчас, можно и нужно было сделать»¹³⁰.

Интересными воспоминаниями об отношениях между руководителями того периода поделился Д.А. Кунаев, который, в частности, писал:

«Скворцов в связи с назначением его наркомом совхозов страны уехал в Москву. Еще раз хочется сказать

¹³⁰Семейный архив Шаяхметовых.

о нем. На посту первого секретаря ЦК он провел большую работу в период войны, был настоящим интернационалистом. Вместе с тем был очень требовательным человеком, и в то же время очень болезненно реагировал на критику и давал резкий отпор тем, кто осмелился высказать в его адрес хотя бы незначительные замечания. На одном из последних пленумов, который проходил под его руководством, выступил прокурор республики, он сказал, что часто бывает у Скворцова и на поставленные вопросы получает исчерпывающие ответы и уходит от него весьма удовлетворенным. А Шаяхметов, второй секретарь ЦК, превратился в бюрократа, к нему трудно попасть на прием.

— Если он и удосужится принять нас, то ни на один из поставленных вопросов вы не получите конкретного вопроса. Надо ему менять стиль работы, — заключил прокурор.

В своем выступлении Шаяхметов не оставил это выпад без внимания и, отвечая на критику, резко сказал:

— Если прокурор часто бывает у первого секретаря ЦК, получает мудрые советы и в восторге от решения поставленных вопросов выходит из кабинета первого секретаря окрыленным, вдохновленным, что же делать ему у второго секретаря? Как понять вашу критику?

Ундасынов, выступая на пленуме, в конце своей речи сказал:

— В своей практической деятельности надо держаться подальше от подхалимов, они могут подвести.

Редактор «Казахстанской правды» Нефедов с места подал реплику:

— Говорите конкретно, кто подхалим?

Ундасынов ответил:

— Первый подхалим — это вы.

На этом он закончил свое выступление. Всю эту перепалку Скворцов воспринял очень болезненно. Не называя фамилий, в конце своего развернутого выступления, где

он говорил об очередных задачах республиканской партийной организации, завершил свою речь примерно такими словами:

— Работая продолжительное время в ЦК, я не знал, что окружающие товарищи носили за пазухой камень и могут ударить им в подходящий момент. Это наглядно показало выступление некоторых членов ЦК на данном пленуме. Я в своей деятельности предъявлял партийные требования ко всем работающим в одинаковой степени, за пазухой камень не держал, камень у меня в печени. На этом закончился пленум¹³¹.

Картину дополняют воспоминания Асанбая Аскарова, более четверти века стоявшего во главе Джамбулской, Алма-Атинской и Южно-Казахстанской областей:

«Тогдашние комсомольцы, если не считать студентов, имели начальное и неполное среднее образование. Низкий образовательный уровень молодежи требовал к ней подхода. Еще сложнее было работать среди молодежи, занятой на производстве. Как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Отсталые технологии, отсутствие необходимого оборудования, машин, производственных помещений, неблагоустроенность, низкий культурный уровень, еще больше усложняли работу. А комсомол везде и всюду должен быть в авангарде. Сегодня задним числом легко все и вся подвергать критике. Можно спросить тех, кто сегодня осмеивает наше прошлое, каким же образом появились крупные промышленные, сельскохозяйственные предприятия. Были трудности, было несовершенство форм и методов управления социально-экономическим развитием страны. В таких условиях и приходилось воспитывать молодежь. Амир Канапин был вожакom молодежи послевоенного времени. Эруди-

¹³¹ Ашимбаев Д., Хлюпин В. «Казахстан: история власти. Опыт реконструкции». — Алматы: Credos, 2008. — С. 434. Кунаев Д. А. «От Сталина до Горбачева (В аспекте истории Казахстана)». — Алматы: Санат, 1994. — С. 74–75.

рованный, интеллигентный, выдержанный, он внимательно относился к окружающим, был хорошим оратором. Он был в хороших отношениях с первым секретарем ЦК КП Казахстана Шаяхметовым и секретарем по идеологии Омаровым. Некоторые утверждали, что именно они выдвигали и поддерживали Амира. Но я никогда не верил этому, так как никакая поддержка не может помочь, если человек не умеет работать. Тем более и сам Канапин был незаурядным человеком¹³².

Определенные штрихи к картине того периода добавляет И.Ю. Юсупов, занимавший в разные годы различные партийные посты в республике, в том числе пост первого секретаря ЦК КПК (1962–1964 гг.):

«Когда я работал в Чимкенте секретарем обкома, Шаяхметов уговорил меня взяться за это дело, я согласился, стал министром водного хозяйства. Хотя в этом министерстве ничего, по сути дела, не было — ни одной машины, даже лошади не было. Много сделал для улучшения поливного земледелия, начали осваивать Голодную степь. Потом как-то поссорился с председателем Совмина Ундасыновым. Я привез из Красноярска 20 вагонов леса, а он отправил все в Алма-Ату. Тогда Шаяхметов отправил меня учиться в ВПШ»¹³³.

В середине ноября 1945 года праздновалась 25-я годовщина образования Казахстана. Вместе с другими делегациями в Алма-Ату приехал Т.Я. Бегельдинов, дважды Герой Советского Союза. 17 ноября состоялась юбилейная сессия Верховного Совета Казахской ССР, посвященная 25-летию образования Казахстана. После сессии Жумабай Шаяхметов принял Т.Я. Бегельдинова, подробно расспрашивал о том,

¹³²Там же. С. 435; Аскарлов А. Козкарас. Алматы: Жалын, 1996. — С. 190.

¹³³Ашимбаев Д., Хлюпин В. «Казахстан: история власти. Опыт реконструкции». — Алматы: Credos, 2008. — С. 436. Плетнева Ю. «Без Сталина о победе говорить невозможно!» //Cenrasia.ru, 9 мая 2003 г.

как он воевал на фронте в качестве летчика и заслужил самое высокое звание дважды Героя Советского Союза. После этой встречи Шаяхметов помог ему перевести семью из города Фрунзе в Алма-Ату. Проявляя заботу о дальнейшей воинской службе Талгата, Шаяхметов позвонил в Москву командующему военно-воздушных сил и попросил принять Т. Бегельдинова на учебу в военно-воздушную академию. После окончания академии Т. Бегельдинов работал начальником штаба авиационного училища¹³⁴.

¹³⁴Бегельдинов Т. «Шаяхметов — выдающийся деятель Казахстана». //Воспоминания о Жумабае Шаяхметове. — Астана: Аударма, 2002. — С. 126.

ГЛАВА 3

ТЯЖЕЛЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Следующие восемь лет (1946–1954 гг.) Жумабай Шаяхметов являлся главой республики. Сейчас пока превалируют негативные оценки той поры как последнего всплеска сталинских репрессий, связанных с гонениями на научную и творческую интеллигенцию. Нам представляется необходимым попытаться, хотя бы в самых общих чертах, разобраться с происходившим.

Сначала стоит оценить само время. Затем масштаб и направленность репрессий, а также их влияние на жизнь общества. А заодно саму степень понимания историками и творческой интеллигенцией всех противоречий послевоенной поры, которые и сегодня трактуются весьма неоднозначно.

Следует начать с того, что период 1946–1952 гг. в геополитическом плане — это время трех кардинальных сдвигов, которые были почти на грани тектонического разлома. А они надолго изменили расстановку сил на мировой арене и определили главные узлы противоборства бывших союзников по антигитлеровской коалиции — США и СССР — в политике, идеологии, военном деле, экономике и культуре.

Первый сдвиг проявился в том, что в силу действия немолотимых законов политики союзники по борьбе с фашизмом становятся теперь противниками. В немалой степени по причине внезапной кончины президента США Франклина Рузвельта и прихода ему на смену крайне правого консерватора Гарри Трумэна¹³⁵.

¹³⁵См.: Е. Сьянова «Четыре полицейских». Аргументы недели, 2009, № 21, — С. 19; См. так же Р. Шервуд. «Рузвельт и Гопкинс». Том 2. М., 1958. — С. 514–515.

Уже при Хрущеве в историческую литературу и публицистику был вброшен миф о стремлении И. Сталина в ту пору развязать новую мировую войну. Этот бред возвел в абсолют Э. Радзинский, окрасив его зловещими заявлениями о готовящихся чистках евреев в СССР для последней войны с Западом¹³⁶.

Все документы того периода и свидетельства лиц из окружения И. Сталина говорят о том, что он изо всех сил стремился избежать военного конфликта с Западом и США. Отсюда нежелание вмешаться в события в Греции, где формирования компартии вели открытую войну с правительством. Отсюда просто критика в адрес И. Тито, не согласившегося со Сталиным. Отсюда невмешательство в войну в Китае и между двумя Кореями¹³⁷ и войну во Вьетнаме, где Хо Ши Мин боролся с французами.

А вот сразу после кончины Сталина Хрущев летом 1953 г. подавил мятеж в Берлине, а в 1956 г. ввел войска в Будапешт. В том же 1956 г. грозил Англии и Франции советскими ракетами, чтобы спасти Насера. В 1958–1959 гг. оказал помощь повстанцам Алжира, а в 1962 г. привел мир на грань ядерной войны, разместив ракеты на Кубе. Все перечисленное показывает, что Хрущев по своей натуре был троцкистом, стремившимся к экспорту революции.

Второй сдвиг был обусловлен переносом главного узла мировых противоречий с Запада на Восток. Основным полем борьбы становятся Китай, Корея, Вьетнам. Эту борьбу Запад в лице США и их союзников с треском проиграл в Ки-

¹³⁶См.: Радзинский Э. «Сталин». – М., 1997. – С. 606, 607.

¹³⁷Участие СССР в поддержке КНДР выразилось в том, что один из наших воздушных корпусов прикрывал в 1951–1952 гг. воздушное пространство Северной Кореи и вынудил США тем самым согласиться на мир. Как свидетельствует полковник авиации Герой Советского Союза Пепеляев Е.Г. («МИГи против Сейбров». – М.: Яуза, 2005), только его полк сбил тогда более 100 американских самолетов, а лично он — более 20. Нашими летчиками там командовал четырежды Герой Советского Союза И. Кожедуб. Именно проиграв войну в небе, США и пошли на мир.

тае, сделав ставку на Чан Кайши в гражданской войне, бушевавшей почти до 1950 года. Если уже вести речь о других войнах, которые США вели на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, то они не смогли выиграть длившуюся три года (1950–1953 гг.) войну в Корее. Даже при их массивной поддержке Франция не сумела за восемь лет (1946–1954 гг.) вновь покорить Вьетнам.

Сдвиг третий заключался в том, что, не сумев утвердить свою гегемонию военными средствами, ведущие страны Запада включают в сферу своего влияния бывших противников — Германию, Италию и Японию и переносят центр тяжести в борьбе с СССР в область экономики, идеологии, культуры и гонки вооружений. Для этого активно использовались достижения Запада в научно-технической сфере, а также в таких областях, как социология, политология, социальная философия, культурология. А достижения СССР в науке и развитии промышленности были очень скромными, уже в силу потерь в войне 1941–1945 гг. Кроме того, обществоведение вообще было загнано в жесткие рамки сталинского мировоззрения. Стартовые позиции изначально были неравными.

Один из главных уроков прошедшего времени был в том, что обществу, в том числе и на Западе, надо постоянно помнить о высокой роли нравственности, которую напрочь растаптывали фашисты как носители праворадикальной идеологии и практики. Но политика и нравственность в своем абсолютном выражении почти несовместимы. Этого советская философия и политическая мысль тогда не замечали. Ведь социализм в сталинском прочтении — это примат государства, где любая целесообразность решения заставляет переступать через нравственность ради достижения тактических целей.

Если общая картина влияния двух первых сдвигов Сталина и его окружению была ясна, то влияние третьего сдвига, связанного с кардинальными переменами в политике, идеологии, экономике и культуре, ни он, ни его ближайшее

окружение, опасавшееся даже мыслить иначе, чем вождь, как нам представляется, в полной мере оценить не смогли. И отсюда проистекали многие ошибочные решения в сфере экономики, идеологии, культуры. Кстати, большинство этих решений принималось Ждановым, Щербаковым, Маленковым в духе столкновения двух сталинских концептов: концепта 1930-х годов и концепта, родившегося в поворотном для идеологии 1943 г., когда распускается Коминтерн, Сталин признает роль церкви и мечети в духовном воспитании общества и разрешает впервые со времен Петра I провести избрание патриарха русской православной церкви. В армии восстанавливается институт офицерства, возвращаются отвергнутые Октябрем 1917 г. погоны и т.д. Место старой идеи интернационализма занимает патриотизм, что вынуждает переосмыслить многое. А вот уловить данный нюанс без необходимого философского обоснования общество, и в первую очередь творческая интеллигенция, не могли, а такое обоснование в нужном объеме и ракурсе отсутствовало.

В этой связи следует отметить еще и то, что в публикациях литераторов и историков послевоенный период по накалу репрессий нередко пытаются сравнить с 1937–1938 гг. Это уже огромная натяжка, хотя маховик репрессий вертелся. Но приведем некоторые данные. В 1937–1938 гг. было расстреляно 681 692 арестованных. За 1941–1945 гг., т.е. за четыре года войны, — 42 149 человек. За шесть послевоенных лет (1946–1952 гг.) — 12 104. Это, как видно, составляет менее двух % от уровня 1937–1938 гг.¹³⁸ И в связи с упоминанием о репрессиях, напомним кое-что об обитателях ГУЛАГа. В лагерях («политические» содержались только в лагерях) и колониях в 1938 г. содержалось 1 881 570 человек, в том числе политзаключенных — 185 324 человека. В 1946 г. в лагерях и колониях находилось 1 703 095 заключенных, в том числе в лагерях — 746 871 человек. По 58-й статье шло 44,69 % или 333 883 человека. В 1952 г. пенитенциарная система насчитывала 2 504 514 заключенных, из них политиче-

¹³⁸См.: Отечественные архивы. — 1992, № 2 – С. 28.

ские — 480 тыс. человек, основную часть из них составляли те, кто был осужден в 1941—1945 гг. Не стоит забывать, что около 170 тыс. жертв ежовщины были амнистированы с началом войны. Если в 1938 г. «политические» составляли 18,6 % к общей массе обитателей лагерей, то в 1952 г. — 28,1 %, что во многом было связано с работой военных трибуналов, судивших бывших полицейев, власовцев, оуновцев, легионеров¹³⁹.

Кстати, в работах по истории Казахстана порой даются чрезмерно завышенные оценки численности обитателей лагерей в нашей республике. «Только Степной лагерь, располагавшийся в Ишимских степях, насчитывал с 1949 г. 200 тыс. заключенных. Крупными лагерями были карагандинские и джезказганские лагеря»¹⁴⁰. В этой связи дадим справку. На 1 января 1949 г. в исправительно-трудовых лагерях системы ГУЛАГа было 1 216 361 человек заключенных. Мы не ведем речь об обитателях колоний, осужденных по хозяйственным и бытовым преступлениям¹⁴¹. В Казахстане в лагерях содержалось около 100 тыс. человек. Пик был достигнут к 1952 г. и составил цифру 105 тыс. человек. В упомянутом Степном ИТЛ в то время имелось 23 089 заключенных, почти в 10 раз меньше чем пишут авторы «Истории Республики Казахстан»¹⁴². Как показывают другие материалы этой горькой темы, более 90 % контингента лагерей пребывало в России. В первую очередь в структурах Приполярного Севера, Северного Урала, Западной Сибири (например, в Кемеровской области были Севкузбаслаг,

¹³⁹См.: Моруков М.Ю. «Правда ГУЛАГа. Из круга первого». — М.: Алгоритм. 2006. — С. 185, 186, 187. Автор на основе данных архивов и сверки их с данными статистиков, отчетов управлений НКВД и ГУЛАГа опровергает домыслы ряда публицистов о десятках миллионов заключенных.

¹⁴⁰См.: Кузембайулы А., Абилов Е., История Республики Казахстан. Фолиант, 2000. — С. 325.

¹⁴¹См.: Моруков М.Ю. Указ.соч. — С. 185.

¹⁴²См.: Земсков В.Н. «Демография заключенных, спецпоселенцев и ссыльных (30–50-е годы)». // Мир России, 1999, № 4.

Южкузбасслаг, Севкузбассспецлес, Южкузбасспец, Мариинский сельхозлагерь), в Красноярском крае, Северном Прибайкалье, на Колыме, в Магадане, на Сахалине. Мы отметили данный факт лишь для того, чтобы при изложении событий быть ближе к истине.

Для Жумабая Шаяхметова период 1946–1952 гг. был связан с огромными сложностями и поистине изматывающим трудом в условиях опосредованного влияния на ситуацию в республике трех упомянутых сдвигов геополитического характера. Чтобы подтвердить сказанное, перечислим в хронологическом порядке события, происходившие в республике, и то, что Шаяхметов делал на своем посту.

1946 г. стал первым послевоенным годом и годом, в котором Жумабай Шаяхметов избирается первым секретарем ЦК КП Казахстана. Что хотелось бы выделить при характеристике того насыщенного противоречиями года?

Власть и почти все общество находились в плену эйфории Великой Победы. В её свете блекнет, размывается неясными тенями поистине огромная по масштабам людских, материальных, культурных, экономических потерь цена обретенного мира. Более 20 млн. человек погибло. Казахстан потерял в той войне более 600 тыс. человек, то есть в два раза больше, чем США. (Теперь вновь вводится в оборот цифра о 27 млн. погибших в СССР)¹⁴³. 70 % погибших — мужчины в возрасте 16–45 лет. Демографическая структура общества в СССР стала выглядеть так: 1 мужчина на 2,7 женщины¹⁴⁴. Около двух десятков млн. мужчин ранено. Враг стер с лица земли 1 710 городов, более 70 тыс. сел. Тысячи театров, клубов, музеев, школ, сотни вузов были уничтожены. Еще больше было разграблено фашистскими оккупантами в Белоруссии,

¹⁴³В своей работе «Россия. Век XX. (1939–1964)». – М.: ЭКСМО, 2005 г., писатель В. Кожин дает цифру 19,9 млн. человек, тщательно сопоставив все имевшиеся сведения. См. – С.133 указанной работы.

¹⁴⁴См.: История России. XX век. – М.: АСТ, 2000. – С. 470. Авторы тома дают старую цифру общих потерь 27 млн. человек.

на Украине, в западных районах России, в том числе во всемирно известных пригородах Ленинграда, Москвы. Чистый финансовый ущерб составил гигантскую цифру — 2 трлн. 569 млрд. рублей¹⁴⁵.

Победа, установив новый миропорядок, утвердила и новую систему отношений на планете. Возникла ООН. Это само собой поставило проблему национального и этнического — на уровень глобального. Игнорировать такое И. Сталин не мог уже потому, что он сам во время войны обратился к проблеме национального, отодвинув на второй план советское.

9 февраля 1946 г. на собрании избирателей Москвы И. Сталин выступил с программной речью, в которой сформулировал три наиболее важных установки на новый период жизни:

1. В кратчайшие сроки провести восстановление пострадавших районов страны, в народном хозяйстве добиться выхода на довоенный уровень, создать условия для нового мощного подъема промышленности и сельского хозяйства.

2. Покончить с карточной системой, наладить производство предметов народного потребления, поднять жизненный уровень и благосостояние советских людей.

3. Дать простор развитию науки и техники, покрыть страну сетью научно-исследовательских институтов. Догнать и перегнать в важнейших направлениях науку Запада¹⁴⁶.

Следует обратить внимание на то, что И. Сталин не зовёт, как это было до войны, к поиску внутреннего врага. Это и не нужно, поскольку не было смысла вселять в будущих противников надежды на наличие у них какой-то социальной базы в стране.

Как видно из нашего краткого анализа, речь И. Сталина ставила перед обществом и государством задачи, связанные с реконструкцией. Но в ней отсутствовали главные

¹⁴⁵См.: История России. XX век. — С. 469.

¹⁴⁶См.: Известия, 10 февраля 1946 г.; Казахстанская правда, 10 февраля 1946 г.

элементы их решения — экономическая теория, политика осуществления, которая соответствовала бы этой теории и особенностям страны, и стратегия действий применительно к различным регионам огромной евразийской державы. Одно дело — Украина и Белоруссия, другое — Казахстан и республики Средней Азии. Одно дело — Псковская или Тамбовская область и другое — Алтай, Сибирь или Дальний Восток. Не было понимания тактики осуществления перемен в аграрном секторе страны. Во многом это было связано с тем, что Сталин как политик не знал и до самого начала 1950-х годов не стремился понять законы действия экономики. Да и та его работа «Экономические проблемы социализма в СССР» не отвечала ни на один из послевоенных экономических вызовов. Наиболее яркое свидетельство об этом оставил А.И. Микоян¹⁴⁷. А мир стремительно двигался

¹⁴⁷См.: История России. XX век. — М.: АСТ, 2000. — С. 476–482; Боффа Д. История Советского Союза. Т. 1. М., 1990. — С. 251–341; Кастельс М. «Информационная эпоха: экономика, общество и культура». Перевод с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2000. — С. 28–35, 54–57, 435–472. См.: Микоян А.И. «Так было». М.: Вагриус. 1999. Заметим, что в начале перестройки сторонники либеральных подходов взяли на вооружение положения экономиста Г. Попова, который на материалах анализа региона Тамбовской области приписал советскому руководству и обществу синдром «послевоенной жертвенности». Об этом речь, например, идет в ряде интересных работ Сактагановой З. Г. Такой посыл, как нам представляется, не совсем адекватен происходившему. Разные колхозы, аулы и села жили по-разному. Одним везло на руководителей, другим — нет. В одном месте все было нормально. Во многих других — нет. Одни давали нужное количество трудодней, другие, не выработывая и трудодни, “пахали” на приусадебном участке и кормились за счет его, нередко реализуя полученную там продукцию на городском рынке, чем снижали дефицит продуктов для тружеников промышленности. Это имело место и в казахском ауле. Труженик искал и находил дыры в экономической политике и приспосабливался, возделывая огород, или разводил курей или договаривался с чабаном и держал в общей колхозной или совхозной отаре два-три десятка своих овец и т.д. Но такое отторжение от экономической политики государства советские власти, из-за указанных выше причин, не понимали, что неуклонно вело дело к кризису.

к формированию качественно нового — постиндустриального — общества.

Этот год — время целого ряда важных событий в жизни республики. Прошли первые после войны выборы в Верховный Совет СССР. По инициативе Жумабая Шаяхметова 23 апреля Бюро ЦК КП Казахстана принимает решение о переводе на казахский язык работ В.И. Ленина. Это говорило о стремлении, не ограничиваясь сталинским «Кратким курсом истории ВКП(б)», наладить политическую учебу национальных кадров.

А начинался тот год тяжело. Москва потребовала резко увеличить вклад Казахстана в решение продовольственной проблемы страны, а возможностей для этого практически не было. В колхозах и совхозах из-за мобилизаций военного времени элементарно не хватало трактористов, комбайнеров, шоферов. Вспомним то, что летом 1942 г. для ввода в действие марганцевого рудника в Джезды пришлось посадить за баранку прибывших с Урала тяжелых грузовиков учителей школ, домохозяек, старшекласников, чтобы только доставить руду к железной дороге для отправки в Магнитогорск. Да, тогда эту проблему довольно быстро решили в интересах нужного для обороны страны производства, но чрезвычайными мерами¹⁴⁸. Теперь же кадровый голод испытывал сам аул. На начало 1946 г. укомплектованность кадров механизаторов и шоферов на селе составила 78 %. Аул и село не могли из-за отсутствия людей сохранять объемы посевов зерновых. Они сократились более чем на 700 тыс. га. Проблема кадров обострилась и в животноводстве. Материалы газет и передачи по радио содержат призывы к труженикам аула и села продолжить военную вахту, ориентируют на подвиг передовиков¹⁴⁹.

¹⁴⁸См.: Сарсекеев М. Сагпаев. — М.: Молодая гвардия, 1980. — С. 216.

¹⁴⁹См.: Ахметова Л.С. «Патриотизм в ракурсе истории». — Алматы: Санат, 1996. — С. 21–23.

Сельскохозяйственные районы Поволжья и Украины поразила в том году сильная засуха. Москва в поисках решения сделала ставку на Сибирь и Казахстан. Чтобы убедиться в возможностях республики, И. Сталин послал в нее А.И. Микояна, поручив на месте изыскать резервы решения проблемы¹⁵⁰.

Вообще контролеров в тот год хватало. Они представляли разные ведомства и инстанции, хотя нередко реальной помощи от них не было. Чисто хозяйственные дела с контролерами еще удавалось утрясать, ссылаясь на объективные трудности.

Острая проблема обеспечения страны продовольствием, в первую очередь хлебом, заставила прибегнуть к уже опробованному экстенсивному решению. 26 декабря 1946 г., в том числе и с учетом рекомендаций А. И. Микояна, Совет Министров СССР принял постановление «О расширении посевных площадей и повышении урожайности зерновых культур и особенно яровой пшеницы в восточных районах СССР».

В соответствии с этим постановлением уже в 1947 г. планировалось расширить посевные площади на 10 млн. гектар, причем в 1947–1949 гг. площади под зерновыми культурами в восточных районах СССР (Казахстан, Сибирь, Южный Урал) должны были возрасти на 6,5 млн. га. Но для такого рывка элементарно не хватало сил, средств, необходимой техники. Тем самым решение на рывок изначально становилось проблемным. В полной мере это относилось и к Казахстану. В значительной степени это было связано с тем, что перевод многих предприятий на выпуск мирной продукции, в том числе тракторов, комбайнов, сеялок, веялок и другой агротехники, шел медленно. Естественно, посевные площади в целом по Казахской ССР было намечено резко нарастить с 6 039,9 тыс. га в 1945 г. до 7 854,3 тыс. га в 1950

¹⁵⁰См. Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. Изд. 2-е. – Алма-Ата: Казахстан, 1984. – С. 392.

г. Площадь зерновых культур, соответственно, увеличилась с 4 907,7 тыс. до 6 055,2 тыс. га¹⁵¹.

Драматизм ситуации в аграрном секторе был, кроме всего прочего, следствием общих пороков экономической политики государства. Внешне все выглядело оптимистично. Финансирование сельского хозяйства Казахстана за 10 лет с 1940 по 1950 гг. увеличилось в 3,4 раза. Но государственные инвестиции в аграрный сегмент (точнее в зерновое хозяйство) в этот период выросли незначительно (на 2–6% ежегодно). Не было резкого увеличения и посевных площадей зерновых культур (оно имело место не более 5–10% ежегодно).

Количественные показатели формально свидетельствовали о развитии аграрного сектора. Однако конечные результаты демонстрировали бессмысленность данного роста. Валовой сбор зерна падал и весьма значительно. В 1951 г. зерна было получено лишь 55% по отношению к сборам 1950 г., в 1952 г. показатель был немного лучше — 77% от уровня 1950 г. и лишь в 1953 г. возрос до 114%, а в 1954 г. — до 161%.

В период четвертой пятилетки (1946–1950 гг.) среднегодовые валовые сборы зерна оказались меньшими, чем в 1928 г., а государственные закупки (в среднегодовом исчислении) уступали по объемам 1941 г. Отметим, если в 1940 г. в республике производство зерна в расчете на 1 человека составило 413 кг, то в 1950 г. — 727 кг. За 10 лет производство зерна выросло в 1,8 раза¹⁵².

Сложнее было с решением проблем политического характера, которые являлись отражением уже упомянутых ранее геополитических сдвигов на мировой арене. Возросла нагрузка по китайскому направлению — и в рамках помощи

¹⁵¹См.: Сактаганова З. «Россия и Восток: Проблемы взаимодействия». Материалы VI международной конференции. Волгоград, 28–30 ноября 2002 г. Изд-во ВолГУ, 2003. — С. 70.

¹⁵²См.: Сактаганова З.Г. «К вопросу о месте и роли...» //Россия и Восток... Волгоград, 2002. — С. 71.

сторонникам Мао Цзэдуна, и в рамках усилий по отражению происков разведок Запада, пытавшихся сыграть на карте освободительного движения уйгурского народа в соседнем с Казахстаном автономном районе Синьцзян. Но наибольшая нагрузка была обусловлена начавшейся подготовкой к строительству сооружений атомного полигона на севере Семипалатинской области и мерами реализации «ракетного проекта» в районе Байконура.

После войны ситуация в верхах страны заметно изменилась. Перевод из Ленинграда в Москву А.А. Жданова ослаблял позиции других лиц в окружении И. Сталина, прежде всего Молотова, Маленкова, а потом и Хрущева. Глава страны, зная о зависти одних к другим, противоречия искусно подогревал. К тому же И. Сталин, зная о том, что политические, военные и хозяйственные руководители из его окружения приобрели огромный авторитет, решил ослабить влияние всех их сразу. В «опале» оказались Молотов, Жуков, Вознесенский.

Что касается отправки Жукова в Одессу и опалы, которой подверглись все маршалы, то следует отметить, что уже открыты архивы, сняты документальные и художественные фильмы, вышли сериалы, изданы книги. Однако мало кто связывает «дела военных» с Панфиловской дивизией. В этой связи следует указать на то, что информационные атаки на панфиловцев трижды становились отголосками тех «дел» и событий того периода (в конце 1940-х, в перестройку и десятилетия XXI века). Об этом авторы настоящей книги о Жумабае Шаяхметове подробно рассказали в своих предыдущих работах¹⁵³.

Возвращаясь к общеполитической ситуации, необходимо напомнить о том, что из-за неудачного для СССР исхода пар-

¹⁵³ Григорьев В.К. Ахметова Л.С. «Яростный 1941. Размышления историков». Алматы, 2011. 384 с.; Григорьев В.К., Ахметова Л.С. «Панфиловцы: 60 дней, ставших легендой». Алматы, 2013. 280 с.; Ахметова Л.С. «Панфиловцы: наша гордость, наша слава». – Алматы, 2020. 764 с.

ламентской кампании в Израиле, там победили сторонники сближения с США, что косвенно ударило по ряду еврейских организаций в советской стране. В СССР медленно, но неуклонно набирал обороты маховик советского патриотизма. Он отчасти был ответом на то, что администрация Трумэна начала в США преследование сторонников советской страны, развернув кампанию проверки “лояльности” чиновников разного ранга по принятому им в ноябре 1946 г. указу № 9806. Проверке подверглось более 2 млн. американцев. Особым пристрастием в этом плане отличалась комиссия сенатора Д. Маккарти¹⁵⁴.

Ситуация же в экономике была в высшей степени противоречивой. Демобилизация вернула домой несколько сот тысяч фронтовиков. Те, кто возвратился в аул или село, сразу взялись за хорошо известное и привычное дело. А вот горожанам было труднее. Появилось много новых производств, да и квалификация порой требовалась другая, нежели до ухода человека на фронт. А ведь многие уходили на войну сразу после школы, ещё не имея специальности.

Напомним, что война буквально надорвала силы людей. Ведь трудились тогда по 16-18 часов в сутки. Так работать на износ люди больше не могли. Но в ряде отраслей промышленности механизация труда оставляла желать лучшего. В первую очередь — в горнорудной промышленности. На тех же шахтах Караганды откатка угля и породы в забоях и их погрузка в вагонетки была механизирована всего на 30–40 %¹⁵⁵.

За время войны почти прекратилось строительство жилого фонда в городах. Причин несколько, но главной было сокращение производства кирпича с 220 млн. до 98 млн. штук, то есть на 60 %. А в столичной и Актюбинской областях даже в три раза, хотя именно там наплыв эвакуированных и при-

¹⁵⁴См.: Иवानян Э.А. «Белый дом: президенты и политика». – М.: Международные отношения. 1979. – С. 168.

¹⁵⁵См.: Народное хозяйство Казахстана. Статистический сборник. Алма-Ата: Казахстан, 1968. – С. 69.

езжих из других регионов страны был наиболее значителен. Кроме того, сохранялась карточная система. Человек не мог в достатке получить необходимые продукты питания. Порой просто потому, что не росло их производство, как, например, того же сахара. О проблеме одежды, обуви, белья, предметов личного обихода человека мы уже не говорим¹⁵⁶.

В конце рабочей недели простой труженик хотел пойти в клуб, чтобы посмотреть привезенный из города или райцентра фильм, а пойти в ряде мест было некуда. Число клубов в республике сократилось по разным причинам с 5 254 до 4 133, почти на одну четверть. В том числе в ауле и на селе с 4 912 до 3 896, а в городах и рабочих поселках — с 342 до 247. Закрылось 14 театров из 40 имевшихся, не стало театров детского и юного зрителя. А до войны их было — 4¹⁵⁷. Подробно описанная нами выше инициатива Натальи Сац об открытии в Алма-Ате театра для детей и юношества, которую поддержал Жумабай Шаяхметов, была далеко не случайной.

Большую тревогу в обществе вызывал заметный всплеск преступности, во многом порожденной объективными условиями того времени, притоком переселенцев и депортированных.

Время требовало новые кадры руководителей всех уровней, и Жумабаю Шаяхметову приходилось вносить предложения по организации их подготовки и переподготовки. В 1946 г. сменилась треть председателей колхозов, заметно поменялся состав директорского корпуса совхозов. Новые люди появились в районном и областном звене управления. И все они нуждались в разъяснении им причин сложившегося положения дел, путей и способов решения возникших проблем, своего места и роли в реализации получаемых установок, сути проводимой властями политики¹⁵⁸.

¹⁵⁶Народное хозяйство Казахстана. Статистический сборник. — С. 74, 87.

¹⁵⁷Там же. — С. 351.

¹⁵⁸См.: Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. Алма-Ата, 1984. — С. 393.

Историки, анализируя события первого послевоенного года, установили, что советская система пыталась своими административно-командными методами отреагировать, хотя бы частично, на требования и вызовы времени¹⁵⁹. Естественно, что ей и удавалось ответить на эти вызовы лишь частично. Во многом назначение таких ответов с учетом итогов первого послевоенного года определило постановление ЦК ВКП(б) от 19 марта 1947 г. «О подборе, подготовке и распределении руководящих партийных и советских кадров в Казахстанской партийной организации». Жумабай Шаяхметов увидел в данном решении Москвы как оценку той ситуации, которую наблюдали сталинские контролеры из ко-

¹⁵⁹См.: Каратуев А.Г. «Социально-экономические основы господства бюрократии в СССР и современной России». 1990. – С. 72–73. Там же. – С. 72–73. Диссертация на соиск. д.э.н. Волгоград, 1998. – С. 268; Кудров В. «Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления». М., 1997. – С. 22–29; Кудров В. «Крах советской модели экономики». М., 2000. – С. 223; Абдакимов А. «История Казахстана». Астана, 1999. – С. 247; Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. – М.: Госполитиздат, 1948. – С. 6. Волков И.М. «Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг.». М., 1972. – С.21; Волков И.М. «Засуха, голод 1946–1947 годов». История СССР. 1991. № 4. – С. 9; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т.3. – С. 368. Государственный комитет по статистике. Динамика посевных площадей, урожайности и валовых сборов основных сельхозкультур по Казахской ССР. Алма-Ата, 1989. – С. 3; Панников В. «Сельское хозяйство перед большим делом» Коммунист. 1965. № 6. – С. 4. Нейштад С.А. «Экономическое развитие Казахской ССР». Алма-Ата, 1960. – С. 112–113. Абылхожин Ж.Б. «Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы, 1997. – С. 232. Симонов Н.С. «Военно-промышленный комплекс СССР в 1930–1950-е годы: темпы экономического роста, структура организация производства и управления». М., 1996. – С. 192; Кольцов В. «Темпы и пропорции развития промышленности Казахстана». – Алма-Ата, 1970. – С. 18. Сактаганова З.Г. «Советская модель экономики и агро-индустриальное пространство Казахстана в 1946–1954 гг.». Экономическая история. Обзорение /Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 9. М., 2003. – С. 122–132.

миссии А.И. Микояна осенью предыдущего года, так и под-сказку своего бывшего коллеги Скворцова, приложившего свою руку к ряду положений постановления ЦК.

Чтобы не возвращаться к данной теме, отметим, что итоги года Жумабай Шаяхметов тщательно анализировал еще по привычке прежних лет и поэтому быстро нашел ключ к реализации установок Москвы. В трех крупных регионах — западном, северном, восточном — были созданы межзональные школы подготовки и переобучения кадров, куда зачислялись бывшие фронтовики и молодые выпускники школ и профтехучилищ. Такие центры подготовки открылись в Уральске, Петропавловске и Семипалатинске. Одновременно Москву попросили помочь республике выпускниками вузов и техникумов сельскохозяйственного назначения просто поскольку своя система этого сделать не могла в силу ряда причин¹⁶⁰.

В ведущих вузах СССР были выделены квоты для национальных кадров. Им оплачивали проезд, оказывали материальную помощь через постоянное представительство Казахстана в Москве, а также через профильные министерства Казахской ССР. Об этом вспоминают те, кому довелось учиться в московских, ленинградских и других университетах страны¹⁶¹.

Как было принято в ту пору, свою глубинку стали поддерживать и собственными специалистами управленческого звена. Из Алма-Аты и областных центров в аул и село на укрепление тамошнего аппарата было послано 670 работников, подготовка кадров была организована во многих регионах¹⁶².

¹⁶⁰См.: Большевик Казахстана, 1947, № 4; Постановление XVIII пленума ЦК КП(б) Казахстана. Алма-Ата: КазОгиз, 1947 — 82 с.

¹⁶¹«Күрделі заманның қайсар қайраткері — Воспоминания о Жумабае Шаяхметове». – Астана: Аударма, 2002. 216 с. – С. 96–101, Жубанова Г. «Мой мир — музыка». Т. 1. – Алматы, 1997. – С.128–129.

¹⁶²См.: Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. 2-е изд. – Алма-Ата: Казахстан. 1984. – С. 393.

Война самым ходом событий резко возвысила роль женщин в жизни республики. Вспомнив о традициях 1920-х и начала 1930-х гг. в партийном аппарате были созданы отделы по работе среди женщин. Их выдвигали в состав Верховного Совета СССР и Казахской республики.

Один из биографов Ж. Шаяхметова журналист и писатель Мадат Аккозин приводит в своей книге данные о том, что после войны при поддержке Жумабая Шаяхметова в депутатский корпус республики и страны было включено 176 женщин. Сотни женщин пришли в государственный аппарат, комсомол республики возглавила демобилизованная после войны из рядов ВВС летчик Х. Доспанова, которую ввели в состав Бюро ЦК КП Казахстана¹⁶³.

Небывало праздничным стал для Жумабая Шаяхметова день 1 июня 1946 г. Он ознаменовался торжественным открытием Академии наук Казахстана. Республика тем самым обрела сложную и эффективную для той системы структуру, сводившую комплекс научных учреждений в единое целое, что создавало огромные возможности развития исследований по всем направлениям научной мысли и практики.

Подготовка к созданию Академии наук Казахстана началась в конце войны в августе 1944 г. Почти два года потребовалось на решение чисто технических и организационных вопросов. За это время окончательно сформировалась структура Академии. В её составе имелось 16 научно-исследовательских институтов и 6 секторов, где трудилось более 1 600 человек, 900 из них — в качестве научных сотрудников. По существу руководство республики обрело инструмент научного анализа и решения возникавших проблем.

В Алма-Ату съехались такие всемирно известные ученые, как академики И.П. Бардин, С.И. Вавилов, В.А. Обручев, профессора Москвы и Ленинграда, гости из союзных республик. К.И. Сатпаев в своем развернутом докладе «О состоянии и основных проблемах науки в Казахстане»,

¹⁶³См.: Аккозин Мадат. «Вернуть из забвения». – С. 9.

отметил, что сам путь казахского народа доказывает: насколько извилист и противоречив ход исторического развития общества. Итоги войны показали: казахский народ вышел на магистраль социального развития, и уже никакие силы не смогут воспрепятствовать этому. Задача коллектива Академии — соответствовать вызовам времени, помочь народу обрести необходимый задел понимания путей прогресса и мер по включению общества в строительство новой жизни¹⁶⁴.

Участник того заседания академик Дружинин Н.М. вспоминал: «Наряду с выдающимися астрономами, геологами, техниками, на сессии присутствовали также лингвисты, литературоведы, историки. Это было не совсем обычное собрание научных специалистов: на открытие Академии съехались не только ученые, но и представители трудящихся — рабочие, колхозники из аулов, деятели казахской культуры»¹⁶⁵.

Академик Ш.Ч. Чокин так описывал события, связанные с открытием этого важного для республики центра науки:

«В решении многих организационных вопросов, связанных с формированием штата Национальной Академии, большую помощь оказывали правительство республики, ЦК Компартии Казахстана, и прежде всего его Первый секретарь Жумабай Шаяхметов. Он постоянно проявлял заботу о подборе и воспитании научных кадров. Так, например, Каныш Имантаевич Сатпаев с 1929 по 1941 годы работал начальником и главным геологом геолого-разведочного отдела Карсакпайского комбината. По инициативе Ж. Шаяхметова он был переведен в Алма-Ату и утвержден директором Института геологических наук, а с 1943 г. одновременно председателем Каз. ФАН СССР. В начале 1944 г. Ж. Шаяхметов рекомендовал Сатпаеву вступить в партию. Каныш Имантаевич с радостью

¹⁶⁴См.: Сарсекеев М. Сатпаев... – С. 222–235.

¹⁶⁵Дружинин Н.М. «Во имя научной истины». //История Казахстана: белые пятна... – С. 31.

принял предложение секретаря ЦК. Рекомендацию ему дали секретари ЦК Компартии Казахстана Мухамеджан Абдыкалыков, Тихон Иванович Абакумов и один из работников филиала, старый член партии С. Ержанов. После этого, став членом партии, Каныш Имантаевич Сатпаев активно взялся за работу, продвигал дела филиала более успешно.

В начале июня 1946 года на общем собрании АН первым президентом Академии единогласно был избран К.И. Сатпаев. Надо отдать дань справедливости, тогда придавалось большое значение науке. Даже во время войны аспирантов освобождали от призыва в армию, а кто находился на фронте, отправляли домой. Несмотря на трудности послевоенного времени, в 1946 году была повышена заработная плата работникам науки. В 1946–1947 годах за счет государства построили персональные дачи всем академикам и подарили им за большой вклад в науку. В Алма-Ате на улице Горького (ныне Жибек жолы) был построен большой жилой дом для ученых. Во всем этом ученые видели заботу правительства республики и ЦК Компартии Казахстана и лично Жумабая Шаяхметова... К нам тогда регулярно приезжал, помогал своим советом Жумабай Шаяхметов — выдающийся политический деятель, сделавший много полезного для развития Казахстана, но сейчас совершенно несправедливо забытый»¹⁶⁶.

Период с 1946 г. по начало 1950-х гг. вошел в учебники советской истории как время восстановления и развития народного хозяйства. Правда, в эти же годы в идейно-политической сфере было развернуто несколько кампаний, которые наложили глубокий отпечаток как на сами послевоенные годы, так и на последующие десятилетия. И все же главное — это восстановление и развитие экономики.

¹⁶⁶Чокин Ш.Ч. «Путь национальной Академии наук». – Алматы: Гылым, 1996. – С. 20.

Можно ли говорить о восстановлении в далеком от фронта Казахстане? В определенной степени да, поскольку с началом войны часть производств была закрыта, на время свернута или перепрофилирована, и теперь предстояло все это восстанавливать или проводить реконверсию, то есть осуществлять возврат к довоенному состоянию. Тема восстановления и развития становится ведущей в идейно-политической жизни общества и, соответственно, в деятельности средств массовой информации.

Из-за особенностей политической системы все определялось позицией одного человека — И. Сталина, который сам ставил задачи и сам намечал пути их решения, как это было сделано в упомянутом выше выступлении на предвыборном собрании избирателей в Москве. Задачам, связанным с восстановлением пострадавших районов страны, обеспечением последующего подъема народного хозяйства, отменной карточной системы, повышением жизненного уровня трудящихся и широким развитием науки, были посвящены публикации в ведущих органах печати — газетах «Правда» и «Известия», журнале «Большевик», в передачах Всесоюзного радио¹⁶⁷. Затем последовали постановления, решения, инструктивные письма ЦК ВКП(б), ЦК Компартии Казахстана¹⁶⁸. В той или иной степени все указания партийных органов лишь слегка конкретизировали сталинские установки.

¹⁶⁷Большевик. 1946, N 2. — С. 4–8; В помощь пропагандисту и агитатору. 1946, N 2. — С. 8–21; Гудок. 7 апреля 1946 г.; Известия. 16, 17, 31 марта 1946 г.; Комсомольский работник. 1946, № 4. — С. 4–9, 27–28; Комсомольская правда. 16, 23, 24, 29 марта 1946 г.; Московский большевик. 12, 14 марта 1946 г.; Правда. 14, 16, 17, 25, 30 марта 1946 г.; Пропагандист и агитатор. 1946, № 2. — С. 1–9; № 7–8. С. 35–36; № 4. — С. 7–21; № 9. — С. 8–23; Работница. 1946, № 2. — С. 1–2; Спутник агитатора. 1946. № 4. — С. 30–40. № 5–6. — С. 6–9.

¹⁶⁸КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1985. Т. 8; 1946–1955. — С. 17–79; АП РК. Ф. 708. Оп. 10. Д. 449, 450, 453, 457, 2061, 2295, 2296.

В этой связи уместным будет упомянуть, что по состоянию на 1946 г. в Казахстане издавалось: 267 республиканских, областных, районных газет, газет совхозов, шахтных объединений, предприятий разовым тиражом 793 тыс. экземпляров, в том числе 128 газет на казахском языке разовым тиражом 337 тыс. экземпляров¹⁶⁹. Таким образом, возможности целенаправленной пропаганды каких-либо идей были колоссальными.

Хотелось бы обратить внимание на такую вещь. До войны, как свидетельствуют материалы исследований историков республики, процесс ликвидации неграмотности в основном завершился. В системе образования стал осуществляться переход от обязательного начального образования к семилетнему. Мы специально отмечаем данный факт, чтобы подчеркнуть уровень знаний, а соответственно понимания сложности моментов основной массой населения. Подобное сразу же объясняет и другое: соответствие уровня газет образованности населения.

К началу 1946 года, как видно из документов, публикаций, материалов таких комплексных исследований, как «Очерки истории Компартии Казахстана», «История Казахской ССР» (том 5), «Очерки истории Казахстана» (издание 1993 года), экономика Казахстана представляла собой комплекс отраслей, где ведущее положение занимали горно-рудная промышленность, цветная металлургия, транспорт. В сельском хозяйстве лидирующая роль отводилась животноводству, но уже существенным был вклад зерноводства¹⁷⁰.

Поставив задачу восстановления страны, И. Сталин призвал население очередной раз затянуть пояса, поскольку на чью-либо помощь рассчитывать было невозможно. В этой связи стоит еще раз отметить, что на этот раз не было при-

¹⁶⁹Казахстан за 40 лет. Сб. статей. А-А., 1960. – С. 487.

¹⁷⁰История Казахской ССР. Алма-Ата, 1980, Т. 5. – С. 202–226; Очерки истории Казахстана. А-А., 1993. – С. 342–360; Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. А-А., 1984. – С. 373–401.

зыка к поиску внутреннего врага, что было характерно для всех его предвоенных выступлений. Но при этом была обозначена новая внешнеполитическая опасность со стороны бывших друзей по антигитлеровской коалиции. К чему это могло привести, никто пока не знал. Как быстро враг внешний найдет себе опору среди отдельных представителей советского общества и как тем самым сформируется конкретный образ врага внутреннего, пока никто не знал.

1946 г. подтвердил свою суть мирного года тем, что в Казахстане и в других республиках Советского Союза началась политическая кампания по подготовке и проведению выборов в Верховный Совет СССР, которые состоялись в феврале того года. Предвыборная кампания, подготовкой и проведением которой в республике занимался Жумабай Шаяхметов, разворачивалась в качественно иных условиях, чем это имело место в военные годы.

Одним из первых кандидатов в депутаты был выдвинут Талгат Бегельдинов, который, вспоминая те далекие незабываемые события, рассказывал:

«После учебы в Академии из Акмолинска пришла телеграмма. Коллектив Макинского паровозного депо выдвинул мою кандидатуру в депутаты Верховного Совета СССР. С этим коллективом я был хорошо знаком. Находясь в отпуске, я сумел на попутном самолете слетать в родную область, побывал в Макинке и Майбалык, где общался со своими земляками, родными и друзьями.

Радостным стало для меня открытие сессии Верховного Совета СССР»¹⁷¹.

Тогда, в величественном Кремлевском зале заседаний молодой прославленный летчик, депутат Верховного Совета СССР Талгат Бегельдинов сидел рядом с легендарным маршалом К.Е. Ворошиловым, видным политическим деятелем

¹⁷¹Бегельдинов Т. «Шаяхметов — выдающийся деятель Казахстана». «Күрделі заманның қайсар қайраткері — Воспоминания о Жумабае Шаяхметове. Астана: Аударма, 2002. 214 с. – С. 126–127.

Ж. Шаяхметовым, Н. Ундасыновым, И. Омаровым. Талгат трепетно хранил исторические фотографии из зала заседания Кремля.

1946 г. — это первый послевоенный год, на котором лежит глубокая печать итогов войны, итогов победных, за которыми цена победы особенно не проглядывается. Вся пропаганда нацелена на передачу одной мысли — советские патриоты нанесли поражение фашизму там, откуда он начинал свой античеловеческий поход. Советские, советское — все это общее, особенного не видно, и все же оно стало пробиваться.

Своеобразным сдвигом в подходе к теме всего советского и патриотического стало отражение национальных моментов в сфере культуры. Здесь сыграл свою роль ряд обстоятельств. Во-первых, само создание Организации Объединенных Наций обязывало поднимать проблему национального до глобального уровня. И советское руководство этот момент не могло не учитывать. Во-вторых, советское государство оставалось многонациональной державой. В-третьих, уже во время войны государство обратилось к национальным корням советской гордости и в ряде случаев было вынуждено пойти на создание национальных формирований¹⁷².

После войны национальный фактор приобретал новое звучание. Сталинская пропаганда учитывала его в связи с расширением зоны влияния советского государства и формирования блока стран народной демократии.

Учет международного фактора и отражение веяний военной эпохи в принципе положили начало новому подходу к национально-патриотической тематике. И хотя этому новому подходу еще предстояло пройти существенную проверку на прочность, он, тем не менее, сыграл свою роль, вынудив государство пойти на меры, расширявшие влияние национального в советском. В частности, в Казахстане 1946 г.

¹⁷²Боздактар. «Книга Памяти». Сводный том. — Алматы: Казахстан. — С. 355–357.

ознаменовался созданием Академии наук, появлением ряда произведений, посвященных 100-летию со дня рождения Джамбула Джабаева, выходом в свет первого тома книги М. Ауэзова «Абай», публикацией материалов об Ибрае Алтынсарине, Чокане Валиханове и других национальных деятелях¹⁷³.

Конечно, советское превалирует. Достаточно указать на то, что во всех областных газетах прошла статья профессора В. Кирпотина, содержавшая хвалебную оценку книг, удостоенных Сталинской премии в области литературы¹⁷⁴. Среди них были и подлинные шедевры, и весьма слабые вещи из разряда социально-политического заказа, но все они содержали одно: общесоветские корни советского патриотизма, продолжение государством деятельности по возвеличанию и укреплению того, что когда-то сделала Россия.

Удивительно, но факт: в 1946 г. в публикациях газет и журналов и в передачах радио нет ничего, что ярко отражало бы тему патриотизма. Пожалуй, некоторым исключением, хотя и весьма заметным, можно назвать статью Г. Алелековой в газете «Социалистическая Караганда» за 21 мая 1946 года. Бросается в глаза уже сама формулировка «Воспитание советского патриотизма». Фабулу статьи определяют идеи семьи как главной базы патриотического воспитания и женщины-матери как основное начальное звено формирования патриотических чувств. В статье естественным образом высвечивается социальное предназначение семьи.

¹⁷³Акмолинская правда. 23 апреля, 1 июня, 6 июля, 6 октября 1946 г.; Актюбинская правда. 6 июля, 15 сентября 1946 г.; За свинец. 4 июля 1946 г.; Колхозное знамя. 2, 8 июня, 7 июля 1946 г. Рабочий молот. 10 июля 1946 г.; Казахстанская правда. 1 июня 1946 г.; Правда Южного Казахстана. 31 марта, 3, 6, 13, 14 апреля, 9, 31 мая, 1, 4, 5 июня, 2, 3, 6, 9, 12, 13 июля 1946 г.; Социалистическая Караганда. 3 февраля, 7 мая, 19 апреля, 6 июля 1946 г.

¹⁷⁴Акмолинская правда. 29 марта 1946 г.; Правда Южного Казахстана. 24 марта 1946 г.; Социалистическая Караганда. 30 марта 1946 г.

Забегая вперед, заметим, что поздняя система советского государства в этом плане дала сбой, перенеся задачи воспитания из семьи в школу, что, по существу, резко ограничило возможности разъяснительной и воспитательной работы.

В публикации Г. Алелековой присутствует еще одна тема, тоже связанная с патриотизмом, — тема напряженного труда. Собственно, она продолжает идеи военной эпохи, вообще сталинского подхода к проблеме напряженного труда как фактора, позволявшего компенсировать слабость материальной базы и несовершенство технологии и культуры производства.

С сегодняшних позиций виден еще один момент публикации Г. Алелековой — это проблема формировавшейся полиэтнической общности, которую позднее, в брежневскую эпоху, попытаются подать как новый суперэтнос — советский народ.

По канонам середины 1940-х гг. Г. Алелекова доказывает, что советский патриотизм — дело естественное и необходимое, которое отражает непреложные истины: наличие народа, имеющего общую цель, и единого государства, формирующего одну идеологию и одну советскую культуру. При таком подходе вполне закономерна была попытка доказать необходимость единого для всех советского патриотизма. Но мы хотели бы обратить внимание лишь на одно обстоятельство. Обозначив тему патриотизма, автор точно определяет место, среду и ключевую фигуру формирования патриотических чувств. Что же касается примеров, то они другими и не могли быть. Только что отгремела война, государство взялось за восстановление и развитие народного хозяйства и вместе с тем уже указывало на новые опасности. Публицист действовала в рамках стереотипов времени.

Казалось бы, все упомянутое выше расходится с утвердившимся в последние годы мнением о том, что гонения на идеологическом фронте начались сразу же после войны. Наш анализ показывает, что для этого требовался враг и,

вдобавок, необходимо было сформировать его конкретный образ, определить его конкретное место.

В 1946 г. ЦК ВКП(б) рассматривает вопрос о журналах «Звезда» и «Ленинград». Сам по себе факт принятия специального партийного документа означал многое. Он как бы закладывал своеобразную базу для критики инакомыслящих в духовной сфере вообще. Вскоре была перепечатана передовица «Правды» от 19 сентября 1946 г. «Выше уровень идеологической работы»¹⁷⁵. Характеризуя сущность доклада А.А. Жданова, отметим, что ее автор сформулировал политико-теоретическую базу атаки на ошибающихся и возможных врагов. В докладе и в передовице «Правды» содержалась оценка советского в понимании руководства страны, что само по себе давало повод для размежевания своих и чужих и закладывало базу для новых идейно-теоретических гонений. Собственно, доклад и передовая давали ориентир тем, кто отвечал в огромной бюрократической машине за положение дел в области идеологии и культуры.

Начало новой политико-идеологической кампании в чем-то совпадало с тем, что имело место в начале и середине 1930-х гг. Это совпадение касается одного — определения опасных явлений, опасных участков, опасных тем. Но было и много несовпадений, расхождений.

Во-первых, документы Москвы определяли весьма узкий по сравнению с 1930-ми гг. спектр опасных проблем. Естественно, было бы странным определять широкий спектр таких проблем после победы в войне, поскольку это противоречило бы самому духу победы. Во-вторых, все было направлено на защиту патриотического и советского, продиктовано стремлением сохранить его высокий уровень, достигнутый в годы войны. И, в-третьих, как это ни пара-

¹⁷⁵АП РК. Ф. 708. Оп. 10. Д. 1424, 235 л.; Большевик Казахстана, 1946. № 9–10. – С. 13–36; Акмолинская правда. 8, 9 октября 1946 г. Социалистическая Караганда. 28, 29 сентября 1946 г. Правда Южного Казахстана. 27 сентября 1946 г.

доксально, проблема чуждого — несоветского — была подана расплывчато, что, с одной стороны, свидетельствовало о неясности исхода начатой кампании, а с другой — давало определенный простор новациям на местах. Самое главное, в документах, ставших базой кампании, не содержалось намеков на поиски национальных диссидентов, противостоявших советскому патриотизму.

Как показала дальнейшая практика, на местах пошли дальше Москвы.

Было ли осознание этого? Нам представляется, что нет. Современники действовали проще, без колебаний. Осуждение «перегибов», допущенных редколлегиями «Звезда» и «Ленинград», прошло в высоком темпе, фактически все издания Казахстана осудили их ошибки. Напомним, что главная вина редколлегий состояла в недостатке советского патриотизма. Тем самым эта проблема выдвигалась в ряды ключевых, что предвещало серьезные решения с далеко идущими последствиями.

Отражение национального в общесоветском, в том числе и в сфере развития экономики, культуры, в публикациях печати и в передачах радио имело место, но трактовалось лишь как отражение конкретных особенностей. Выпячивание местного отсутствовало. Но когда слишком мал интерес к самобытному, национальному, то не востребованность учета национального накапливается и рано или поздно должна о себе заявить.

В 1946 г. форсируется процесс давно обещанного создания крупных произведений на национальную тематику в литературе, истории, музыке. Это было естественной потребностью даже в рамках той политики, при которой изо дня в день твердилось о расцвете наций при социализме. Расцвет — это наличие цветов, т.е. разнообразных произведений в самых различных сферах жизни. Если же освещается только все общее, а вклад этноса не обозначен, тогда естествен вопрос: а есть ли расцвет?

В печати и по радио постепенно, но настойчиво пропагандируется идея вклада казахского народа в общесоветское дело. В 1946 г. пропагандирование этого вклада началось с рассказов о ратных подвигах казахстанцев на фронтах Великой Отечественной войны и об ударном труде тех, кто обеспечивал материальную сторону победы¹⁷⁶.

«Социалистическая Караганда» в юбилейном номере за 9 мая рассказала об участии шахтеров Караганды П. Ермакова, И. Огнева, О. Токуева в штурме Берлина. Короткий рассказ шахтеров с их фотографиями, пожалуй, стал первым в освещении фронтовых подвигов карагандинцев на страницах областной газеты.

В передовой статье «Славные советские патриотки» в «Правде Южного Казахстана» за 8 марта 1946 г. предпринята попытка дать анализ трудового участия женщин Южно-Казахстанской области в годы Великой Отечественной войны, их вклада в Победу.

В продолжение разговора о роли Казахстана печать республики сосредоточила внимание на развертывании соревнования за досрочное выполнение тружениками города и села заданий четвертой пятилетки. И здесь звучала тема трудового героизма как формы патриотизма, служения родине и делу формирования нового общества¹⁷⁷. Повторим, что

¹⁷⁶Акмолинская правда. 23 февраля, 9, 19 мая 1946 г. Актюбинская правда. 9 мая 1946 г. Правда Южного Казахстана. 23 февраля, 8 марта, 21 апреля, 9, 11 мая, 7, 13 ноября 1946 г. Рабочий молот. 23 февраля 1946 г. Социалистическая Караганда. 1, 6 февраля, 8 марта, 9 мая, 10, 12 ноября 1946 г. ЦГА РК. Ф. 1489. Оп. 1. Д. 395. Л. 278. Ф. 1219. Оп. 2. Д. 39. Л. 117–181.

¹⁷⁷Акмолинская правда. 31 января, 8 февраля, 17, 24 марта, 12 апреля, 1, 14 мая, 6 июля, 10 августа, 18 декабря 1946 г. Актюбинская правда. 9 января, 27, 29 марта, 26 июня, 31 июля, 2 октября, 17 ноября, 28 декабря 1946 г. Правда Южного Казахстана. 23, 27, 31 марта, 3, 5, 17, 21, 30 апреля, 1 мая, 10, 19, 27 июля, 29, 30 декабря 1946 г. Социалистическая Караганда. 5, 6, 16, 19, 20, 21, 28 апреля, 19, 22, 26 мая, 11 сентября, 9, 23, 26, 29 декабря 1946 г.

патриотизм подается как проявление общественных качеств и как верность социализму, но все это происходит в Казахстане, и уже упоминание о том, что этот трудовой героизм является проявлением местного патриотизма, давало материал, позволяющий целенаправленно озвучивать тему вклада Казахстана. Данная тема сама по себе формировала элемент патриотической убежденности, закладывала традиции верности в новом измерении — трудовом.

Анализ материалов, касающихся темы трудового патриотизма, позволяет утверждать, что их доля в общей массе достигает почти 50 %¹⁷⁸. Судя по всему, патриотичным стало выполнение и перевыполнение производственных заданий. Подобного типа публикации составляли большинство всех изданий и передач. Нами проанализированы материалы газет «Казахстанская правда», «Социалисттік Қазақстан», журнала «Большевик Казахстана», а также областной, районной и многотиражной печати, отчеты комитета по радиовещанию, справки его руководства в ЦК Компартии Казахстана, Совет Министров республики. Главное место во всем перечисленном отведено проблемам экономики.

С ними перекликалась и другая тема, связанная с возвращением на родину тех, кто находился на земле Казахстана в эвакуации. Этот процесс начался в 1943 г., но основная масса возвращений пришлось на 1946 г.

В газетах есть немало свидетельств прощания казахстанцев с москвичами, ленинградцами, киевлянами, харьковчанами. Тема миграции напоминала о том, что у всех одна Родина, но вместе с тем каждый человек — патриот своего родного края. Это было косвенное признание действовавшего бытового патриотизма¹⁷⁹.

Минувшая война представлена в средствах массовой информации Казахстана в 1946 г. не слишком ярко, но про-

¹⁷⁸Подсчет произведен авторами по материалам республиканских, областных и районных газет за 1946 г.

¹⁷⁹Правда Южного Казахстана. 3 апреля, 19 мая, 3 сентября, 30 ноября, 11 декабря 1946 г.

слеживается ряд моментов. Во-первых, в республиканских и областных изданиях ведущее место заняли публикации крупнейших советских военачальников. Во-вторых, тема войны носит своеобразный кампанейский характер: соответствующие материалы выходят к 23 февраля — Дню Советской Армии и Военно-Морского флота, к 9 мая — Дню Победы, к 3 сентября — Дню окончания второй мировой войны, к 7 ноября — годовщине Октябрьской революции¹⁸⁰. Изредка встречаются не приуроченные к упомянутым датам материалы, которые публикуются обычно на страницах местной печати. Но именно местная печать приводит основные сведения о боевых подвигах казахстанцев¹⁸¹. По нашим подсчетам, доля таких публикаций достигала 15%¹⁸².

Эти материалы стали наиболее важным подспорьем в преподавании обществоведения и в осуществлении мероприятий по патриотическому воспитанию молодежи, которая узнавала своих земляков, внесших достойный вклад в победу над фашизмом, и стремилась подражать им, вырабатывая в себе чувство ответственности за судьбу как всей советской страны, так и родного Казахстана.

14 мая 1946 г., готовясь к очередному Бюро ЦК Компартии Казахстана, отдел пропаганды и агитации специально представил справку о ходе проверки деятельности 18 районных газет Южно-Казахстанской области. На что обращает вни-

¹⁸⁰Акмолинская правда. 9, 10 января, 23 февраля, 9 мая, 22 июня, 28 июля, 18 августа, 24 ноября, 1946 г. Актюбинская правда. 2, 23 февраля, 17 апреля, 9 мая, 22 июня 1946 г. Казахстанская правда. 25 января, 23 февраля, 10 апреля, 9 мая, 22 июня, 5 декабря 1946 г. Правда Южного Казахстана. 15, 23, 24 февраля, 7, 9 мая, 22 июня, 3 сентября, 8 ноября, 7, 8 декабря 1946 г.

¹⁸¹Акмолинская правда. 23 февраля, 9 мая, 4 августа 1946 г. Актюбинская правда. 23 февраля, 9 мая, 24 ноября 1946 г. Правда Южного Казахстана. 1 января, 23 февраля, 2 апреля, 9, 19 мая, 30 июля, 7, 23 ноября 1946 г. Социалистическая Караганда. 6 февраля, 16 марта, 7, 9, 11 мая, 14, 30 июля, 10 ноября 1946 г.

¹⁸²Подсчет произведен авторами по материалам республиканских, областных и районных газет за 1946 г.

мание данный документ? На низкий профессионализм работников печати, массу грамматических ошибок, отсутствие критики недостатков, слабую литературную обработку¹⁸³.

Вскоре на имя Жумабая Шаяхметова была представлена справка того же отдела с анализом публикаций ведущих газет республики «Казахстанской правды» и «Социалистік Қазақстан». Главную вину журналистов и руководителей газет составители справки видели в отсутствии передовых статей, в том числе на собственную тематику, но не в каких-либо иных просчетах¹⁸⁴. Аналогичные мысли прослеживаются и в других документах ЦК, Совмина республики, комитета по радиовещанию.

Как видим, нет ничего, что говорило бы о необходимости воспитания у населения республики гордости за одно из крупнейших национальных образований, народ которого внес ощутимый вклад в разгром фашизма. Руководителей средств массовой информации беспокоят трафареты, шаблоны, но не проблема воспитания гордости за свершения людей республики.

Лишь в материале редколлегии газеты «Ленинская смена» проглядывает попытка как-то обозначить казахстанский вклад в военную победу. Ответредактор И. Митрофанов в плане номера, посвященного Дню Победы и одобренного отделом пропаганды ЦК, отмечает, что намерен дать очерк об общем числе казахстанцев, прославившихся под Сталинградом, Ленинградом, Москвой, Варшавой, Веной, Бухарестом, Берлином. В праздничном номере опубликован материал «Здесь ковалась победа», а также рассказ о тех, кто снабжал фронт боевым оружием и боеприпасами, кто поставлял туда продукты питания¹⁸⁵.

Определенная попытка представить патриотическую тему была предпринята в обзоре публикаций областных и районных газет, где отмечался успех отделов культуры

¹⁸³ АП РК. Ф. 708. Оп. 10. Д. 1367.

¹⁸⁴ Там же. Л. 46–47.

¹⁸⁵ Там же. Д. 1373. Л. 76.

и пропаганды Абаевского района, которые организовали состязания акынов, посвященных праздникам 1 и 9 мая 1946 г.¹⁸⁶.

В информации КазТАГа о ходе празднования Дня Победы появились робкие намеки на то, что Казахстан внес достойный вклад в общую победу над фашизмом. К сожалению, четких формулировок «Вестник КазТАГа» не дает¹⁸⁷.

В августе 1946 г. представилась возможность в связи с XXV годовщиной создания комсомольской организации Казахстана рассмотреть вопрос о патриотизме различных поколений молодежи, но, как показывают данные «Вестника КазТАГа», этого не произошло. Речь шла о Красной Армии вообще, о советском народе¹⁸⁸.

Что же превалирует в материалах средств массовой информации — газетах, передачах казахского радио? Во-первых, данные о состоянии дел на том или ином производственном объекте; во-вторых, стремление пропагандистов взвинтить темпы работы или во всяком случае показать необходимость их наращивания. Конечно, все это подавалось как реализация планов Ленина и Сталина, как выполнение заданий четвертого пятилетнего плана, как проявление трудового порыва советских людей. Но в то же время: а) речь шла о предприятиях Казахстана; б) освещались трудовые порывы казахстанцев¹⁸⁹.

¹⁸⁶Там же. Д. 1313. Л. 107.

¹⁸⁷ЦГА РК. Ф. 1219. Оп. 2. Д. 33. Л. 88–90; Ф. 1489. Оп. 1. Д. 396. Л. 384.

¹⁸⁸ЦГА РК, ф. 1219, оп. 2, д. 36, л. 10; я. 35, лл. 255–256.

¹⁸⁹За большевистские темпы. 24 марта, 4, 7, 14, 18, 21 апреля, 18 августа, 5 сентября, 13, 17 октября, 22 ноября, 26 декабря 1946 г. За свинец. 9 февраля, 13 апреля, 1, 13, 25 июня, 24 июля, 18 августа, 31 октября, 7, 25 ноября 1946 г. Колхозное знамя. 5 апреля, 2, 28 июня, 29 августа, 15 сентября, 29 ноября 1946 г. Рабочий молот. 12 января, 2, 20 марта, 3, 6, 10, 13, 24 апреля, 9, 15, 18, 22 мая, 5. 18 июня, 6, 10, 20 июля, 4, 9, 17 августа, 3, 7, 11, 21, 28 сентября, 2, 18, 26, 29 октября, 7 ноября, 5, 21 декабря 1946 Г. Социалистік Қазақстан. 14 августа 1946 г. ЦГА РК. Ф. 1100. Оп. 3. Д. 162. Л. 15–17.

Фактически, в данном случае мы видим своего рода растворение национального в общесоветском, но вместе с тем и понимание того, что советское — это прежде всего казахстанское.

Пока сделанное печатью в этом направлении не исследовано. И мы не вправе говорить о том, насколько велик результат патриотического воспитания. Однако изучение ряда воспоминаний, где ретроспективно оценивается то, что было начато в 1946 г., убеждает в том, что результат был.

Возвращаясь к личности Жумабая Шаяхметова, следует добавить, что утверждение его назначения первым секретарем ЦК Компартии Казахстана, произведенного в апреле, произошло на XV пленуме ЦК КП(б) Казахстана, который состоялся в июне 1946 г. Шаяхметов сменил Г.А. Боркова, а С.И. Круглов занял освобожденный Шаяхметовым пост второго секретаря. Членами Бюро были избраны А.П. Бызов и А.П. Заговельев (вместо С.И. Огольцова и В. Якупова), кандидатом в члены Бюро — А. Канапин¹⁹⁰.

В 1946 г. Жумабай Шаяхметов становится членом комиссии по иностранным делам Совета Национальностей Верховного Совета СССР¹⁹¹.

Летом 1946 г. на авиационном параде в Тушино И. Сталин, подойдя к Шаяхметову, представил его присутствующим руководителям страны таким образом: «Товарищи, это Жумабай Шаяхметов — первый национальный секретарь Казахстана», имея в виду тот факт, что Шаяхметов стал первым этническим казахом, занявшим этот пост¹⁹².

Вот как писал в своих воспоминаниях о том кадровом решении Д.А. Кунаев:

¹⁹⁰Ашимбаев Д., Хлюпин В. «Казахстан: история власти. Опыт реконструкции». — Алматы: Credos, 2008. — С. 438.

¹⁹¹РГАНИ. Ф. 5. Оп. 98. Д. 38987. Л. 13 об.

¹⁹²Кабульдинов З., Шаяхметов Р. «Жумабай Шаяхметов. Первый национальный секретарь Казахстана». Вестник архивной службы. Алматы: Хабаршысы. 2019. № 2. — С. 12.

«Первым секретарем избрали Жумабая Ахметовича Шаяхметова, работавшего вторым секретарем ЦК. Он был очень дисциплинированным человеком. ...Шаяхметов строго контролировал ход выполнения своих указаний отделами ЦК и руководителей министерств и ведомств. В отличие от своих предшественников, он был очень аккуратным руководителем и хорошим организатором. Под его руководством еще более высокие темпы стала набирать экономика Казахстана в послевоенные годы»¹⁹³.

Уже упоминавшийся выше Л.Г. Жуков так вспоминал те события:

«С избранием первым секретарем ЦК КП(б) Казахстана Г.А. Боркова вместо Н.А. Скворцова, назначенного тогда министром технических культур СССР, значительно изменился стиль работы аппарата ЦК и местных партийных органов, сократилась продолжительность командировок ответработников ЦК и реже стали приниматься постановления ЦК по хозяйственным вопросам, повысилась роль и ответственность отраслевых отделов ЦК, улучшилась их связь с местными партийными комитетами и первичными организациями. Но он находился на этом посту всего около двух лет. Усилившаяся болезнь вынудила его вернуться в Москву в аппарат ЦК ВКП(б), а первым секретарем ЦК КП(б) Казахстана был избран Ж.Ш. Шаяхметов, работавший до этого длительное время вторым секретарем ЦК. Это был скромный, большой силы воли и высокой культуры, неутомимый, обладающий большой работоспособностью партийный руководитель, внимательно и заботливо относящийся к кадрам. При поездках по областям и районам в период уборки урожая, он работал по 18–20 и более часов в сутки, не-

¹⁹³ Ашимбаев Д., Хлюпин В. «Казахстан: история власти. Опыт реконструкции». – Алматы: Credos, 2008. – С. 438; Кунаев Д. «От Сталина до Горбачева (В аспекте истории Казахстана)». – Алматы: Санат. 1994. – С. 75.

редко назначал заседания Бюро райкомов партии далеко за полночь, оставляя на отдых три-четыре часа. И так бывало по несколько суток. Приходилось удивляться, как он выдерживал такое переутомление. В выходные дни он любил заниматься спортом, зимой ходьбой на лыжах, а летом игрой в волейбол и городки, вовлекая в такой же активный отдых членов Бюро ЦК, заведующих отделами ЦК, руководителей министерств и ведомств»¹⁹⁴.

В 1947 г. на повестке дня стояли: выборы в Верховный Совет Казахстана, подготовка к 30-летию юбилею Октябрьской революции и реализация известных решений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам. Этот год стал особенным в жизни казахстанского руководителя Жумабая Шаяхметова по многим причинам. И не только в связи с тем, что Москва взяла под особый контроль положение дел в республике. Упомянутое выше решение ЦК ВКП(б) по сути подтвердило, что Шаяхметов состоялся как глава республики, поскольку ему продолжали доверять, что одновременно говорило и о доверии к его народу.

1947 г. для советского государства и И. Сталина был временем особого юбилея. Советская политическая система отмечала свое тридцатилетие. А И. Сталин встречал свой личный юбилей тем, что он смог за эти три десятилетия из мало кому известного закавказского революционера «Кобы», превратиться в могущественного обитателя Кремля. Ему удалось за эти 30 лет в корне изменить бывшую Россию и из государства крестьянской сохи сделать её второй державой планеты, втайне от всех готовящуюся стать обладательницей атомного оружия. Ему удалось в ходе политических чисток расправиться со многими своими оппонентами в рядах собственной партии. Он сумел устранить с небосклона политики и коммунистического движения такую фигуру евро-

¹⁹⁴ Ашимбаев Д., Хлюпин В. «Казахстан: история власти. Опыт реконструкции». – Алматы: Credos, 2008. – С. 438; Жуков Л.Г. «Незабываемое». – Павлодар, 2002. – С. 114–115.

пейско-американского масштаба, как Лев Давидович Троцкий. Он добился того, что вместе с выдающимися деятелями той поры Черчиллем и Рузвельтом возглавил дело разгрома фашизма и стал тем самым политиком поистине вселенского масштаба, хотя его на Западе рассматривали как безжалостного диктатора.

То было время, когда хозяин Кремля в ответ на поистине провокационно-воинствующий выпад Черчилля, заявившего о том, что надо начать активное противостояние Запада с советской системой, решил рядом мер отодвинуть или хотя бы ослабить такую угрозу. Напомним, что 5 марта 1946 г. (после сталинской речи на собрании избирателей) в городе Фултон (штат Миссури) Черчилль выступил перед студентами и преподавателями американских вузов с речью, где обосновал необходимость и основные задачи развертывания «холодной войны» Запада против СССР. Положение было весьма своеобразным. Уинстон Черчилль уже не входил в состав правительства Англии и говорил как частное лицо. Но это был политик мирового уровня, и на его выступлении присутствовал президент США Гарри Трумэн, кстати, уроженец штата Миссури.

В своей речи Черчилль главным сделал анализ геополитической ситуации в мире и выдвинул ряд положений, ставших концептом внешней политики западных государств не только на всю вторую половину XX века, но, отчасти, и на наши дни. Разгром Германии и Японии, отметил Черчилль, превратил США в такую страну, которая по масштабу своей экономики, наличию ресурсов, достижениям науки, развитию вооруженных сил, крепости своей валюты и воздействию на другие державы вознесена на «вершину мирового могущества». Он особо выделил наличие в руках США атомного оружия, что давало защиту от «замыслов злонамеренных личностей» и от угрозы «войны и тирании». Обладание таким оружием, подчеркнул Черчилль, делает невозможным победу коммунизма. Богу «угодно, чтобы этого не случилось».

Само время, говорил Черчилль, требует от США и Англии защищать в любом уголке планеты «великие принципы свободы и прав человека, которые являются общим историческим наследием англосаксонского мира». Запад и Восток отныне стали врагами. «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике опустился над европейским континентом железный занавес». Никакое мирное сотрудничество с Советами становится невозможным¹⁹⁵.

Разными путями Сталин постарался смягчить удар своего бывшего коллеги по антигитлеровской коалиции, но старый английский политик, довольно обстоятельно проанализировав процесс изменения сил, все рассчитал для возобновления противостояния Запада и Востока. А оно разворачивалось по нарастающей. И дело было не только в победе коммунистов в Чехословакии, Венгрии, Румынии и ослаблении английских позиций на Балканах и в Азии (Индия, Китай), а в том, что правым кругам необходимо было ослабить симпатии к СССР в Европе и Америке, которые были весьма сильны в среде рабочего класса и интеллигенции. Советское руководство делало все, чтобы не ухудшать ситуацию.

Таков был фон, на котором было принято упоминавшееся выше постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г в отношении журналов «Звезда» и «Ленинград», оставившее глубокий болезненный след в советской литературе. Поскольку оно сыграло свою негативную роль и в истории Казахстана, остановимся на нем подробнее.

¹⁹⁵Цит. по: Боффа Д. «История Советского Союза». Т.2. М.: Международные отношения, 1990. – С. 261–262. Рискнем высказать предположение, что данным своим выступлением великий английский политик решал и решил ряд важных с его точки зрения задач. В ответ на свое поражение на выборах в парламент Англии летом 1945 г., что во многом было следствием усиления позиций левых сил в стране (лейбористов, где преобладали люди, симпатизировавшие СССР), Черчилль выдвигает задачу сплочения правых консерваторов. Одновременно он мстит советскому государству за все свои поражения в прошлом, даже за вынужденный союз со Сталиным во время войны. Эта месть усиливалась в силу существовавших тогда настроений, обусловленных тем, что Британия теряла свои колонии по всему миру, в первую очередь в Индии, а затем и в Африке.

На основе этого установочного партийного документа А.А. Жданов сделал 15 и 16 августа два печально известных доклада. В них за «дух низкопоклонства перед современной буржуазной культурой» критиковалась выдающаяся поэтесса А. Ахматова и ряд писателей, прозаиков, юмористов. Речь в докладах сталинского идеолога шла о том, что надо учитывать происшедшие в мире сдвиги. Если раньше Запад был для нас ориентиром, то теперь ситуация качественно изменилась. «Мы уже не те русские, какими были до 1917 года... Мы изменились и выросли, вместе с теми величайшими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны»¹⁹⁶.

Это постановление готовилось в недрах окружения Г.М. Маленкова с участием рвавшегося в главные идеологи страны М.А. Сулова и было вынесено на оргбюро ЦК. Жданову пришлось его озвучивать уже как вновь избранному секретарю ЦК. Ему пришлось спасти свои позиции определенной и жесткой критикой в адрес ленинградской интеллигенции. Упрек, прозвучавший из его уст в адрес А. Ахматовой, был в том, что в её стихах обнаружили «буржуазный аристократизм». Журналы же закрыли не по идейным мотивам, а просто за то, что они позволили себе «вольность» почувствовать себя второй столицей страны¹⁹⁷.

Ни Михаила Зощенко, ни ту же Анну Ахматову от публикаций в других журналах не отлучили, и они по-прежнему радовали общественность своим творчеством, но уже в журналах Москвы¹⁹⁸.

¹⁹⁶Цит. по Кожин В. Россия. Век XX. (1939–1964). – С. 281; См.: также Бабиченко Д.Л. «Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК». – М., 1994. – С. 15, 119, 130, 132.

¹⁹⁷См.: Кожин В. Россия. Век XX... – С. 286.

¹⁹⁸Там же. Удар по ленинградским изданиям был в первую очередь атакой на А.А. Жданова. И он протянул после этого всего два года. Уже в июле 1948 г. его место второго человека в партии занял Г.М. Маленков, а через месяц Жданов скончался от инфаркта, опередив этим свой неизбежный арест. См.: Столяров К. «Палачи и жертвы». – М., 1997. – С. 104.

21 января 1947 г. ЦК КП(б) Казахстана принимает в развитие московского постановления и упомянутых выше докладов А.А. Жданова решение «О грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР»¹⁹⁹. Это было простым повторением постановления по двум ленинградским журналам. В Алма-Ате повели речь о явном преувеличении роли отдельных представителей феодальной знати в творчестве поэтов, писателей, акынов, об аполитичности и безыдейности ряда театральных постановок. Конечно, последовали и жесткие оргвыводы, но пока без репрессий со стороны силовых органов.

В развитие темы о значении советского патриотизма ставилась задача совместить национальное и советское таким образом, чтобы оба эти начала неразрывно переплетались. Это уже был явный перебор, поскольку найти советское у того же хана Аблая нельзя было при всем желании. Но, как видно из решений ЦК, его глава Жумабай Шаяхметов фактически поручает историку Ермухану Бекмаханову рассказать обществу об исторических корнях связей русского и казахского народов, что отражено в планах редакции республиканского журнала на следующий год. Этим подчеркивалось значение первого историка-казаха, доктора наук, профессора²⁰⁰.

Но у этого талантливого исследователя сложных проблем прошлого, активно поддерживаемого Жумабаем Шаяхметовым, нашлось несколько завистников, которые в стремлении объявить себя знатоками исторического процесса развернули против него грязную кампанию очернения. Детальное выяснение причин происшедшего показывает, что главными побудительными мотивами у этих людей были зависть и расчет на получение руководящих должностей в системе исторических учреждений республики. Собственно такое происходило во все времена, поскольку эти качества есть

¹⁹⁹См.: Большевик Казахстана, 1947, №.1. – С. 48–52.

²⁰⁰См.: АП РК. Ф. 708. Оп.11. Д. 1633. Л. 53.

отражение естественных различий людей, что установлено психологией, и они могут быть движущей силой не только прогресса, но, увы, нередко и весьма грязных дел²⁰¹. К сожалению, кампания, развернутая недоброжелателями Е. Бекмаханова, получила продолжение, к чему мы вынуждены будем вернуться.

Говоря о 1947 г., следует пояснить, что в том году наступает этап, когда критике начинают подвергаться взгляды ряда деятелей литературы и искусства на трактовку сущности представителей феодально-родовой элиты первой половины XIX века. В развитие принятого ЦК Компартии Казахстана на решения журнал «Большевик Казахстана» в первом и во втором номерах за 1947 г. публикует материалы, разъясняющие сущность решения ЦК КП(б) Казахстана: доклад Жумабая Шаяхметова, статьи Б. Степанова и других работников ЦК²⁰². Постепенно тема критики приобретает характер постоянный. К ней возвращаются, в частности, такие авторы, как Т. Джумагазин, В. Малиновский, А. Абдыкалыков²⁰³.

Вместе с тем в главном партийном журнале «Большевик Казахстана» помещен ряд материалов Е. Бекмаханова: отзыв на книгу исследователя В.Ф. Шахматова «Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова», статья «Исторические корни дружбы русского и казахского народов» и статья «О состоянии и задачах исторической науки в Казахстане»²⁰⁴. Это, по нашему мнению, говорит о том, что во втором послевоенном году этот исследователь считался еще и важнейшим пропа-

²⁰¹Свое видение всего случившегося с Е. Бекмахановым мы отразили в публикациях. См.: Григорьев В.К. «Дело Бекмаханова: призраки прошлого». «Central Asia monitor» № 36, 11–17 сентября 2009 г., № 37, 18–24 сентября 2009 г., № 38, 25 сентября — 1 октября 2009 г.; Ахметова Л.С. «Правда и мифы нашей истории». — Аманат, № 5, 2009 г. — С. 99–103.

²⁰²Большевик Казахстана. 1947. № 1. — С. 34–47; № 2. — С. 8–19, 35–41.

²⁰³Там же. № 8. — С. 18–27; № 9. — С. 54; № 11. — С. 37–45.

²⁰⁴Там же. № 8. — С. 49; № 9. — С. 26–38; № 11. — С. 46–56.

гандистом. Ему предоставляется возможность изложения своих взглядов на политические процессы прошлого.

Весьма симптоматично, что одновременно начинает широко исследоваться философско-политическое влияние Абая. Этому посвящена публикация М. Сильченко²⁰⁵.

В то же время были отмечены первые нападки одних ученых на других. Молодые ученые начинают атаковать корифеев. В частности, кандидаты наук М. Ахинжанов и А. Турсунбаев подвергли критике профессора А. Маргулана, обвинив его в извращении истории²⁰⁶. Публикации такого рода пока единичны, но они уже появились. Как показали дальнейшие события, «молодые» в науке почти не состоялись. За исключением А. Турсунбаева, никто из них позднее не защитил докторской диссертации. Но при этом критика «ошибок» и идеологизация научных исследований становятся непременным условием научного поиска, пропаганды и агитации. Тем самым закладывается база для формирования политических противников.

В идейно-политической сфере продолжает доминировать тема советского патриотизма, которую партийные органы требуют особо освещать в областных и районных газетах и многотиражках. Попытка уйти от нее моментально встречает суровое осуждение. Отделы агитации и пропаганды ЦК Компартии Казахстана, областные партийные организации настаивают на необходимости размещения в газетах регулярных подборок «По Советскому Союзу» и «По Советскому Казахстану». Тем самым проблема патриотизма получает не просто казахстанскую привязку, но и национальную прописку, что уже напрямую выявляет национальные корни²⁰⁷. Если сопоставлять материалы северно- и южно-казахстанских парторганов, то фактически разницы нет. На юге пе-

²⁰⁵Там же. № 10. – С. 39–48.

²⁰⁶Казахстанская правда. 5 марта 1947 г.

²⁰⁷АП РК. Ф 708. Оп. 12. Д. 1399. Л. 72, 87, 123–124.

чаталось несколько больше сведений по проблемам национальной культуры²⁰⁸.

Особняком в средствах массовой информации стоит КазТАГ. Практически весь год «Вестник КазТАГа», чьи данные оглашались Казахским радио в утренних, дневных или вечерних выпусках, рассматривал вопросы реализации установок упомянутого выше доклада Жумабая Шаяхметова на собраниях работников наук и искусства Алма-Аты. Здесь нужно отметить, что довольно развернутый доклад содержал критику работников Института языка и литературы, но политических обвинений не содержал. В нем речь шла о необходимости политизации научных исследований, выделения прогрессивного и реакционного в литературе, то есть идеологизации²⁰⁹.

Таким образом, второй послевоенный год ознаменовался усилением в средствах массовой информации патриотического воспитания как контрмеры в ответ на идеологическую пропаганду Запада и как средства мобилизации духовного и физического потенциала казахстанцев на решение задач второго года четвертой пятилетки. Новое заключается в том, что появляется критика ошибок, которая формирует поле для поиска возможного противника. Появляются герои и контргерои. Жизнь показала, что существовавшей политической атмосферой для решения своих эгоистических задач начинали пользоваться не самые лучшие представители науки, искусства, литературы.

Что касается деятельности Жумабая Шаяхметова, то следует упомянуть о справке Управления кадров ЦК ВКП(б) на первого секретаря ЦК КП(б) Казахстана от 10 марта 1947 г., в которой отмечается, что с его утверждением на пост первого секретаря требовательность со стороны ЦК к республиканским и областным работникам заметно усилилась. В ней, в частности, говорилось:

²⁰⁸Шымкентский областной ГА РК. Ф.40. Оп. 10. Д. 8. Л. 13, 17–19.

²⁰⁹ЦГА РК. Ф. 1489. Оп. 1. Д. 469. Л. 172–187.

«Он стал чаще выезжать в областные и районные партийные организации республики, оказывая им действенную помощь на месте, значительно стала проявляться оперативность в его работе, острее ставятся вопросы на Бюро ЦК и совещаниях работников. Надо заметить, что он умеет выдвигать наиболее важные задачи в работе и мобилизовать парторганизации на их выполнение.

Тов. Шаяхметов в своей работе большое внимание уделяет вопросам подъема и развития национальной культуры. В республике за последние годы выросли кадры национальной интеллигенции, расширена сеть высших и средних учебных заведений, увеличилось число учащихся за счет молодежи коренной национальности. В 1944–1945 учебном году в составе студентов высших учебных заведений было казахов 1 399 человек, а в 1946–1947 учебном году — 3 482 чел. или 30% к составу студентов вузов. В 1946 году в республике создана Академия наук Казахской ССР.

В парторганизации республики и среди населения, особенно казахского, т. Шаяхметов пользуется большим авторитетом, с населением поддерживает связь, стремится к укреплению и расширению этой связи. Занимается вопросами роста парторганизации. КП(б) Казахстана за последние годы численно увеличилась: если на 1.VII 1943 г. в парторганизации насчитывалось 113 165 членов и кандидатов партии, то на 1.1.1947 г. — 203 443, из них казахов 84,6 тыс., или 41,6 %

В марте 1947 г. т. Шаяхметов делал отчет в ЦК ВКП(б) о подборе, подготовке и распределении руководящих партийных и совестких кадров КП(б) Казахстана. Оргбюро ЦК ВКП(б) эту работу ЦК КП(б) Казахстана признало удовлетворительной, в частности, отмечен значительный рост национальных кадров. В составе номенклатурных работников ЦК КП(б) Казахстана количество работников казахов увеличилось до 36,3 %, а среди партийных работ-

ников до 47,3, в том числе из 729 секретарей горкомов и райкомов партии казахов 395 чел., или 54 %»²¹⁰.

1947 г. заканчивался для советской страны, республики и для Жумабая Шаяхметова довольно удачно. Сельское хозяйство республики порадовало хорошим урожаем, прибавкой поголовья скота. Это позволило отменить карточную систему, серьезно ограничивавшую потребности людей с далекого 1935 г. Медленно, но планомерно в соответствии с имевшимися возможностями началось улучшение жизни людей.

Конечно, решения Москвы по вопросам идеологии обязывали ко многому. Но их роль, на наш взгляд, в исторической и общественной литературе была показана в последнее время не совсем верно. Их подают как начало гонений на творческую интеллигенцию и преследования еврейской общности, но на самом деле, если вспомнить, причиной была борьба между А.А. Ждановым и Г.М. Маленковым за второе место в стране и за трактовку сталинизма. А это учение, как мы уже отмечали выше, было политикой, где идеология выступала инструментом решения текущих задач. Но они менялись, и трактовка тоже менялась.

²¹⁰РГАНИ. Ф.5. Оп. 98. Д. 38987. Л. 25–26.

ГЛАВА 4

НОВЫЙ ВИТОК РЕПРЕССИЙ

1948 г. был отмечен массовой кампанией электрификации аулов и сел, в рамках которой ставились три задачи. Во-первых, дать жителям аула и села возможность приобщения к лучшему быту. Во-вторых, осуществить рост энергооборуженности труда. В-третьих, заложить необходимую базу для развития агрокомплекса. Инструментом преобразований стало строительство небольших сельских электростанций. Инициаторами стали труженики Южного Казахстана. Жумабай Шаяхметов активно поддержал данный почин и проинформировал об этом Москву. Та с подачи Н.А. Скворцова и при активном содействии А.Н. Косыгина призвала труженников индустриального Урала помочь казахстанцам. Прежде всего, для того, чтобы улучшить продовольственное снабжение самого Уральского региона, его городов и рабочих поселков. И данный призыв был услышан.

Из Свердловска, Челябинска, Магнитогорска, Нижнего Тагила, Серова и других городов в республику прибыли сотни монтажников и вагоны с необходимым оборудованием. В итоге были полностью электрофицированы 752 колхоза, 164 совхоза, большое число МТС, 193 райцентра. Производство электроэнергии в республике к 1950 г. выросло в 2,5 раза, составив 2 817 млн. квт-ч. по сравнению с 1 147,5 млн. квт-ч. в 1945 г. Итог, как видим, весьма внушительный²¹¹.

²¹¹См.: Народное хозяйство Казахстана. – Алма-Ата: Казахстан, 1968. – С. 60.

Как-то мы забываем о том, что именно Жумабай Шаяхметов стал организатором полной электрификации страны.

Среди примечательных событий 1948 г. следует отметить то, что в апреле И. Сталин решил разобраться с привилегиями членов Политбюро ЦК ВКП(б) и поручил А.Н. Косыгину провести проверку, которая вскрыла факты многочисленных хищений. На одном из заседаний Политбюро Сталин устроил разнос своим соратникам:

«Мне прислали списки с продуктовых баз, в которых указано сколько продуктов расходуется в семьях Молотова, Кагановича, Микояна и других. Это просто возмутительно — вместе с ними кормится и охрана, и вся обслуга. Причем все воруют и никто не считает. Поручим Косыгину разобраться с этим, пусть внесет предложение, чтобы ввести жесткий лимит»²¹².

В итоге, Сталин принял решение о суде чести, видимо по аналогии с армией, где существовал суд чести для офицеров. Контингент данного суда: министры и их заместители, руководители комитетов при Совете Министров и их заместители, секретари ЦК Компартий союзных республик, председатели Советов Министров, министры союзных республик. Решение было принято 7 апреля 1948 г. и лично отредактировано Сталиным. Но остановить этим коррупцию и воровство не удалось²¹³.

Жумабаю Шаяхметову пришлось создавать аналогичную структуру в Алма-Ате. Но когда конкретно она начала действовать и, главное, сколько она просуществовала, данных пока не выявлено. В Москве такой суд чести функционировал менее двух лет.

Москва, оказывая помощь в решении ряда значимых проблем, торопила с главным — досрочным выполнением планов четвертой пятилетки. Связано это было во многом со стремлением номенклатурного окружения вождя отрапорто-

²¹²См.: Андриянов В. Косыгин. Серия: ЖЗЛ. – М.: Молодая гвардия, 2003. – С. 120.

²¹³Там же.

вать Сталину, что в честь его 70-летнего юбилея, который страна отметит 21 декабря 1949 г., партия и государства преподносят ему главный подарок — досрочно осуществляют восстановление и развитие народного хозяйства. По сути, этому в Алма-Ате была посвящена работа специального пленума ЦК КП Казахстана, состоявшегося в марте 1948 г., и целого ряда заседаний Бюро ЦК КП Казахстана. Собственно иначе действовать власти республики просто не могли, к тому же они были надежными кадрами той системы²¹⁴.

1948 г. внес свои нюансы в жизнь общества. Они многолики. Как многолика и противоречива сама жизнь любого социума практически на любом повороте исторического процесса. Советское общество в тот год подверглось ударам с двух сторон. На Западе в рамках курса «холодной войны», обоснование необходимости которого содержалось в упомянутой выше фултонской речи Уинстона Черчилля, развернулась кампания преследования друзей Советского Союза. В неё включились правые круги США и Европы, спецслужбы Запада начали прессинг всех, кто не соглашался на такой поворот, эпилогом чего стал арест антифашистов супругов Розенберг, вызванный стремлением американской контрразведки в лице ФБР создать иллюзию ее умелого противостояния с советской разведкой и зловердными коммунистами²¹⁵.

Нюанс внутреннего — уже чисто советского — плана заключался в том, что в стране развернулась ответная кампания борьбы с космополитизмом, оцененным как прикрытие буржуазной идеологии. И масштаб этой борьбы во многом усиливался тем, что не доверявший никому И. Сталин рядом перестановок в органах безопасности спровоцировал

²¹⁴См.: Казахстанская правда. 12, 14 марта 1948 г. Культура и жизнь. 11 мая 1948 г. Семиреченская правда. 10 июля 1948 г.

²¹⁵См. по этому поводу работы советских разведчиков: Феклисов А. «Признание разведчика». М.: ОЛМА-Пресс, 1999. — С. 323–336; Судоплатов П. «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950-е годы». М.: ОЛМА-Пресс, 2001. — С. 341–363.

там возвышение таких личностей, как следователь Рюмин, видевший врагов повсюду, кроме себя самого. Беда была еще и в том, что эта кампания, инициированная самим И. Сталиным и его верным идеологом А.А. Ждановым и стремившимся занять второе место Г.М. Маленковым, сразу стала для многих нечистоплотных натур средством сведения счетов со своими оппонентами или конкурентами на жизненном пути. И это отразилось на судьбах большого числа деятелей интеллигенции.

Для лучшего понимания происходившего необходимо сказать о том, что борьба с космополитизмом — естественным отражением интернациональной сущности науки — и за советский патриотизм, являвшийся продуктом нашей системы, начиналась как простая научная критика, где требовалось доказать или опровергнуть тезис: налицо ли взаимосвязь советского и национальной гордости²¹⁶.

Космополитизм как идеология, в первую очередь, затрагивал проблемы творчества в философии, истории, литературе, культуре, то есть в сферах, связанных с деятельностью интеллигенции как носителя и выразителя идей творчества и сотрудничества народов, а также и с духовной жизнью общества.

В переводе с греческого космополит — человек мира, личность, которая не ограничена рамками национальных интересов. Таких людей власти не любили нигде и никогда, поскольку они жили представлениями не национальных, а общечеловеческих интересов. Сегодня хорошо известно, какие дикие вещи творились в ту пору в разных странах мира, в том числе в Америке, где дух подозрительности и мракобесия воплотился в известной политике маккартизма. Эта политика категорически отвергала космополитизм и сторонников социализма как врагов именно американских “патриотических” идеалов. В разных «грехах» были обвинены не только такие физики как Нильс Бор и Энрике Ферми, но и величай-

²¹⁶См. Ахметова Л.С. «Патриотизм в ракурсе истории». — С. 25; Кожин В. «Россия. Век XX». — С. 291, 293.

ший актер 1930-1940-х гг. Чарли Чаплин. Маккартизм терзал общественную мысль и культуру США несколько лет, о чем открыто говорится в американских учебниках истории²¹⁷.

В марте 1948 г. состоялся Пленум ЦК Компартии Казахстана, рассмотревший вопросы состояния идеологической работы²¹⁸. Пленум был приурочен к 10-летию выхода «Краткого курса истории ВКП(б)» и служил своего рода рапортом Москве о том, что сделано и намечено сделать в области воспитания и просвещения масс²¹⁹.

«Краткий курс», ставший главным в трактовке любого подхода к оценке исторических событий, философских концепций, понимания освещения роли масс и личностей, содержал в себе ряд компонентов, которые могли оказать и, естественно, оказали существенное влияние на поворот общественно-политической жизни в новое русло. Напомним, «Краткий курс», в написании которого участвовал сам Сталин, был рекомендован в качестве обязательного пособия, он ставил во главу угла воспитание людей на материалах истории советского периода, истории партии большевиков. «Краткий курс», закрепивший в свое время идеи сталинизма как ключ к пониманию и трактовке происходящего, базировался на принципах поиска врага и его разгрома и на негативной оценке тех, кто занимал особые позиции, отходил в сторону или не участвовал в поиске врага. Добавим, через «Краткий курс» красной нитью проходила идея постоянного

²¹⁷См: “A People and A Nation. A History of the United States”. Volume II: Third Edition. Houghton Mifflin Company, Boston, 1990. PP.841–842. Авторы этого учебника для университетов США приводят в конце раздела о «маккартизме» внушительный список литературы об эпохе гонений на интеллигенцию, включающем 19 работ, порой коллективных. См. указанный том. – С. 851.

²¹⁸Большевик Казахстана. 1948. № 3. – С. 17–32; Казахстанская правда. 12, 13, 16, 17, 19 марта 1948 г.

²¹⁹16. Большевик Казахстана. 1948. № 17. – С. 1–15; № 18. – С. 6–16, 17–30.

расширения борьбы классов, независимо от того, победили ли они и кто теперь их противник.

При позиционировании «Краткого курса» в качестве основного средства формирования массового сознания не учитывалось то обстоятельство, что 1940-е существенно отличались от 1930-х гг. Если в предвоенное десятилетие И. Сталину и сталинизму для самоутверждения требовалось разгромить врагов внутри, то искать врагов внутри на исходе 1940-х гг. фактически означало демонстрацию всему миру определенных внутренних слабостей советского общества, какой-то незавершенности процесса, начатого Сталиным в 1930-е гг. Поскольку «Краткий курс» был написан в довоенную пору, в нем, естественно, не могло содержаться даже намек на то, что советское общество, победившее фашизм, могло бы выступать как пример и как ориентир для народов в зоне советского влияния.

Теперь патриотизм получал новое звучание, новое измерение. Параметры такого измерения довоенная литература, естественно, дать не могла. И уже в этом проявлялись историческая ограниченность и отсталость «Краткого курса». Вместо того, чтобы дать философское осмысление итогов второй мировой и Великой Отечественной войн, обществу предлагались идеологические очки предвоенной поры, абсолютно не соответствовавшие качественно новым реалиям.

В документах мартовского Пленума ЦК Компартии Казахстана всего упомянутого нами не содержалось. Пленум по традиции дал высокую оценку «Краткому курсу» и указал на чисто технические детали ведения идейно-политической работы. Однако то обстоятельство, что Пленум был приурочен к 10-летию выхода в свет «Краткого курса», вынудило высшее политическое руководство республики — в лице Жумабая Шаяхметова и его соратников — для подтверждения верности его идеям и положениям истории ВКП(б) начать кампанию поисков нового врага.

По существу, политическое руководство республики должно было идти на подрыв собственных позиций, так как

искать врага в соответствии с идеями «Краткого курса» ему требовалось начать в своей собственной среде.

Если учесть, что история большевизма во многом была историей противостояния одной части интеллигенции другой в силу расхождения их партийных и идеологических позиций, то казахстанскому обществу предстояло, в первую очередь, начать поиск врага среди интеллигенции. Собственно, этот момент уже обозначился в 1947 г., когда критике подверглась деятельность Института языка и литературы. Поэты и писатели стали первыми жертвами. Следовало отыскать тех, кто будет следующими. Здесь больше всего по аналогии с литераторами могли нагрешить историки. Но тогда удар направлялся не только против местных, но и против московских кадров, с чьей помощью с 1943 г. были созданы крупные творения в области исторической науки, сформировалась школа национальных историков, в которой ведущую роль играл Е. Бекмаханов.

На том мартовском пленуме конкретных выпадов в адрес этого историка еще не было. Складывается впечатление, что Жумабай Шаяхметов пытался сохранить кадры национальной интеллигенции от разгрома, понимая, сколь сложен процесс их формирования, как трудно он идет, как тяжела для общества утрата ее наиболее талантливых представителей. Это впечатление усиливается тем, что уже в 1947 г., несмотря на критику литераторов, серьезных оргвыводов и административных мер по отношению к ним не принималось.

Тем не менее именно тот 1948 г. как наиболее яркий пример зеркального отражения в жизни нашей страны мировых процессов стал временем масштабной атаки на Е. Бекмаханова, замечательного писателя М. Ауэзова, целого ряда поэтов, журналистов²²⁰.

Говоря о складывавшейся в республике ситуации, надо отметить, что, как показывает идейно-политический ана-

²²⁰См.: Нурпеисов К. «История одного дела». //История Казахстана: белые пятна... – С. 41.

лиз публикаций на страницах журнала «Большевик Казахстана», в газетах «Казахстанская правда» и «Социалисттік Қазақстан», в первой половине 1948 г. политическое руководство республики выжидало. Как мы отмечали выше, оно, будучи частью новой казахской и казахстанской в целом советской интеллигенции, понимало, что активное включение в кампанию поисков врагов сразу же весьма существенно ослабит позицию правящей элиты. К тому же не было пока прямых указаний самого И. Сталина, да и в Москве расстановка сил до конца не определилась. Секретарь ЦК А. А. Жданов, задавший тон новому большевистскому походу в литературе и искусстве, был серьезно болен и летом 1948 г. скончался. Как и куда повернет руль его преемник на посту секретаря ЦК по идеологии, тоже не все было ясно. Неясность подогревалась и тем, что серьезные сдвиги персонального плана происходили в органах безопасности. Сосредоточившийся, по указанию И. Сталина, на форсированном создании нового оружия защиты и возмездия — атомного и ракетного — Л. П. Берия, вынужденно ослабил свое влияние на руководство органами МГБ²²¹, где огромный вес приобрел новый сталинский выдвиженец В. Н. Меркулов.

В Алма-Ате обо всем этом знали. Но выжидание не означало молчания. Как мы уже отмечали выше, роль борцов за большевистское понимание исторических процессов и патриотического воспитания масс взяли на себя молодые ученые из институтов истории и Казахского филиала ИМЛ. Именно они выступили суровыми критиками произведений литераторов, историков, где затрагивались проблемы далекого прошлого и его связи с современностью. Следует отдать должное этим критически настроенным рецензентам. Они умело обыгрывали слабые места в произведениях литераторов и историков, часто противопоставляли классиков национальной культуры представителям иного плана. Во

²²¹Берия Л. «Секретный дневник. 1945–1953. С атомной бомбой мы живем!». – М.: Яуза-Пресс, 2011. – 288 с.

всяком случае эти деятели поддерживали исследователей со своеобразной оговоркой, но такая же поддержка была вдвойне опасна, поскольку она могла ударить как по рецензентам-доброжелателям, так и по объектам критики. Удара же не было. Казахстанская политико-идеологическая элита выжидала именно в силу указанных выше причин.

Действительно, Жумабай Шаяхметов до последнего момента старался, по возможности, уходить от острых оценок деятельности ученых, творений драматургов, писателей, поэтов. Ему зря приписывают решения по репрессиям. Как показывает пример Е. Бекмаханова, телега обвинений в адрес деятелей науки и культуры двигалась при Жумабае Шаяхметове с очень большим скрипом и довольно продолжительными «для уяснения причин» остановками²²².

Больше того, «горячую» в среде историков проблему оценки освободительных движений прошлого, ставшую предметом длительных обсуждений и научных споров в Институте истории АН СССР еще 29 мая, 1, 22 июня и 8 июля 1944 г., руководство ЦК в лице Жумабая Шаяхметова и Ильяса Омарова рекомендовало президиуму АН республики рассмотреть в дискуссии самих историков. Такая уступка активным оппонентам Е. Бекмаханова, первого исследователя движения Кенесары Касымова, как нам представляется, должна была решить две задачи: найти общую точку зрения и выявить концепт решения. Формально все было верно. Но все дело в том, что невольно давался в новом духе поворота к «советскому патриотизму» карт-бланш смотреть на события первой половины XIX столетия как на нечто подобное вихрям первой российской революции начала XX века. Этой-то разницы, ни деятели ЦК, ни участники дискуссии, организованной по работе Е. Бекмаханова «Казахстан в 20–

²²²Вообще историкам стоило бы сравнить цифры репрессий того времени в СССР и США, назвать число репрессированных в 1946–1952 гг., отдельно выделив чисто гражданских людей. Мы оговариваемся о гражданских потому, что органы продолжали в те годы розыск пособников фашистов и военных преступников.

40-е годы XIX века»²²³, не знали. А она существенна, ведь борьба за сохранение суверенности этноса и участие в движении за утверждение демократии и против самодержавия это качественно разные вещи!

Развернутое обсуждение монографии Е. Бекмаханова — пока в научных кругах — состоялось 28 февраля 1948 г. в Институте истории Академии наук СССР в Москве. К нему была привлечена «тяжелая артиллерия науки» — академики, члены-корреспонденты АН СССР, профессора МГУ Бушуев К.С., Бахрушин С.В., Вяткин М.П., Греков Б.Д., Дружинин Н.М., Минц И.И., Панкратова А.М., Кучкин А.П., Юшков С.В. и др. На обсуждении кроме того были представители секретариата ЦК ВКП(б) Щербаков А.С., Жданов А.А., Маленков Г.М. К их чести они не сделали никаких замечаний в адрес нашего ученого. Возможно по причине того, что Е. Бекмаханова поддерживало руководство Казахстана и сам Шаяхметов, которому благоволил И. Сталин. Исследователи творчества Е. Бекмаханова отметили, что крупнейшие специалисты-историки страны дали высокую оценку труда Е. Бекмаханова. Среди выступивших с положительными суждениями были Дружинин Н.М., Бахрушин С.В., Кучкин А.П., Юшков С.В., Вяткин М.П. и др. Негативное мнение высказали представители Казахстана Х. Айдарова — устно, Т. Шоинбаев и М. Ахинжанов — письменно. Столь резкое разночтение между известными специалистами и теми, кто решил нажить капитал на критике своего земляка, показывало, что в Алма-Ате имелись желающие погреть руки, повторить костры 1930-х гг.

Именно по их инициативе в июле 1948 года в Алма-Ате в Институте истории, археологии и этнографии прошла уже пятидневная дискуссия (14, 15, 16, 17 и 19 июля 1948 г.). В ней приняло участие несколько десятков человек. Но тон всему задавали четыре кандидата наук: Айдарова Х.Г., Ахинжанов М.Б., Сулейменов Б., Шоинбаев Т. Ж. Кстати,

²²³Бекмаханов Е. «Казахстан в 20–40-е годы XIX века». – А-А., 1992. – 398 с.

трое (Айдарова, Ахинжанов, Шоинбаев) писали рецензии на “Историю Казахской ССР” и монографию Е. Бекмаханова «Казахстан в 1920-е, 1940-е годы XIX века» и для московского обсуждения.

Мы специально проанализировали состав участников той алма-атинской дискуссии 1948 г., коих было 24. По обсуждавшемуся периоду — Казахстан первой половины XIX века — работало 3 человека, остальные разрабатывали темы совершенно иного плана²²⁴. Кроме того, все они, за небольшим исключением, не являлись специалистами по проблемам русско-казахских связей, внешней политики России или Казахстана. Многие из них кандидатами наук стали незадолго до этого и не накопили достаточного архивного материала, чтобы выступать на основании более доказательной документальной базы, нежели той, которой пользовался Е. Бекмаханов. Кроме того, многие участники дискуссии — Нурханов А., Айдарова Х., Елеуов Т., Турсунбаев А., Джусупбеков С. — вообще были специалистами по XX веку и по истории революционного движения.

²²⁴Это относительно близкая, но весьма специфичная тема историка Х. Г. Айдаровой (Чокан Валиханов, защищена в 1945 г.). Это тоже относительно близкая по времени событий, но крайне узкая по документальному багажу работа Т. Ж. Шоинбаева (Восстание сьрдарьинских казахов под руководством Джанхожи Нурмухамедова в 1857 г., защищена в 1947 г.). Это работа экономиста С. Е. Толыбекова (Экономика и организация кочевого хозяйства в XIX начале XX вв., защищена в 1949 г.). Что касается диссертации А. Нурканова (XIX ғасырдың соңы мен XX ғасырдың басындағы Қазақстан және Аманкелді Имановтың қоғамдық-саяси көзқарасының қалыптасуы, защищена в 1946 г.) ни по периоду, ни по территориальному охвату событий в русло общности тем не вписывалась. Аналогично обстояли дела и с темой диссертации М. Ахинжанова (Еңбекші қазақ әйелдерін азат ету, защищена в 1946 г.) Как позднее вспоминал (в личной беседе с В. К. Григорьевым) присутствовавший на дискуссии в ту пору ученый секретарь Ученого совета Института истории АН Казахстана Г. Ф. Дахшлейгер, порой было стыдно за доводы оппонентов Бекмаханова, настолько они были тенденциозными.

Фактически никто из трех работавших по тому периоду кандидатов наук, ярых оппонентов Е. Бекмаханова, даже те же Айдарова Х., Ахинжанов М. и Шоинбаев Т., в силу узости их исследований материалом темы по существу не владел и вел «критику» вообще с позиций общности революционной демократии и национально-освободительных движений. На ход дискуссии свое негласное влияние оказала упомянутая выше юбилейная дата — 10-летие выхода сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)». А пояснение к нему, отражающее колоссальные сдвиги после Великой Победы, вождь еще только намечал, в том числе по проблемам языкознания и политической экономии. Ему самому многое было неясно. Требовались время и философское осмысление. Ни тем, ни другим Сталин не располагал. Да он и не мог противоречить своим выводам прежних лет. К тому же у него не было уже четкости и ясности понимания становившегося все более сложным мира²²⁵.

Вместе с тем необходимо, на наш взгляд, отметить, что сам ход дискуссий демонстрировал то, что общество, и в данном случае историки, уже не являлись безгласным приложением чьих-то директив. Но и сами верхи не знали, как им быть при выявлении противоречий между старым и новым взглядом «вождя народов», ведь он ни от чего из старого не отказался. А посему складывалась странная для той поры картина, когда верхи не могли дать «установку» по конкретному вопросу, поскольку на выявление противоречий у И. Сталина они права не имели.

²²⁵Нельзя, на наш взгляд, согласиться ни с оправдательным гимном Сталину в работе Шевякина А.П. «Загадка гибели СССР. История заговоров и предательств». (М.: Вече, 2004. — С. 15–18), ни с огульным отрицанием его дел в работе Волкова Ф.Д. «Взлет и падение Сталина». (М.: Спектр, 1992. — С.271-280). Мы даже не ведем речь о работе Радзинского Э. «Сталин» (М.: Вагриус, 1997. — С. 549–590), поскольку там превалирует дух не науки, а простая ненависть и конъюнктура публицистики. Как ни странно, ближе многих к загадке проблемы подошел писатель Вадим Кожинов в своем втором томе «Россия. Век XX». (— С. 218–345).

При этом надо иметь в виду, что организованная дискуссия изначально не могла быть именно дискуссией. Дело в том, что тогда в республике еще только начинали формироваться кадры специалистов и соответствующие научные школы. Да и сам Институт истории АН Казахстана был создан в победном 1945 году и туда сразу же пришел большой отряд фронтовиков-политработников, у которых порой не было необходимого специального образования. В той ситуации амбициозные личности с позиций своего пристрастного прочтения дискутируемой темы под углом зрения её соответствия новым установкам партии и её вождя и оценивали «полезность» или «несоответствие» работы духу времени. Ясно, что о подлинном профессионализме говорить не приходилось²²⁶.

Следует иметь в виду, что кроме монографии Е. Бекмаханова обсуждению подверглись его труды в целом²²⁷.

Та дискуссия 1948 г. на страницы газет и журналов не выплеснулась, а прошла, как мы уже отмечали, в научной среде. Уже одно это показывает, что повторить 1937 г. никто не решался. С одной стороны, Москва не считала нужным делать это, ибо тогда обесценивалась значимость победы в Отечественной войне, но с другой, — советское руководство искало пути и методы перехода к новой трактовке целого

²²⁶Как уже отмечалось, в «верхах» в то время набирала обороты борьба между группами А.А. Жданова и Г.М. Маленкова. Остроту ей придавало то, что вели её равные фигуры, а Сталин отстраненно наблюдал за ней, душевно симпатизируя Маленкову. К тому же надо заметить, что Маленков не мог опираться на Берия, как пишут многие журналисты и исследователи, поскольку министром госбезопасности был Виктор Абакумов, подчинявшийся лично Сталину и по поручению вождя копавший под Берия. См.: В. Кожинов. Россия. Век XX... – С. 287–292; Судоплатов П.А. «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы». – С. 497–506.

²²⁷История Казахстана: белые пятна. – А-А., 1991. – С. 34–49; Аргументы и факты. 1995, февраль; Бірлесу. 1993, № 17; Казахстанская правда. 16 февраля 1995 г.

ряда идеологических постулатов. Мы уже говорили о переосмыслении политики самодержавия, о том, что Москва не слишком педалировала тему интернационализма. Ей необходимо было отыскать новые грани доказательств взаимосвязи советского и национального, ослабив национальное начало, но оставив его форму.

В печати республики несколько особняком была обозначена тема борьбы с низкопоклонством перед буржуазной культурой и с пережитками феодально-реакционного характера. Прежде всего речь шла о критике тех элементов национальных корней литературы и искусства, которые затрагивали тему цивилизационного вклада ислама.

В двух крупных статьях журнал «Большевик Казахстана» начал кампанию за существенный пересмотр ряда концепций исторического прошлого казахского народа. На смену прежнему довоенному подходу к политике самодержавия, которая оценивалась как целиком и полностью реакционная, теперь приходил подход, согласно которому речь уже шла о выборочной реакционности и о раскрытии прогрессивного характера присоединения Казахстана к России, в том числе и военных операций самодержавия в районах Семиречья и юго-запада Казахстана.

Собственно, все это было частью начатого И. Сталиным осторожного переосмысления прошлого для оправдания новой роли Москвы в судьбах человечества в целом. И здесь национальные корни казахского, узбекского, киргизского, таджикского патриотизма оказывались инородными. Вот почему начинают подвергаться критике работы тех, кто, подобно Е. Бекмаханову, объективно рассматривал вопросы присоединения Казахстана к России. По союзнице Е. Бекмаханова Н. Аполловой был нанесен ощутимый удар рецензией талантливого историка В. Шахматова, который мелкие недоработки Н. Аполловой возвел в абсолют и невольно бросил тень на научного редактора монографии Е. Бекмаханова. Собственно, этим была расширена база для поиска об-

раза диссидента, а затем и врага в исторической литературе республики²²⁸.

Однако жизнь брала свое. В 1948 г. была официально открыта казахская труппа ТЮЗа. И казахская, и русская труппы ТЮЗа радовали детей своими постановками, обучали их в творческих мастерских, приобщая детей к миру искусства, культуры и литературы.

Казахская труппа театра начала свою работу 1 мая 1948 г. спектаклем «Золотой ключик» по пьесе, написанный Алексеем Толстым. Блистательно исполнила роль Буратино молодая актриса Аккагаз Мамбетова. В ее герое было все — юмор, любопытство, хитрость, смелость, озорство, непривычная зрителю тех лет пластика деревянного человечка с растопыренными пальцами рук и перетаптыванием на несгибающих ножках. Это был невероятный успех, хотя работать в ТЮЗе Аккагаз, в общем-то, и не думала. После школы она училась в институте, хотела стать химиком, потом вдруг пошла во ВГИК. Но заболела мама, и на 4 курсе ей пришлось бросить учебу. Вот тут-то и присмотрела ее Н. И. Сац. Она взяла Аккагаз к себе, и прежде, чем сыграть Буратино, та выходила в «Красной шапочке» в очередь с первой исполнительницей главной роли Юлией Карасевой. А когда Сац стала ставить «Золотой ключик», то дала Аккагаз главную роль целиком. В выборе своем она не ошиблась — сразу после премьеры все заговорили о рождении первой казахской исполнительницы детских ролей, то есть травести²²⁹.

В период формирования казахской труппы была осуществлена постановка комедии А.Н. Островского «Не все коту масленица». Традиционно главное место в репертуаре занимали спектакли об истории, героических и будничных

²²⁸Большевик Казахстана. 1948. № 1. – С. 32–41; № 4. – С. 1–7; 1949, № 4. – С. 39–48; ЦГА РК. Ф. 1137. Оп. 15. Д. 539. Л. 43, 45, 51. Ф. 1219. Оп. 2. Д. 60. Л. 292–298; Шымкентский ГА РК. Ф. 40. Оп. 11. Д. 90. Л. 21–23.

²²⁹Енисеева-Варшавская Л. «Вычитано и выверено мной окончательно!!!» – Алматы, 2019. – С. 101.

делах комсомольской и пионерской организациях страны, о жизни, дружбе и любви («Алия Молдагулова» Ш. Байжанова, «Юность отцов» Б.Л. Горбатова, «Жизнь молодых» М. Иманжанова, «Драгоценные камни» и «Баловник» Ш. Хусаинова, «Меня зовут Кожа» Б. Сокпакбаева — казахская труппа; «Годы странствий» А.Н. Арбузова, «Машенька» А.Н. Анфиногенова, «Сын полка» В.П. Катаева, «В добрый час» и «Страницы жизни» Розова, «Молодая гвардия» по А.А. Фадееву — русская труппа)²³⁰.

Когда Н. И. Сац поставила на сцене театра «Молодую гвардию», она рассадилась созданный и работавший при ТЮЗе детских хор по залу, и по взмаху дирижерской палочки музыкального руководителя В. В. Великанова из разных концов зала дети начинали петь сочиненную в театре песню про молодогвардейцев, которая заставляла весь зал подниматься в едином порыве и подпевать хору. Одному из авторов настоящей книги (Л.С. Ахметова была тогда ребенком) до сих пор вспоминаются слова той песни и атмосфера в зале, от которой по телу пробегали мурашки.

Тот год был знаменателен тем, что на Востоке страны была во многом ослаблена угроза прямой военной опасности. В Китае к власти пришел ориентированный на Советский Союз глава тамошней компартии Мао Цзэдун. Филиппины, Индонезия, Индокитай, Индия стали ареной острейшей борьбы с европейскими и американскими колонизаторами. Советское государство обрело атомное оружие, покончив с американской монополией. Экономика страны сделала очередной рывок на рельсах мирного развития. Уже в последнем квартале 1949 г. был достигнут запланированный на 1950 г. уровень роста промышленности. Завершилось строительство металлургического завода в Караганде, вошел в строй горно-химический комбинат «Каратау». Пошли поезда по магистрали Моинты — Чу. Главным фактором стало то, что экономика начинала работать на человека. Дали свою продукцию швейные и обувные фабрики в Петропавловске, Кустанае, Семипалатинске и других городах.

²³⁰Алма-Ата. Энциклопедия. — Алма-Ата, 1983. — С. 508.

Были созданы предпосылки для решения ряда продовольственных проблем. Это, например, обеспечивали 178 новых маслозаводов в крупных совхозах, на четверть возросло производство колбасы благодаря новым линиям Петропавловского и Семипалатинского мясокомбинатов, в пять раз увеличилось производство кондитерских изделий²³¹. Почти в два раза по сравнению с довоенным периодом вырос сбор зерновых с 2 млн. 500 тыс. тонн до 4 млн. 747 тыс. тонн²³². Облик Казахстана заметно менялся во всем.

Ярко успехи хозяйственного и культурного развития продемонстрировала для москвичей декада казахского искусства и литературы, проходившая с 10 по 15 мая. Страна узнала о новых произведениях писателей республики. Среди них трилогия об Абае М. Ауэзова, «Солдат из Казахстана» Г. Мусрепова, пронизанный трагизмом и болью войны труд А. Нурпеисова «Курляндия». Москва слушала выступления К. Байсеитовой, А. Умбетбаева, Ж. Елебекова, Р. Абдуллина и др.

В Казахстане в тот год среди самых заметных событий стал очередной IV съезд Компартии республики, который работал с 25 февраля по 1 марта 1949 года. 1 марта состоялся I пленум ЦК. Членами Бюро были избраны: первый секретарь ЦК Ж. Шаяхметов, второй секретарь ЦК С.И. Круглов, секретари ЦК С.Я. Яковлев, Г.Ш. Каржаубаев, И.О. Омаров, председатель президиума ВС Д. Керимбаев, председатель СМ Н.Д. Ундасынов, А.П. Заговельев, А.П. Бызов, И.И. Долгих, А.К. Канапин²³³.

На съезде были озвучены привычные для того времени установки для всех звеньев партийной и государственной машины. Напомним, что и декада, и съезд были приурочены к юбилею Сталина. Печать того времени дает возможность представить, как проходил данный юбилей.

²³¹См.: Народное хозяйство Казахстана. Статистический сборник, Алма-Ата. 1968. – С. 89, 90, 81.

²³²Там же. – С. 126.

²³³Ашимбаев Д., Хлюпин В. «Казахстан: история власти. Опыт реконструкции». Алматы: Credos, 2008. – С. 449.

Основной посыл торжеств был таков: сорокалетие Сталина было ознаменовано разгромом на исходе 1919 г. белого движения в России и поддерживавших его иностранных интервентов; полувековой юбилей — начавшаяся в 1929 г. коллективизацией, которую И. Сталин считал событием, равным Октябрю 1917 г.; шестидесятилетие в 1939 г. — возвращением в лоно страны районов Западной Украины и Белоруссии, захваченных в 1920 г. поляками. Семидесятилетие должно было стать итогом всего. Разгромлен нацизм, повержен японский милитаризм, Россия вернула себе утраченную в XI–XIII веках западную часть Прибалтики, а в 1905 г. отторгнутые Японией южную часть Сахалина и Курильские острова. Более того, СССР перестал быть страной-изгоем. Он — вторая держава планеты, центр целой социалистической системы, включавшей 12 государств Европы и Азии. СССР — один из основателей ООН, постоянный член Совета Безопасности с правом вето.

Тот год сталинского юбилея оказался отмечен эпохальным, но неприятным для Казахстана событием. 29 августа на Семипалатинском полигоне впервые было испытано ядерное устройство. Это решило задачу ликвидации американской монополии на атомное оружие, но и одновременно нанесло серьезный ущерб и без того хрупкой природной среде региона, а главное — причинило непоправимый вред жизни и здоровью десяткам тысяч людей, проживавших вблизи полигона.

Известие о произведенном испытании впервые озвучил президент США Г. Трумэн 23 сентября 1949 г. В США и на Западе не сразу получили данные проб воздуха и даже после их анализа не могли поверить в случившееся. И. Сталин же не хотел предавать гласности сей факт, и даже был встревожен возможной утечкой данных, пока ему не пояснили, как американцы узнали о взрыве.

Четвертый послевоенный год в политическом плане был временем нараставшего противостояния бывших союзников по антигитлеровской коалиции. В Германии создаются два государства. Запад формирует систему коллективной защи-

ты — НАТО. Москва пытается вывести Восточную Европу из орбиты традиционных экономических связей и создает СЭВ, экономически расчлняя Европу. Сторонникам коммунизма удается удержать победу лишь на Дальнем Востоке. Режим Чан Кайши терпит поражение. В Китае власть переходит в руки Коммунистической партии и ее лидера Мао Цзэдуна.

Размежевание в политике обострило противостояние в идеологии. Журналы, газеты, передачи радиовещания полны сообщений о борьбе с буржуазной идеологией²³⁴. Ее «недобитых» сторонников ищут везде, и прежде всего в искусстве, литературе, исторической науке, то есть там, где ведется повседневное воспитание личности, воспитание мыслью, словом, материалами прошлого и современности, воспитание историей, правдой и кажущейся истиной, воспитание чувств национальной и советской гордости, воспитание патриотизма.

Публикации в журналах, газетах, передачах радио содержат размытые трактовки нового врага-космополита²³⁵. Такая

²³⁴Большевик Казахстана. 1949. № 4. — С. 33–39; Большевицкий путь. 23 июля, 13, 16, 20, 30 августа, 11, 16, 27, 28, 30 сентября, 2, 4, 8, 18 октября, 23 ноября, 2, 4, 7 декабря 1949 г.; Казахстанская правда. 12, 28 января, 19 февраля, 16 марта, 1, 28 июня, 2, 6, 12, 16, 19, 27, 28, 30 августа, 6, 23 сентября, 2, 22 октября, 2, 5 декабря 1949 г.; Ленинский путь. 29 марта, 3 апреля, 22 мая, 5, 6, 14, 20, 23 августа, 18 сентября, 22, 25 ноября 1949 г.; Молодой большевик. 1949. № 2. — С. 8–20; Социалисттік Қазақстан. 16, 18, 19, 20 марта, 9 июля, 2 октября, 27 ноября 1949 г.

²³⁵Большевик. 1949. № 3. — С. 39–48; № 5. — С. 30–41, 70–76; № 7. — С. 35–47; Большевик Казахстана. 1949. № 4. — С. 33–48; Большевицкий путь. 23 июля 1949 г.; Вестник Академии наук Казахской ССР. 1949. № 3. — С. 3–7; Вестник Академии наук СССР. 1949, № 4. — С. 3–14; Вестник высшей школы. 1949. № 11. — С. 7–22; Дон. 1949, № 1. — С. 91–182; Знамя. 1949. № 2. — С. 168–176; Казахстанская правда. 4, 16, 18, 20 марта, 5 апреля, 1 июня, 2, 19 июля, 18 ноября 1949 г.; Ленинский путь. 29 марта, 3 апреля, 22 мая, 5 августа 1949 г.; Литература в школе. 1949. № 3. — С. 3–11; Наука и жизнь. 1949. № 9. — С. 31–38; Октябрь. 1949. № 8. — С. 171–181; Пропаганда и агитация. 1949. № 12. — С. 1–7; Профсоюзы. 1949. № 4. — С. 15–19; Советское государство и право. 1949. № 7. С. 6–12; Советская музыка. 1949. № 8. — С. 3–8; Советская Отчизна. 1949. № 5. — С. 15–105; Советская педагогика. 1949. № 4. — С. 3–11; Социалисттік Қазақстан. 16, 18, 19, 20 марта 1949 г.

нечеткость объяснялась рядом причин. Ведь полная расшифровка термина «космополит» означает гражданин мира и критиковать человека, который причисляет себя к мировой цивилизации в целом, как-то не с руки, так как тогда надо критиковать саму формулу, саму идеологию интернационализма. А размытость трактовки «космополит» позволяет уйти от четкости и просто обвинить кого-то в пренебрежении гордостью за принадлежность к стране Советов и умалении роли партии как вершителя перемен жизни народа.

Добавим, что на философской, исторической, культуроведческой науке крайне тяжело сказывались последствия 1930-х годов, когда были буквально выкошены целые группы талантливых исследователей и специалистов. Ведущие работники идеологического аппарата партии сознавали, что оголение многих участков пропагандистской работы чревато последствиями. Но общественно-политические соображения обязывали как-то реагировать.

Началась тяжелая и изнурительная деятельность, вызванная поиском и заклеиванием нового врага. Мы не ставим своей задачей подробно описывать весь ход этой кампании. Он получил отражение в литературе, в том числе и исторического плана²³⁶. Нам хотелось бы обратить внимание на следующее. Без поиска врага сталинизм не мог существовать. Но активизировать этот процесс ему уже было противопока-

²³⁶Боффа Д. «История Советского Союза». – М. 1990. Т. 2. 632 с.; Бурлацкий Ф. «Новое мышление». – М. 1989. – 430 с.; История Казахстана: белые пятна. А-А., 1991. 348 с.; «Иного не дано». М., 1988. 675 с.; История Отечества. Люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991. 366 с.; «Открывая новые страницы». – М., 1989 г. – 431 с.; «Переписка на исторические темы. Диалог ведет читатель». – М., 1989. 493 с.; «Перестройка: гласность, демократия, социализм. Осмыслить культ Сталина». М., 1989. 656 с.; Сироткин В. «Вехи отечественной истории». – М., 1991. 272 с.; «Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма». М., 1989. – 512 с.; «Урок дает история». – М., 1989. – 413 с.; Файнбург З. «Не сотвори себе кумира. Социализм и культ личности». – М., 1991. – 319 с.

зано. Противопоказано и обществу. И данное противоречие между необходимостью и потребностью собственно и определяло развитие событий.

Газеты и журналы Казахстана, как и положено низовым звеньям пропагандистского аппарата, добросовестно перепечатаывали наиболее важные публикации москвичей²³⁷.

В журналах, по радио и в газетах иногда выступали и республиканские пропагандисты²³⁸. В их объективе находились, как тогда говорили, немногочисленные запутавшиеся, не понявшие сути дела люди, попавшие под влияние идей космополитизма. Собственно тех, кто утверждал подобное, не мучали сомнения: «А как же так? Самую передовую идеологию, самое передовое учение в глубоком советском тылу вдруг смогли одолеть идеи — причем разрозненные, попавшие случайно — отсталой буржуазной идеологии, лишенной национальных корней, не располагающей в том же Казахстане сколько-нибудь подготовленными кадрами?»

²³⁷Большевистский путь. 16 марта, 16 апреля, 8, 15, 20, 22 июля, 7, 13, 16, 20, 31 августа, 27, 28, 30 сентября, 4, 8, 23, 29, 30 октября, 1, 2, 23 ноября, 2, 4, 7, 9 декабря 1949 г.; Казахстанская правда. 4 января, 19 февраля, 4, 9, 23 марта, 22, 28 июня, 19 июля, 2, 7, 26 августа, 6 сентября, 2, 11 октября, 18, 25 ноября, 2, 5 декабря 1949 г.; Ленинский путь. 8, 9 февраля, 9, 10 апреля, 2, 4 мая, 5, 6, 7 августа, 2 декабря 1949 г.; Социалистик Қазақстан. 4 февраля, 19 марта, 5, 9, 24, 25, 31 мая, 19, 28 июня, 13, 21, 31 августа, 25, 27 сентября, 14 декабря 1949 г.

²³⁸31. Большевик Казахстана. 1949. № 4. – С. 33–39; № 6. – С. 33–43; Большевистский путь. 1 января, 16 февраля, 23 марта, 26 апреля, 15 мая, 24 июня, 21, 23 августа, 6, 13, 16, 18 сентября, 19, 22 октября, 3, 22 ноября, 9 декабря 1949 г.; Казахстанская правда. 16, 18, 20 марта, 1, 26 апреля, 22 мая, 9, 30 июля, 12 августа, 5 сентября, 9 октября, 20 ноября 1949 г.; Ленинский путь. 22 мая, июня, 20 августа, 18 сентября 1949 г.; Социалистик Қазақстан. 15, 18, 29 января, 5 февраля, 8, 16 апреля, 7, 18 мая, 17, 31 июля, 19 августа, 26 октября, 27 ноября, 13 декабря 1949 г.; ЦГА РК, ф. 1219, оп. 2, д. 65, лл. 153–158, 372.

Естественно, такого рода вопросы не ставились. Но мы сегодня должны сказать, что, возможно, и в ту пору кто-то мог провести упомянутые параллели. Пока же наряду с критикой «безродных космополитов» все больше становились отрицательными героями талантливые специалисты истории, литературы и языка. В газетах республики антигероем все чаще назывался Е. Бекмаханов. На заседании кафедры КазГУ, на партийных собраниях КазГУ и Союза писателей Казахстана, на партактиве Академии наук Казахской ССР разоблачают националистов, буржуазных космополитов и их пособников²³⁹. Пока продолжает преподавать, но на собраниях и заседаниях подвергается критике Е. Бекмаханов. Правда, мы отмечали, что формирование тяжелой атмосферы еще не означало судебно-следственной расправы, но повод для нее уже дан.

Как мы уже отмечали, высшая политическая элита пока избегала применения репрессивных мер к критикуемым. И в этом тоже прослеживается отличие 1940-х от 1930-х гг., в этом тоже проявляется новое, привнесенное победой в Великой Отечественной войне.

Значительная часть материалов газет, журналов, КазТАГа в 1949 году была связана с подготовкой и проведением юбилея 70-летия И. Сталина²⁴⁰. Собственно, само по себе это обстоятельство несколько смягчило нарастание критики космополитов и «ошибавшихся» и в определенной степени ослабляло давление на тех, кто невольно становился отчасти диссидентом.

В 1949 г. в печати началась публикация материалов, связанных с различными аспектами теории национального во-

²³⁹Казахстанская правда. 2, 16, 18, 20 марта, 5 апреля, 9 июля, 2, 9 октября 1949 г.; Социалистік Қазақстан. 9 июля, 2 октября 1949 г.

²⁴⁰АП РК, ф. 708, оп. 13, д. 1843, 125 л; Большевицкий путь. 4, 5, 9, 10, 11, 13, 14, 16, 17, 18, 20, 21, 22, 23, 25, 27, 28, 30, 31 декабря 1949 г.; Ленинский путь. 5, 7, 9, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 21, 22, 23, 25, 27, 28, 30, 31 декабря 1949 г.; Социалистік Қазақстан. 2, 3, 4, 7, 9, 10, 11, 13, 16, 17, 18, 20, 21, 22, 23, 25, 27, 28, 30, 31 декабря 1949 г.

проса²⁴¹. Крупнейшим знатоком этой сферы, а также языкознания считался академик Н.Я. Марр. Но ряд концепций Н.Я. Марра исподволь ставился под сомнение, тем самым готовился поворот по основным аспектам методологии исследования национальной жизни и национальных отношений.

Весьма внимательно следившие за этим специалисты в области обществоведения не слишком, однако, углублялись в некоторые вопросы далекого прошлого, опасаясь по неведению совершить ошибку.

Согласно решениям Пленума ЦК Компартии Казахстана за 1948 год и приказу Министерства образования СССР от 28 февраля 1949 года, вузы и научные учреждения начали пересмотр тематических планов, началась кампания признания ошибок²⁴², но сколько-нибудь существенного эффекта на ведение воспитательной работы в школах, вузах, на передачи и материалы средств массовой информации все это не оказало. Газеты и журналы республики, равно как и «Вестник КазТАГа», развернутой охоты на врага пока не вели.

Значительным событием в культурной жизни Казахстана явился выход в свет романа М. Ауэзова «Абай», удостоенного в 1949 г. Сталинской премии первой степени. По своим художественным достоинствам этот роман представляет собой выдающееся произведение не только казахской, но и советской литературы. Он переведен на многие языки народов СССР и получил признание широких кругов читателей в зарубежных странах²⁴³.

²⁴¹Большевистский путь. 17 апреля, 31 мая, 14, 17 июня, 23 июля, 21 августа, 13 сентября 1949 г.; Казахстанская правда. 4, 16, 18, 20 марта, 5 апреля, 19 июля, 18 ноября 1949 г.; Ленинский путь. 29 марта, 3 апреля, 22 мая, 5, 6, 23 августа, 18 сентября, 2 декабря 1949 г.; Социалистик Қазақстан. 28, 29 января, 16, 18, 19, 20 марта, 27 ноября 1949 г.

²⁴²Казахстанская правда. 2, 16, 18, 20 марта, 4 апреля, 9 мая, 2 октября 1949 г.; Социалистик Қазақстан. 11, 18, 20 марта, 9 июля, 2 октября, 27 ноября 1949 г.

²⁴³Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1961. – С. 481.

В 1950 г. продолжали происходить заметные сдвиги к лучшему во всем. Впервые численность населения Казахстана превысила показатели 1926 г. В республике, несмотря на значительный отток людей, возвращавшихся домой в Белоруссию, Украину, Москву, Ленинград, проживало 6 млн. 522 тыс. человек²⁴⁴. Все годы четвертой пятилетки ВВП в промышленности рос на 12–14 % ежегодно²⁴⁵.

За 1950–1955 гг. в республике было построено около 700 промышленных предприятий. Это были заводы самого разного назначения и разных уровней подчинения. Они обеспечивали решение задачи нового витка развития. И здесь, конечно, решающую роль сыграла огромная помощь Москвы, которая непрерывно наращивала темпы вложений за счет общесоюзного бюджета²⁴⁶.

Ударными темпами развивались машиностроение, электроэнергетика, топливная промышленность, черная и цветная металлургия. Караганда, где до войны «на гора» выдавали 6 млн. 460 тыс. тонн угля, стала давать народному хозяйству СССР и республике уже 16 млн. 462 тыс. тонн²⁴⁷.

Но нам приходится вновь повторить, что в индустрии преобладала черная и, главным образом, цветная металлургия. Доля машиностроения и легкой промышленности была невелика в силу целого ряда причин, о чем в последние тридцать лет историками и экономистами создан огромный пласт литературы.

Резко — в два раза по сравнению с довоенным уровнем — выросло производство промышленности строительных материалов, что в свою очередь обозначило небольшой перелом в обеспечении людей жильем. Заметные сдвиги имели место в легкой и пищевой промышленности. Соб-

²⁴⁴Народное хозяйство Казахстана. Статистический сборник. — С. 7.

²⁴⁵Там же. — С. 23.

²⁴⁶См.: Сактаганова З.Г. «К вопросу о месте и роли Казахстана в союзной интеграции в послевоенное десятилетие». Россия и Восток. Волгоград: ВолГУ. 2003. — С.68.

²⁴⁷Народное хозяйство Казахстана. — С.67.

ственно, это отчасти было отражением общего подъема народного хозяйства страны

Как видно из работ историков-экономистов, республика произвела в 1950 г. хлопчатобумажных тканей почти в 10 раз больше, нежели в 1946 г.²⁴⁸. Люди получили возможность лучше одеваться, так как бельевого трикотажа легкая промышленность дала в 4 раза больше, чем после войны. Иными стали возможности обустройства комнат, ассортимент спальных принадлежностей. В магазинах благодаря сдвигам в аграрном секторе появились в достатке сахар и масло, хлеб и молоко, консервы и сладости²⁴⁹.

1950 г. стал временем укрупнения колхозов. Их численность сократилась в том году с 6 737 до 3 696, а через два года осталось 2 047 колхозов. Это позволило резко сократить расходы на содержание административного аппарата, перебросить освободившиеся средства на переподготовку кадров. По инициативе Жумабая Шаяхметова в республике было создано более 4 тыс. агрозоотехнических курсов с трехгодичным сроком обучения, но без отрыва от производства, что позволило более 100 тыс. человек повысить уровень своих знаний²⁵⁰.

²⁴⁸См.: Баишев С. «Расцвет экономики советского Казахстана. Казахстан в нерушимом союзе братских республик». Алма-Ата: Наука, 1972. – С. 75. В определенной степени успех по производству хлопчатобумажных тканей был связан с наращиванием производства хлопка на юге Казахстана, в том числе благодаря труду итальянских и немецких военнопленных, содержащихся в Пахта-Аральском лагере № 29. См. Алтаев А.Ш., Жангуттин Б.О. Краткие очерки истории Казахстана. Уч. пособие для вузов. Алматы, 2008. – С.133; Об использовании труда военнопленных в промышленности и сельском хозяйстве, См.: ГАРФ, Ф. Р-9401, Р-5446, Р-9401 и др.

²⁴⁹Там же. – С. 24, 26, 52; См. Баишев С. «Расцвет экономики советского Казахстана. Казахстан в нерушимом союзе братских республик», – Алма-Ата: Наука, 1972. – С. 75.

²⁵⁰См.: Очерки истории Компартии Казахстана. Изд. 2. – Алма-Ата. 1984. – С. 397.

Казахстан уверенно наращивал свой вес во всем. Произвела выпуск своих питомцев консерватория, республика в достатке получала кадры педагогов высшей квалификации для школ, профтехучилищ из целой сети пединститутов, работали мединституты в Караганде, Семипалатинске, что намного облегчало решение сложных проблем системы здравоохранения, в первую очередь, в сельской местности.

На первой сессии Верховного Совета СССР третьего созыва 12 июня 1950 года Жумабай Шаяхметов был избран Председателем Совета Национальностей, вел многие исторические заседания советского парламента. На этом посту он проработал до 1954 года²⁵¹.

Однако, прибавилось и немало факторов, вызывавших серьезную обеспокоенность. Это и функционирование семипалатинского полигона, где наращивалась советская атомная мощь, это и печальный рост структур ГУЛАГа в самом центре казахской земли, это и усиление внутренней борьбы среди приближенных к И. Сталину, что, так или иначе, отражалось на жизни страны в целом и Казахстана в частности.

1950 г., последний год четвертой пятилетки, в идейно-политическом плане сразу же был ознаменован начавшимся обсуждением сложных проблем исторического прошлого в связи с публикацией И. Сталиным его работ «Относительно марксизма в языкознании» и «К некоторым вопросам языкознания». Под сталинскую трактовку стали подгоняться многие сложные моменты, связанные с историческим прошлым Кавказа, Средней Азии, Казахстана²⁵².

И. Сталин не касался теоретических проблем практически с периода 1927–1937 гг., когда дал свое определение избыточности принципов классовой борьбы на любом этапе

²⁵¹ АПРК. Ф. 708. Оп. 14. Д. 1641. Л. 1–34, 41; Большевик. 1950. №12. С. 1–14, 15–18; № 13. – С. 21–37; № 14. – С. 24–38; Большевик Казахстана. 1950. № 7. – С. 1–6, 16–20; № 11. – С. 41–48; № 12. – С. 5–15; Литературная газета. 25 мая 1988 г.

²⁵² Сталин И. В. «Марксизм и национальный вопрос». – М., 1959. – С. 10.

развития общества. Позднее, в 1939 году, он вернулся к оценке роли государства и интеллигенции. Кстати, это совпало с 20-летним юбилеем VIII съезда РКП (б), рассмотревшего, среди прочих, тему роли и места интеллигенции в советской политической системе.

Военные и послевоенные годы, фактически, были временем ухода И. Сталина от теории в практическую сферу. Но сама действительность, складывающееся положение страны, статус возглавляемой им правящей партии и его роль как политического лидера вынуждали идти на попытку каких-то теоретических обобщений, тем более что по его же указанию шли дискуссии по вопросам экономики, философии и языкознания. Именно по последнему вопросу И. Сталин решил изложить свое мнение в связи с необходимостью оценки трудов теоретиков по национальному вопросу, во многом базировавшихся на сталинских размышлениях.

Ведущей фигурой выступал упомянутый нами выше академик Н. Марр. И получилось так, что И. Сталину пришлось нанести удар по теоретическим позициям своего наиболее ревностного почитателя и единомышленника.

Проблема, связанная с национальным вопросом, возникла из-за размежевания, через которое прошел ряд стран, оказавшихся в противостоящих политических системах (западной и советской), а также из-за нового подъема национально-освободительного движения, чему во многом способствовали поражение фашизма и японского милитаризма, ослабление позиций Англии, Франции и других европейских колониальных держав.

Как известно, нация была и остается той этнической общностью, одним из отличительных признаков которой выступает общность языка. В известной сталинской трактовке нации другими ее составляющими являются территория, экономика, историческая традиция и культура. Проблема языка, развитие которого в определенной степени свидетельствует о поступательном развитии нации и увеличении ее вклада в цивилизацию на региональном и мировом уров-

нях, существенным образом затрагивала большой круг вопросов политики, экономики, идеологии, культуры и, в том числе, патриотизма, который выступает в форме любви к Родине и народу.

Поскольку за первое послевоенное четырехлетие в большинстве советских республик, в том числе и в Казахстане, задача восстановления экономики была в целом решена, на первый план вышли стратегия и тактика дальнейшего экономического развития, что само по себе включало вопрос развития наций, их взаимоотношений друг с другом, взаимосвязей советского и национального. Нация, как исторически сложившаяся общность, имела свое непростое прошлое, и представитель каждого народа стремился, познавая себя, познать и свой народ. Это ставило на повестку дня необходимость исследования и принятия тех или иных концепций, позволявших понять значимость происходившего, необходимость его закрепления или своеобразного отторжения в исторической памяти народа. Причем не отторжения вообще, а в плане оценки позитивного или негативного, влияния того или иного факта или события.

До войны, как мы уже отмечали, когда был плюрализм учебников и учебных пособий, вытесненный на исходе 1930-х гг. претендовавшим на энциклопедизм «Кратким курсом», люди получали такую трактовку исторического прошлого, которая позволяла видеть в царизме жандарма и колонизатора, поскольку таким царизм изображался согласно ленинской трактовке истории.

И. Сталин в «Кратком курсе» внес исправление, выявив в политике самодержавия «прогрессивные» черты по отношению к народам Казахстана и Средней Азии. Но «Краткий курс» как учебное пособие в системе партийного просвещения начинал оценку истории народов советской страны, главным образом, с предшественников российских социал-демократов, то есть политических сил, боровшихся за смену общественного строя и идеала. Это далеко не то, что рассматривала история вообще, и для историка оставался широчай-

ший простор, не ограниченный догмами «Краткого курса». Общественно-научная мысль, между тем, пыталась канонизировать «Краткий курс» и экстраполировать его положения на все и вся. Именно это обстоятельство и стало первопричиной расхождений между исследователями и партийно-политическими чиновниками, связанными с научной средой.

Современные казахстанские исследователи²⁵³ установили, что Е. Бекмаханов был подлинным самородком, представлявшим собой величину общесоюзного плана. Ему удалось создать ряд оригинальных произведений, положивших начало систематической, научной, строго документальной пропаганде исторического прошлого казахского народа эпохи присоединения Казахстана к России. Если попытаться оценить направленность произведений Е. Бекмаханова, то можно сказать, что в них содержался богатый и научно достоверный материал, ставший частью патриотического воспитания масс в духе утверждения общесоветской гордости. Е. Бекмаханов нащупал нить взаимосвязи советского и национального. Далекое не случайно он выдвинулся на первое место среди историков республики и положил начало формированию национальной исторической школы и как профессионал, и как педагог.

Под конец 1950 г. и власти, и историческая наука республики получили тяжелый удар. 26 декабря в «Правде» появилась статья двух казахстанских историков Х.Г. Айдаровой

²⁵³ Дулатова Д. «Память о Е. Б. Бекмаханове». В сб. «Страницы пережитого». А-А., 1995. – С. 82–85; Елемесов К. «Выразитель народной воли. Вечерний Алматы. 30 марта 1992 г.; Енисеева Л. «Послесловие к «третьей» волне». Аргументы и факты; Жармагамбетов Н. Талант непобежденный. Казахстанская правда. 16 февраля 1995 г.; Касымбаев Ж. «Немеркнувшее научное наследие». Горизонт. 24 февраля 1995 г.; Нурпеисов К. «История одного дела». В сб. «История Казахстана: белые пятна». – А-А., 1991. – С. 34–49; Соболева Р., Жармагамбетов Н. «Талант непобежденный». Бірлесу. 1993, № 17; Такенов А. «Ермухан Бекмаханович Бекмаханов». В кн. Бекмаханов Е. «Казахстан в 20–40 годы XIX века». – А-А., 1992. – С. 387–398.

и Т. Ж. Шоинбаева и московского историка А. Ф. Якунина под претенциозным названием «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана»²⁵⁴. Объектом пристального внимания стражей «подлинности исторической истины» оказалось освещение восстания Кенесары Касымова в монографии Ермухана Бекмаханова, изданной в 1947 г. Стало ясно, что для продолжения травли талантливого ученого его упорные оппоненты смогли выйти на страницы главной газеты страны и государств советского блока при помощи ведущих идеологов Алма-Аты и Москвы. В Алма-Ате им оказался один из руководителей отдела пропаганды ЦК КП Казахстана, а в Москве — «серый кардинал» М.А. Суслов. Все прежние усилия по отводу стрел и смягчению ударов в адрес Бекмаханова стали опасны уже и для самого Жумабая Шаяхметова. Вопреки внутреннему душевному сопротивлению ему пришлось открыть шлюзы для завершающей атаки на талантливого историка со стороны его неистовых оппонентов и чрезмерно «бдительных» идеологов. Проблема заключалась в том, что в историю вмешивалась уже политика.

Удар клеветники нанесли и по президенту Академии наук Казахстана К. И. Сатпаеву. В письме Т.Ж. Шоинбаева на имя секретаря ЦК ВКП(б) М.А. Сулова и председателя Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятова говорилось:

«Одним из активных членов этой партии “Алаш” был нынешний Президент АН КазССР Каныш Сатпаев. Об этом может подтвердить писатель Мухтар Ауэзов... Каныш Сатпаев с рвением выполнял задания партии “Алаш” в борьбе против Советской власти... Преданность Сатпаева к этой буржуазно-националистической партии была не случайной. Он — выходец из крупной байско-

²⁵⁴Шоинбаев Т., Айдарова Х., Якунин А. «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана». Правда. 26 декабря 1950 г.; Большевик Казахстана 1951. № 1. – С. 11–15.

феодалной семьи. Он мечтал о сохранении байско-феодалной власти над казахским народом... В 1949 году буржуазный националист, враг партии большевиков был избран членом ЦК КП(б)К. Сатпаев Каныш не перестал быть буржуазным националистом и по сей день. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что он с рвением защищал буржуазно-националистические взгляды Бекмаханова, изложенные им в книге «Казахстан в 20–40-е годы XIX века».

В этой книге Бекмаханов идеализировал заклятого врага казахского народа, агента среднеазиатских ханов и английского империализма султана Кенесары Касымова. В книге Бекмаханова пропагандируются труды национал-кадета Алихана Букейханова»²⁵⁵.

Как и почему Х.Г. Айдарова и Т.Ж. Шоинбаев смогли выйти на страницы «Правды» повествует письмо Л.Ф. Ильи-

²⁵⁵См.: РГАСПИ. Ф.17. Оп.132. Д. 355. Л. 241–248. Фактически Т. Шоинбаев пошел на ряд подлогов. Каныш Сатпаев в 1917–1918 гг. не мог быть членом партии «Алаш» по трем причинам. Во-первых, ему тогда было всего 18 лет, что по законом степи считалось безусой юностью и не давало право на самостоятельные решения. Партия «Алаш» формировалась из людей, получивших свою известность и привлекавших к ней сторонников. Во-вторых, в то время К. Сатпаев болел тяжелой формой туберкулеза легких (См. Сарсекеев. М. Сатпаев. – С. 37–38). В-третьих, в те годы он с перерывами учился в учительской семинарии Семипалатинска и был далек от политики как из-за болезни, так и из-за загруженности учебной. Неслучайно, его уже в 1920 г. включили в состав ревкома Баянаула. Этого бы не было, будь он активистом партии «Алаш». Идеализации Кенесары в работе Е. Бекмаханова не было. Он как исследователь дал оценку и успехов, и провалов Кенесары. Что касается обвинений в пропаганде взглядов лидера «Алаш» А. Букейханова, то историк Бекмаханов был обязан указать на факт публикации краткого очерка о гибели Кенесары, автором которого был К. Степняк в Ташкенте в 1923 г. Другой вопрос, что почти все знали, что это — псевдоним А. Букейханова.

чева, в ту пору главного редактора партийной газеты, на имя М.А. Суслова. В письме говорится, что якобы большая часть историков республики выступила против трактовки восстания Кенесары, данной Бекмахановым.

На деле наиболее ожесточенно критиковали Бекмаханова трое: Х. Айдарова, Т. Шоинбаев и Б. Сулейменов. От этой «троицы» фактически отмежевался М. Ахинжанов, чью подпись Айдарова получить не смогла. Ту статью, сыгравшую столь роковую роль, в редакции газеты обсуждали трижды. Бекмаханова защищал не только Ильяс Омаров, но и Жумабай Шаяхметов, который заявлял, что не считает движение Кенесары реакционным.

Вот как изложил ответ Жумабая Шаяхметова заместитель редактора отдела критики и библиографии газеты «Правда» В. Озеров, который просил первого секретаря резюмировать состоявшийся между ними разговор по поводу готовившейся разгромной статьи и зафиксировать свою позицию:

«Надо иметь в виду главный вопрос: было ли движение Кенесары Касымова реакционным или прогрессивным? Мы до сих пор считали его прогрессивным. Статья Шарипова выражает мнение ЦК.

Если «Правда» все же сочтет необходимым выступить, если этот вопрос созрел, надо бы подумать об изменении тона статьи, чтобы взять упор на дальнейшее освещение вопроса. Надо отметить проделанную нами работу, ведь ЦК статьей Шарипова и другими документами работал в правильном направлении.

В ответ на вопрос об авторах: лучше бы давать не за подписями тех людей, которые неправильно поймут свою роль в этом деле и подумают, что восторжествовали над ЦК. Лучше дать за псевдонимом, звучащим как русская фамилия. А то будут искать в Казахстане, кто скрылся за казахским псевдонимом, и строить разные догадки»²⁵⁶.

²⁵⁶РГАСПИ. Ф.17. Оп. 132. Д. 342. Л. 89. Подлинник.

Однако после того, как негативную оценку взглядов Бекмаханова подтвердил работник отдела пропаганды ЦК ВКП(б) Морозов, ранее в ракурсе мнений двух российских историков — А. Яковлева и Е. Тарле — выступивший на страницах партийного журнала с отрицательным отзывом на работу Бекмаханова, редакция газеты решила статью Айдаровой, Шоинбаева и Якунина опубликовать²⁵⁷.

Надо иметь в виду, что к 1950 г. в Казахстане сложились фактически две школы историков. Одна — школа классического типа, наиболее ярким представителем которой был Е. Бекмаханов. Вторую образовывали историки узкого направления, чьи интересы были связаны с вопросами освободительного движения и кто в силу этого легко укладывался в рамки постулатов «Краткого курса». Представители этой второй школы в основном и дали бой Е. Бекмаханову и его сторонникам в 1948–1949 гг. Их противостояние, как видим, продолжалось и в 1950 г., но теперь в него из-за активизации Москвы в вопросах обществоведения было втянуто и политическое руководство Казахстана.

Собственно, эти две группы историков базировались вокруг двух исследовательских центров и в двух ведущих вузах республики: Института истории Академии наук Казахстана, на кафедрах КазГУ и КазПИ им. Абая, а также Института истории партии ЦК Компартии Казахстана и на кафедрах марксизма-ленинизма упомянутых вузов.

Поскольку ведущей фигурой исторической науки республики был Е. Бекмаханов, основная масса исследователей тяготела к нему, но и Институт истории партии, ставший законодателем трактовки истории республики конца XIX и начала XX веков, уже располагал определенной группой опытных специалистов.

²⁵⁷См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 342. Л. 86–88. Текст записки Ильичева частично воспроизведен в книге М. Аккозина. «Вернуть из забвения». – С. 108–109.

Партийно-политическая элита Казахстана в столкновении двух школ отдала предпочтение своим кадрам, что и предопределило исход дела. Материалы справок, собранных для руководства ЦК Компартии Казахстана и оценка в этих справках позиций отдельных авторов свидетельствуют о том, что медленно, но неотвратимо началось выдавливание тех, кто не признавал положения «Краткого курса» как аксиому.

Уже через две недели после публикации в газете «Правда» той злополучной статьи ЦК КПК 9 января 1951 г. постановил создать комиссию для подготовки подробных предложений в связи с этим материалом в составе: И. Омаров (председатель), Д. Керимбаев, А. Канапин, И.П. Храмков, Н.Д. Заленский, С. Баишев, С.Н. Покровский, А. Нусупбеков, А.А. Пыхтин, К. Успанов²⁵⁸.

Статья в «Правде» вынудила руководство республики пойти на принятие целого ряда довольно жестких решений, главным образом, в свете тех дополнительных обвинений, которые были выдвинуты уже при обсуждении статьи. В Институте истории АН РК прошло партийное собрание, на котором присутствовал спецкор «Правды» А. Черниченко. Благодаря ему мы сегодня знаем, кто и какими словами бил тогда Е. Бекмаханова. 30 человек два дня обсуждали на том собрании статью газеты и позицию своего профессора. Наиболее непримиримыми были кандидаты наук Турсунбаев А.Б. и Сулейменов Б.Г. Оба выступавших привлекли внимание к позиции руководства республики. Но главный удар нанес Турсунбаев А.Б., обвинив Бекмаханова в использовании идей троцкистов. А при Сталине не было страшнее греха, чем симпатии к идеям Троцкого.

В апреле 1951 года ЦК Компартии Казахстана собирает Пленум, где «ошибки» Е. Бекмаханова подвергаются суровой критике. Чтобы успокоить авторов материалов в «Правде» масштабностью мероприятий, Президент Академии наук

²⁵⁸ Ашимбаев Д. Хлюпин В. – С. 456.

республики К. Сатпаев выступает на активе интеллигенции г. Алма-Аты с критикой взглядов Е. Бекмаханова по вопросам восстания Кенесары Касымова. Газеты и журналы республики дали большой ряд статей крупных представителей партийных, советских, научных, идеологических кадров²⁵⁹.

Осуждение «ошибок» прошло по линии Министерства образования в вузах республики, о чем свидетельствует огромный массив документов в архивах. Обсуждение статьи состоялось на историческом факультете КазГУ, в Пединституте им. Абая, в Институте истории, а также в Институте истории партии при ЦК КП Казахстана²⁶⁰.

Кстати, даже в этом специализированном идеологическом учреждении, несмотря на его статус, обсуждение 25 апреля 1951 г. выявило скрытые симпатии к исследователю. Они проявились в форме вопросов работника редакции перевода произведений В.И. Ленина на казахский язык Малыбаева к докладчику И. Спиридонову. Когда докладчик назвал действия сторонников Кенесары налетами бандитских шаек, Малыбаев вопросом парировал: «разве 20-тысячное войско можно считать бандой?».

Выступая в марте 1951 г. на проходившем два дня закрытом партийном собрании Института истории Академии наук Казахстана, посвященном обсуждению статьи, кандидат исторических наук Сулейменов заявил:

«Сколько раз историки Казахстана поднимали вопрос о буржуазном националисте Бекмаханове, но их не поддерживали. Наоборот, те, кто ставил этот важный вопрос, подвергались травле и гонению. Когда тов. Омаров узнал, что я поставил вопрос о вредной книге Бекмаханова в ЦК

²⁵⁹АП РК. Ф. 708. Оп. 15. Д. 245. Л. 67–76. Д. 1464. Л. 1–185; Большевик Казахстана. 1951. № 5. – С. 6–19; Казахстанская правда. 10, 11, 13, 21, 26, 27, 30 октября, 2, 4, 5, 11, 15, 17, 18, 22, 23, 24, 28 ноября, 2, 8, 9 11, 12, 13, 16, 28, 30 декабря 1951 г.; ЦГА РК. Ф. 2057. Оп. 1. Д. 582. Л. 1–7.

²⁶⁰См.: АП РК. Ф. 811. Оп.8. Д.1066-а.

ВКП(б) и в Академии наук СССР, он вызвал меня и грубо угрожал. И это повторялось несколько раз. Мое выступление на совещании историков республики при ЦК КП(б) Казахстана несколько раз прерывал тов. Шаяхметов. Этим самым он дал понять всем присутствующим, чтобы не трогали Бекмаханова»²⁶¹.

ЦК КПК постановил поручить Главлиту изъять из библиотек общественного пользования и торговой сети книгу Е. Бекмаханова «Казахстан в 20-40-е годы XIX века» как политически вредную и просить Министерство высшего образования СССР отменить решение ВАК о присвоении Бекмаханову звания профессора и ученых степеней кандидата и доктора исторических наук за диссертационные работы, написанные им с буржуазно-националистических позиций и содержащие грубые политические ошибки»²⁶².

Профессора Бекмаханова исключили из партии, лишили аспирантов и уволили из университета. Ему пришлось уйти работать в школу.

5 июля 1951 г. ЦК КПК объявило выговор ректору КазГУ Т. Тажибаеву за «зажим критики при разоблачении буржуазно-националистических взглядов Е. Бекмаханова и прямую его поддержку, за засорение кадров профессорско-преподавательского состава лицами, не внушающими политического доверия»²⁶³.

Жертвой событий стал и секретарь ЦК по идеологии Ильяс Омаров, который 23 октября 1951 г. был освобожден от должности.

Мощный удар нанесли по К. Сатпаеву, вынудив президентом АН Казахстана снять 23 ноября 1951 г. своего президента с должности «За грубые ошибки, допущенные в подборе и воспитании национальных кадров, а также за местнические принципы в выдвигании их»²⁶⁴.

²⁶¹РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 342. Л. 103–107. Подлинник.

²⁶²Ашимбаев Д. Хлюпин В. – С. 457.

²⁶³Там же. – С. 458.

²⁶⁴Цит.: по Сарсекеев М. «Сатпаев». – С. 257.

Об «ошибках» и просчетах шла речь в докладе Жумабая Шаяхметова и в выступлениях участников партактива г. Алма-Аты 31 ноября 1951 г.²⁶⁵.

В ноябре 1951 г. за «грубые извращения буржуазно-объективистского и националистического характера в своих исследовательских работах в области музыковедения» с поста директора Казахской государственной консерватории был снят А.К. Жубанов²⁶⁶.

Наращивание давления на тех, кто невольно оказался в стане неправильно мысливших, свидетельствовало о том, что партийный аппарат готовился к V съезду Компартии республики, где надо было отрапортовать о сделанном и, соответственно, этот рапорт продублировать в Москву. В докладе Жумабая Шаяхметова на этом съезде, состоявшемся в декабре 1951 г., говорилось о мерах, принятых по исправлению ошибок и извращений. И вновь мы акцентируем внимание на том, что меры эти существенно отличались от тех, которые принимались в рамках кампаний 1920–1930-х годов, когда речь шла о враждебной деятельности²⁶⁷.

Вопрос об истории Казахстана Шаяхметову пришлось затронуть не только на съезде, но и в ряде публикаций²⁶⁸.

Обращаем внимание на то, что кампания против автора научной монографии раскручивалась два года, достигла своего апогея на третий, но даже в тот год государственных репрессий к известному историку не применялось. Естественно, и сегодня горько читать и писать о травле ученого. Но мы все же настойчиво обращаем внимание на следующее: как в 1947–1948 гг. шла кампания против литераторов, так в 1949–1951 гг. — против историков, и шла она с большим

²⁶⁵ АП РК. Ф. 708. Оп. 15. Д. 1464. Л. 1–185; Казахстанская правда. 4 ноября 1951 г.

²⁶⁶ Ашимбаев Д. Хлюпин В. ... – С. 461.

²⁶⁷ Казахстанская правда. 2 ноября, 15, 16, 28, 30 декабря 1951 г.; ЦГА РК. Ф. 1219. Оп. 2. Д. 87. Л. 383–405.

²⁶⁸ См. Правда, 16, 19, 21 декабря 1951 г.; Казахстанская правда. 16–21 декабря 1951 г.

трудом, под определенным нажимом. Это, на наш взгляд, свидетельствовало о существенном ослаблении политической системы сталинизма, о том, что общество адаптировалось к системе и выработало противоядие, главным элементом которого стало ослабление поддержки кампаний поисков врага.

Мы специально сделали акцент на данном моменте, прежде всего, потому, что, на наш взгляд, основная масса людей уловила: в делах партийно-политической элиты не все ладно, если она считает антипатриотичным восстановление исторического знания, воспитание исторического сознания, возвращение к жизни традиций и имен, изъятых из памяти народа.

И сама элита, как мы отмечали ранее, ощущала слабость своих связей с народом и его определенную инертность, что подтверждало разрыв между массами и лидерами. Сложность проблемы с Е. Бекмахановым и другими была сложностью проблемы взаимосвязей прошлого и современности, национального и советского. Уже само то, что попытка ограничить исторические корни советского патриотизма только советской эпохой делало эти корни нежизнеспособными, вынуждало руководство аппарата пропаганды и идеологии заняться проблемами взаимосвязи советского и национального в патриотизме, национальных корней патриотизма.

Отметим, что политическое руководство республики продолжало использовать опального Е. Бекмаханова. Казгосиздат выпустил тиражом 40 тыс. экземпляров его работу «Исторические корни дружбы казахского народа с великим русским народом». Пожалуй, его брошюра была единственной работой того периода, где в своеобразной форме шла речь о национальных корнях патриотизма, хотя главное внимание автор уделил вопросам дружбы казахского и русского народов. В «Ученых записках КазГУ», том 14, выпуск 4, вышли две статьи Е. Бекмаханова²⁶⁹.

²⁶⁹АП РК. Ф. 708. Оп. 14. Д. 1640. Л. 88–98; ЦГА РК. Ф. 929. Оп. 6. Д. 117. Л. 1–44.

Время между тем требовало от Жумабая Шаяхметова решений по проблемам повседневной жизни республики, развитию промышленности, аграрного сектора, делам образования, здравоохранения, вопросам культуры. И все в тот год увязывалось с подготовкой к очередному съезду ВКП(б), который был намечен на осень.

А республика стремительно менялась и во многом благодаря как включению в этот процесс бывших фронтовиков, так и притоку в народное хозяйство и систему образования и культуры новых кадров. А их отряд превысил 39 тыс. выпускников вузов Казахстана. За послевоенные годы в республике открылось пять новых институтов, и к тому же было создано много новых техникумов. Их теперь стало 125, и они давали специалистов почти всех профилей.

1952 г. начинался с постановления ЦК ВКП(б), принятого 4 января и обязывавшего серьезно заняться ростом производительности труда в промышленности и сельском хозяйстве. Москва пыталась развитием соцсоревнования компенсировать низкую производительность труда. А по этому показателю СССР проигрывал соревнование с Западом, где главную ставку делали не на физический труд работника, а на его оснащенность новой техникой, уровень специальной подготовки, культуру производства, условия жизни.

Только что восстановленная из руин сражений промышленность западных, экономически наиболее развитых и обладавших большим культурным потенциалом районов страны начинала этап технологического рывка. Из-за разворачивавшейся «холодной войны» наибольшая часть новых технологий и средств направлялись в оборонные отрасли. Во многом это было связано с тем, что вблизи советских границ на территории Кореи три года шла война, грозившая в любой момент перерасти в мировую.

На старой технике, увы, дать нужный прирост производительности труда было невозможно. И она росла очень медленно, увеличившись в 1952 г. всего на 4 %²⁷⁰.

²⁷⁰Народное хозяйство Казахстана. Статистический сборник... – С.44.

Намного сложнее были дела в поистине многострадальном аграрном секторе, все время служившим источником выкачки необходимых для развития промышленности средств. Парк тракторов в том году оставался практически таким же, каким был и в довоенном 1940 г. А ведь минуло целых 12 лет, и техника работала сверх всех сроков службы благодаря заботе простых работников села²⁷¹.

Пятая пятилетка делала заметный акцент на использование местных ресурсов, но одновременно предусматривала три значимых для экономики новшества. Во-первых, в рамках сотрудничества стран советской системы начались поставки оборудования из ГДР, Чехословакии, Венгрии, что создавало возможности коренной реконструкции производств. Во-вторых, рос бюджет республики, что формировало новую ситуацию для развития систем образования, здравоохранения. В-третьих, в экономику, культуру, науку пришло новое поколение с иным, более высоким уровнем знаний, иным взглядом на жизнь, другими представлениями о многом.

Как показывает анализ документов пятой пятилетки, планы там были вполне реальными и базировались на имевшихся возможностях, отражая накопленный немалый опыт. Они уже включали новые факторы экономического взаимодействия со странами Восточной Европы и Азии в лице того же Китая, что обещало заметные сдвиги во всем. Другой вопрос, что «директивы» не основывались на соответствовавшей вызовам времени экономической мысли и содержали всё те же рецепты довоенной поры. А такое не обещало прорыва в развитии экономики и культуры. Мало кто знал тогда, что во многом это было отражением проигранной питерским окружением А.А. Жданова, и, прежде всего его сына — Юрия Жданова, борьбы с людьми Г.М. Маленкова по вопросам развития науки вообще, биологической науки в особенности.

²⁷¹Там же. — С. 189.

15–17 апреля 1952 г. сессия общего собрания АН КазССР избрала Д.А. Кунаева академиком и президентом АН²⁷².

Возвращаясь к теме противостояния историков, мы считаем нужным особо указать на то, что Жумабай Шаяхметов, к его чести, до последнего пытался спасти Е. Бекмаханова, отчасти и по причине чисто личной. Ведь во многих своих выступлениях во время войны он говорил о значении для дела защиты страны памяти о великих людях казахской степи. Одной из таких попыток стала организованная в конце января 1952 г. в Институте истории Академии наук республики трехдневная дискуссия о характере национально-освободительных движений в дореволюционном Казахстане²⁷³. Для участия в ней привлекли исследователей из Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Туркмении, ученых Казани, Уфы. Собственно, это уже мало что решало, и имело чисто моральное значение.

Собственно, сама дискуссия формально должна была либо подтвердить, либо опровергнуть новый подход к оценке роли России. Практически докладчики и выступавшие разделили в соответствии с концепцией все мало-мальски заметные выступления в защиту национальной независимости на реакционные и прогрессивные. Дискуссия закрепила победу нового взгляда на роль России в судьбах Центральной Азии и Казахстана. И она показала, что новую сталинскую концепцию историки тюркоязычных этносов страны по вполне понятным причинам одобрили.

Именно после этого органы МГБ получили согласие на завершающую разработку и последующий арест Е. Бекмаханова. Он был арестован 4 декабря 1952 г. и приговорен Верховным судом КазССР к 25 годам исправительно-трудовых лагерей по ст. 58–10 УК РСФСР. 16 февраля 1954 г. был реабилитирован²⁷⁴.

В этой связи нужно отметить, что оказавшемуся чуть позже практически в аналогичной ситуации М. Ауэзову удалось

²⁷² Ашимбаев Д. Хлюпин В. ... – С. 464.

²⁷³ АП РК. Ф. 708. Оп. 16/1. Д. 708. Л. 1–134.

²⁷⁴ Ашимбаев Д. Хлюпин В. ... – С. 464.

избежать ареста. Ему, уволенному с работы за «буржуазно-националистические ошибки», удалось уехать из республики, видимо, по совету Жумабая Шаяхметова, который вышел на Г.М. Маленкова и попросил того устроить Ауэзова временно в Москве. Об этом в последние годы не раз писали, в том числе уже упоминавшийся нами писатель и журналист М. Аккозин²⁷⁵.

Самому Жумабаю Шаяхметову по заготовкам новых идеологов аппарата ЦК пришлось выступить в печати²⁷⁶, а также и после длительных разбирательств следователей МГБ Казахстана и справок этого ведомства 15 апреля 1952 г. на сессии общего собрания АН Казахстана с критикой «извращений марксистско-ленинского взгляда на историю» в работах Е. Бекмаханова и других ученых историков.

Почти семь лет Шаяхметов уходил от вмешательства в те сферы, где не считал себя специалистом. К тому же в народе — вопреки официальной точке зрения — через сказания акынов и устное творчество сохранялось уважительное отношение к политику, который наперекор интересам части представителей феодальной элиты пытался сохранить государственность этноса. Свое уважительное отношение к памяти внука хана Аблая руководитель казахстанской партийной организации переносил и на исследователя истории движения Кенесары профессора Бекмаханова. Даже тогда, когда дело дошло до обсуждения в редакции газеты «Правда».

Нам представляется необходимым в этой связи обратить внимание на три обстоятельства, которые очень важны для понимания и оценки всего случившегося.

Во-первых, речь идет о философской размытости новой позиции Сталина по вопросам увязки советского и национального. Ведь восстановив уважение к национальному, власти в лице главы партии и правительства так и не опре-

²⁷⁵ Аккозин М. «Вернуть из забвения». — С. 118.

²⁷⁶ См.: Нурпеисов К. «История одного дела». История Казахстана: белые пятна. С. 46; Казахстанская правда. 19 апреля 1951 г.; Вестник АН КазССР. 1952. № 5. — С. 5–18.

делили, как осуществить его взаимосвязь с советским²⁷⁷. Поэтому невольно историки России обращались к национальным героям прошлого. То же делали историки и писатели Грузии, возвеличивая фигуру Георгия Саакадзе. То же сделал и Ермухан Бекмаханов на примере Кенесары. В этой связи беспредметной, кстати, становится критика Бекмаханова со стороны Шоинбаева, который фактически противопоставил фигуре Кенесары, личности общенационального масштаба, простого батыра казахстанского юга Джанхожи Нурмухамедова.

Во-вторых, свою роль сыграла бурная активность группы молодых казахстанских историков-исследователей, которые путем атаки на национальную память народа, отраженную в работе Бекмаханова, стремились войти в блок с оппонентами национальной памяти казахов из среды исследователей раннего периода истории России или специалистов по истории Франции. Мы имеем в виду советского историка А. Яковлева, члена-корреспондента АН СССР, специалиста по истории России XVI века и историка, академика АН СССР Е. Тарле — блестящего знатока истории Франции XVIII–XIX веков и ряда проблем внешней политики России в XIX веке, человека в высшей степени талантливого.

В-третьих, нужно отметить то, что у трех оппонентов Е. Бекмаханова из Казахстана среди историков России на-

²⁷⁷Это во многом было связано с тем, что здоровье Сталина резко подорвала нагрузка времен войны. Как вспоминал адмирал Головки после его встречи со Сталиным в октябре 1943 г., «Человек в маршальской форме уже не был таким Сталиным, каким он помнился мне с дней... (1940 г.), он выглядел значительно старше, чем должен был выглядеть. Видимо два с половиной года войны взяли у него куда больше, чем положено по календарным срокам жизни». Головки А.Г. «Вместе с флотом». Изд. 3-е. М.: Финансы и статистика. 1984. – С. 175. А слабость здоровья в условиях нового мироустройства и «холодной войны» не дала Сталину возможности заняться осмыслением перемен, дать своё видение происшедшего и поставить новые задачи, в том числе в области национальной политики.

шлось всего два сторонника. И им пришлось доказывать свои трактовки исторического прошлого в опоре не на людей науки, а на таких «стражей чистоты идеологии» как Л. Ильичев и М. Суслов. А наиболее активно в защиту казахского исследователя борьбы народа за независимость выступили крупные русские ученые, исследователи мирового уровня А. Панкратова, Н. Дружинин, М. Вяткин.

Чтобы читатель не обвинил нас в предвзятости и склонности к тому, чтобы подвергать сомнению все советское, сошлемся на ряд основных положений монографии Е. Бекмаханова, данных в заключительной части его столь многострадальной работы.

«Какое же значение имело присоединение Казахстана к России для исторических судеб казахского народа, было ли оно фактом отрицательным или прогрессивным?

С исторической точки зрения, присоединение Казахстана к России было, несомненно, фактом прогрессивным и положительным...

В экономическом отношении прогрессивные последствия присоединения Казахстана к России заключались раньше всего в том, что это присоединение ускорило и усилило процесс феодализации, нанесло смертельный удар патриархально-родовому быту... Разрушение родовой собственности на землю... было, несомненно, явлением прогрессивным...

В социальном отношении прогрессивные последствия... состояли в том, что благодаря этому значительно ускорился процесс классовой дифференциации казахского общества, и обострилась классовая борьба. На историческую арену вышли новые классы и социальные группировки...

В политическом отношении важнейшими прогрессивными последствиями присоединения были: пробуждение политического самосознания казахского народа... Рост национально-освободительного движения, поддержанного революционным движением великого русского народа, вооружил массы ценнейшим опытом политической

борьбы, сыгравшим огромную роль в последующем развитии...

Наконец, в культурном отношении основным прогрессивным последствием было приобщение казахского народа к великой русской культуре, а через неё — к мировой культуре»²⁷⁸.

Фактически выводы почти безукоризненны. Мы оговорились — почти. Небольшой «прокол» допущен при оценке политического значения присоединения. У историка национально-освободительное движение становится основным, а революционная борьба пролетариата логикой изложения делается невольным вспомогательным инструментом. С точки зрения марксизма телега ставилась впереди лошади. Но критиковали его не за это, а за показ масштабов движения, в которое события втянули большинство казахских родов, что обеспечило массовость, длительность борьбы, сводило на нет многие замыслы царской администрации. И это невольно противоречило новой почти благостной оценке исторического прошлого России в политике Сталина. И здесь в ход пускалось такое, что ранее и представить себе было сложно. Самодержавие надо было показать почти прогрессивным, а национальные движения — осудить. Заметим, что среди подписавших статью в «Правде» уже не было М.Б. Ахинжанова, который ранее выступал оппонентом профессора Е. Бекмаханова. Ни тогда, ни потом никто не объяснил автору и общественности республики, что вся «вина» Е. Бекмаханова была в том, что историк оценивал исторический процесс в духе довоенных установок Иосифа Сталина, а тот уже многое рассматривал в ином ключе. Сталин с 1948 г., как мы писали выше, начал мыслить иначе, нежели в 1938 г.

То, что произошло с Е. Бекмахановым, было частью общего поворота И. Сталина в связи с изменением места и роли СССР и Москвы в новом послевоенном мире. А этот поворот осуществлялся в стране и обществе с жесткими

²⁷⁸Бекмаханов Е. «Казахстан в 20–40-е годы XIX века». Изд. 2. Учебник. — Алма-Ата: Казак университеті. — 1992. — С. 370–371.

правилами функционирования, где непонимание замысла лидера государства расценивалось как противостояние если не самим лидером, то с теми, кто внимательно анализировал положение дел и кто пытался нагреть руки на этом.

Мы уже отмечали, что новое положение страны по-новому ставило вопрос о прошлом, и в 1940-е и в начале 1950-х гг. выдавать, как это было в 1920–1930-е гг. всю политику самодержавия за сплошь реакционную, значило потерять национальные корни советского. Далекое не случайно, эти национальные корни теперь просматриваются в выступлениях масс против ханов, биев, баев, в участии казахских трудящихся в освободительной борьбе русского народа, в том числе в восстании Е. Пугачева.

Сущность этого поворота Е. Бекмаханов не знал, и получивший когда-то методологическую подготовку в духе «царизм преступен, царская Россия — тюрьма пародов», он, естественно, отразил эту линию в исследовании движения Кенесары Касымова. Но в 1950-е годы она оказалась несвоевременной. Причем в разряд несвоевременных, а стало быть политически вредных, попало большое число работ таких авторов, как С. Бегалин, А. Тажибаев, М. Ритман-Фетисов (о Джамбуле); А. Рязанов (о восстании Исатая Тайманова и борьбе казахов за независимость на рубеже XVIII–XIX веков). Сюда же были отнесены работы, касавшиеся истории Жилиевского восстания и событий 1919 г. Политико-идеологическое руководство изымало то, что оно не понимало²⁷⁹.

Сам по себе факт репрессий — горькая страница в истории того времени. Но, как показывают данные архивов, рассказы самих жертв произвола, не все было так просто. Арестам в ту пору в основном подверглись те, кто не сумел защититься от несправедливых наветов, кто соглашался (конечно, под давлением, как психологическим, так нередко и физическим) с «доводами» следствия. Как это ни странно, но на целый год раньше Е. Бекмаханова по другому делу (о чем пока исследователи полной картины происшедшего

²⁷⁹ АП РК. Ф. 708. Оп. 15. Д. 139. Л. 101–102. Д. 176. Л. 22–23.

не воссоздали) был осужден один из его яростных критиков, специально приехавший в Москву в редакцию газеты «Правда» на обсуждение статьи Х. Айдаровой и её коллег, специалист по аграрным проблемам начала XX века и истории революции 1905–1907 гг., тогда кандидат исторических наук Б. Сулейменов. Не получили каких-либо дивидендов и другие критики профессора Бекмаханова. По свидетельствам большого числа сотрудников Института истории партии, та же Айдарова весь 1952 г. ждала своего ареста, опасаясь, что Бекмаханов даст на неё показания.

Чтобы получить представление о том, как воспринимались современниками драматические события, связанные с нашумевшим «делом Бекмаханова», считаем уместным привести пространную выдержку из воспоминаний академика Ш. Чокина:

«В начале 1950-х годов в республике создалась тяжелейшая политическая и морально-психологическая обстановка в связи с оценкой движения Кенесары Касымова в начале XIX столетия как националистического и антирусского. Это движение ультра-марксистами и ультра-интернационалистами рассматривалось не как против имперской и завоевательной колониальной политики русского царя, как это было на самом деле, а как против всего русского народа. Поэтому всех, кто толковал движение Кенесары в первом плане, считали яркими националистами и противниками интернациональной политики Коммунистической партии. Яростной и беспощадной критике подверглись многие видные ученые-обществоведы, особенно выдающийся ученый Ермухан Бекмаханов. Некоторых из них судили и посадили в тюрьму, в частности Е. Бекмаханова, Е. Исмаилова, Х. Жумалиева, К. Мухаметжанова.

Ряд выдающихся деятелей науки подверглись гонениям и репрессиям. Так, Ахмет Жубанов — известный композитор, основатель научного исследования в области музыкального искусства, Михаил Петрович Русаков — крупнейший ученый, один из основателей

геологической науки, первооткрыватель Коунрадского месторождения (рудной базы Балхашского завода), Хажим Жумалиев — один из крупных ученых по литературоведению — были исключены из состава членов академии. Академик Смет Кенесбаев остался без работы, вынужден был уехать в Кзыл-Орду преподавать в пединституте.

Всего за период 1948–1952 годов из академии были уволены более 200 крупных ученых как политически ненадежных и приближенных к К.И. Сатпаеву. В результате сильно пострадала наука по ряду важнейших ее направлений.

Секретари ЦК Компартии Казахстана Ж. Шаяхметов и И. Омаров растерялись, потеряли бразды правления и не могли контролировать ситуацию в республике на идеолого-политическом фронте. Шарлатаны и темные дельцы в политике наживали дешевые капиталы, устраивали карьеру, создавали неудержимую шумиху и тяжелую обстановку в общественной жизни. В результате почти что повторились события 1936–1938 годов, когда сознательно физически были уничтожены почти все яркие личности в среде интеллигенции Казахстана: М. Жумабаев, С. Сейфуллин, Ж. Аймаутов, А. Байтурсьнов, А. Букейханов, Б. Майлин, И. Жансугуров, Т. Рыскулов, С. Ходжанов, Т. Жургунов, С. Донентаев и многие другие. Они были великими сыновьями казахской нации, ее паспортом, в котором она прописалась в обществе мировой цивилизации, гордостью нашего народа.

Такая тревожная обстановка создавала, естественно, нервозность, неуверенность в работе и завтрашнем дне в среде работников науки, что существенно мешало развитию академии и научного творчества. Так, например, за 1946–52 годы был создан только один новый институт (экономики), зато один был упразднен — очень важный для Казахстана — институт пустынь.

В 1951 году острой критике, несправедливым обвинениям и, наконец, репрессии подвергся и Каныш Иман-

таевич Сатпаев. Его обвинили в сокрытии социального происхождения при вступлении в партию, неосуждении своих ошибок по поводу выпуска им в 1927 году под своей редакцией и предисловием сказания о Едыге, засорении кадров академии чуждыми элементами, опеке националистов, в сокрытии того, что в 1917 году он был агитатором националистической партии «Алаш-орда».

Отрицание Сатпаевым всех этих обвинений даже с соответствующими документами, не помогло, преследования его продолжились. В конце концов Бюро ЦК Компартии Казахстана своим решением от 23 ноября 1951 года сняло его с поста президента академии наук Казахстана, не предложив никакой работы в республике. В тот же день он тайком уехал в Москву, очевидно, пытаясь скрыться от изоляции.

Чуть позже переезда состоялась моя встреча в Москве с Каньшем Имантаевичем. Учитель тяжело переживал травлю. Он не понимал, за что так ополчилось на него руководство, печать. С горечью и жгучей обидой он вспоминал, как ему не давали закончить выступление и с грубыми нападками и грубыми окриками снимали с трибуны пленума Алма-Атинского обкома партии и собрания городского партийного актива, и на Бюро ЦК партии Казахстана, а также как перестали с ним разговаривать даже вчерашние близкие товарищи. Никогда до и после этого не видел академика столь потерянным, не уверенным в себе. И в разговоре со мной, казалось, он ищет опору, на которую, если не опереться, то хоть с ее помощью вернуть остатки уверенности в себе можно было бы. Изгнанник сообщил, что в АН СССР ему предложили на выбор две должности – заместителя академика-секретаря и председателя Уральского филиала АН СССР. Должности в общем-то почетные, но я подбивал отказаться от обоих предложений. Сатпаев — всеобщий любимец народа. И никакой клевете не замарать его. А согласись он занять один из этих постов, рисковал потерять авторитет и уважение в народе. То есть то единственное, чем по-

настоящему дорожил в этой жизни академик. Я посоветовал ему поехать в Джекказган. Там он начинал, там знают и ценят его. Поработайте, продолжал я, а время рассудит и вернет вас науке Казахстана. Сатпаев обрадовался моим словам. Разговор происходил в номере гостиницы «Москва». Его супруга Таисия Алексеевна лежала в смежной комнате люкса с приступом мигрени. Каныш Имантаевич поднял супругу: «Есть у нас что-нибудь выпить? Хорошее предложение надо обмыть». Жена академика тоже повеселела: «А что, давай поедem в Джекказган».

Так вот аукнулась для Сатпаева и Ауэзова кампания вокруг Кенесары и Шамиля. Разом были отодвинуты их заслуги перед народом. Конечно, будь пониже их социальный статус, им бы не поздоровилось. Ведь историк Бекмаханов, в отличие от них, пострадал куда как серьезнее: он угодил в тюрьму»²⁸⁰.

Большой интерес для нас представляет то, как виделись события тех лет такому опытному политическому деятелю, как Д.А. Кунаев:

«В декабре 1951 года меня вызвал Шаяхметов. Разговор начался с зимовки скота, о мерах, какие надлежит принять по ее организованному проведению, а потом неожиданно он перевел разговор на идеологические темы.

— Как вам известно, — сказал Шаяхметов, — за последние годы мы освободили двух секретарей ЦК за допущенные крупные политические ошибки в освещении истории Казахстана.

Я знал, что «История Казахской ССР» выходила под общей редакцией секретарей ЦК, занимающихся вопросами идеологии. Еще 26 декабря 1950 года «Правда» опубликовала статью «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана», где отмечались серьезные ошибки в исторической науке, в частности, в оценке движения Кенесары Касымова.

²⁸⁰ Ашимбаев Д. Хлюпин В. ... – С.460–461; Чокин Ш. «Четыре времени жизни. Воспоминания и размышления». – Алматы: Білім. 1998. – С. 119–121.

Далее Шаяхметов сказал:

— На восьмом пленуме ЦК мы рассмотрели такой вопрос «О состоянии и мерах улучшения идеологической работы в партийных организациях республики». Сдвигов мало. Особенно в Академии наук. Более того, президиум Академии и ее президент Сатпаев по существу не приняли мер к исправлению ошибок, на критические выступления общественности, как говорится, ноль внимания. В академии выявлена вопиющая бесхозяйственность, процветают феодально-байские отношения, подбор кадров идет по принципу землячества, допущено незаконное расходование в больших размерах государственных средств. При попустительстве Президиума Академии серьезные нарушения были допущены помощником президента Оспановым и управляющим делами Садыковым. Они привлечены к судебной ответственности. Ко всему этому, Сатпаев в свое время являлся пропагандистом Алашордынского правительства. Учитывая все эти крупные недостатки в деятельности Сатпаева, Бюро решило освободить его от занимаемой должности.

Это сообщение было для меня как снег на голову. Сатпаева я знал как крупного геолога, относился с большим уважением. И тут вдруг: освободить.

После небольшой паузы Шаяхметов объявил, что, посоветовавшись на Бюро ЦК, меня рекомендуют президентом Академии наук Республики.

— Как вы к этому относитесь? – спросил он.

Я ответил:

— Спасибо за доверие, но я отказываюсь.

На том и разошлись.

Через два месяца меня снова вызвали в ЦК к Шаяхметову. Он опять предложил мне возглавить Академию. В это время зашел второй секретарь ЦК, он полностью принял линию Шаяхметова, и после длительного разговора я согласился. Дней через двадцать я поехал в Москву. В отделе науки ЦК ВКП(б) Ю.А. Жданов (сын А.А. Жданова) долго разговаривал со мной, давал советы, крити-

ковал Сатпаева, предостерегал от ошибок, словом, собеседование прошло успешно.

16–17 апреля 1952 года состоялась сессия большого собрания Академии наук республики. Первый день работы сессии был посвящен рассмотрению вопросов о лишении званий действительных членов Академии М.П. Русакова и А.К. Жубанова и звания члена-корреспондента К. Д. Жумалиева.

Русаков... внес огромный вклад в развитие геологической науки Казахстана. Его вывели из академиков с формулировкой: “за деятельность, направленную во вред Союзу ССР”. Обвинить во вредительстве в 1952 году... Это почти приговор.

Жубанова и Джумалиева — крупных ученых в своих областях — исключить за “потерю связи с АН Казахской ССР”.

Я считал и считаю, что это были абсолютно несправедливые и необъективные решения, которые проводились по указанию руководства ЦК и под контролем секретаря ЦК по идеологии М. Сужикова. В те дни я не был академиком и не мог плыть против течения, но я знал, что со временем мы отменим это несправедливое решение. Так оно и вышло. Не без труда, но мне удалось исправить допущенные ошибки и восстановить этих замечательных ученых в прежних правах.

Вообще надо отметить, что в послевоенный период не прекращались необоснованные репрессии против видных деятелей культуры и науки Казахстана. Были арестованы и осуждены на длительные сроки — историки Ермухан Бекмаханов, Бегежан Сулейменов. Также арестовали ученых-филологов Есмагамбета Исмаилова и Каюма Мухамеджанова, последнего “за националистические ошибки” в вопросах изучения литературного наследия Абая.

Жесткая политика репрессий сопровождалась широкой газетной кампанией огульного шельмования, клеветы, обвинений в национализме, идеализации феодального прошлого в вопросах изучения дореволюционной

истории Казахстана, фольклора, истории казахской литературы.

Учитывая положительные качества Шаяхметова, нужно отметить, что он допустил крупные ошибки по отношению к лучшим представителям национальной интеллигенции. Эти ошибки особенно усугубились и приобрели тяжкий характер в 1951–1954 гг., когда секретарем ЦК по идеологии работал Мухаметкали Сужиков. Чего стоили, например, погромные постановления ЦК Компартии Казахстана о так называемой антинародной сущности лучших образцов эпоса, связанных с ними научных трудов многих ученых, историков, филологов и целых научных коллективов. Разгрому подвергались лучшие произведения художественной литературы. Такие, например, как роман Ауэзова об Абае в редакционной статье «Казахстанской правды» в июне 1953 года. Одновременно наряду с тяжелыми обвинениями в печати, на собраниях общественности последовали и аресты известных деятелей, перечисленных выше. Обстановка была настолько нетерпимой, что Ауэзов, Жубанов и другие покинули республику²⁸¹.

1952 г. был по-своему особенным в жизни советского общества. По заведенной с 1920-х гг. традиции средства массовой информации сделали акцент на подготовку к XIX съезду, первому съезду партии, который проводился после 13-летнего перерыва. Он проходил 5–16 октября 1952 г.²⁸². Это был последний съезд И. Сталина.

Д. А. Кунаев, входивший в состав делегации ЦК КПК, так вспоминал этот важнейший форум:

«XIX съезд открылся 5 октября 1952 года. О его работе в свое время сообщалось предостаточно. Как известно, съезд открыл Молотов, с докладом по директивам пятилетнего плана на 1951–1955 годы выступил Маленков, с до-

²⁸¹ Ашимбаев Д. Хлюпин В. ... – С. 462; Кунаев Д.А. «От Сталина до Горбачева (В аспекте истории Казахстана)». – Алматы: Санат, 1994. – С. 79–81.

²⁸² Ашимбаев Д. Хлюпин В. ... – С. 464.

кладом о новом Уставе — Хрущев (съезд изменил ее название — ВКП(б) стала именоваться КПСС), а итоги съезда подвел Ворошилов. Сталин присутствовал на съезде раза два-три. Конечно, мы во все глаза смотрели на вождя народов и поражались несоответствию облика генералиссимуса на портретах и в жизни. Мы видели усталого, судя по всему, больного человека.

Оживление среди казахстанцев вызвала сцена, когда Сталин подсел в президиум к Шаяхметову и о чем-то стал разговаривать с ним. Во время перерыва мы подошли к Шаяхметову и спросили его — о чем шла речь. Оказывается, Сталин интересовался развитием животноводства в республике, рекомендовал создавать оазисы в пустынных и полупустынных зонах Казахстана, используя подземные воды, а для решения кормовой проблемы советовал сеять суданку. Лишь перед закрытием съезда, мы делегаты, услышали голос Сталина. Говорил он об “ударных бригадах”. В последний раз...

После возвращения со съезда, мы, засучив рукава, с новыми силами взялись за работу²⁸³.

В ходе этого разговора И. Сталин назначил Жумабаю Шаяхметову встречу на 21 октября 1952 г. В журнале записи лиц, принятых советским лидером в тот день, записано, что в 22.15 к нему зашли: Г.М. Маленков, И.А. Бенедиктов, министр сельского хозяйства СССР, А.И. Козлов, заведующий сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б), бывший министр животноводства СССР, Ж. Шаяхметов, Е.Б. Тайбеков, председатель правительства Казахской ССР. Разговор продолжался до 23.35 ночи²⁸⁴. Речь шла о создании в Казахстане животноводческой базы всесоюзного значения, о возвращении казахов к своему исконному занятию – животноводству. Однако этой программе не суждено было осуществиться.

²⁸³ Кунаев Д.А. «От Сталина до Горбачева (В аспекте истории Казахстана)». – Алматы: Санат. 1994. – С. 84.

²⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 418. Л. 85. Кабульдинов З., Шаяхметов Р. «Жумабай Шаяхметов. Первый национальный секретарь Казахстана». Вестник архивной службы. – Алматы: Хабаршысы. 2019. № 2. – С. 15.

ГЛАВА 5

ХРУЩЕВСКИЕ РЕФОРМЫ И КАЗАХСТАН

5 марта 1953 г. скончался И. Сталин, с уходом которого закончилась целая эпоха.

К власти пришел Н. С. Хрущев²⁸⁵. В жизни СССР в целом и Казахстана в частности начинался новый этап.

²⁸⁵Естественно, и тогда, и позже люди задавали вопрос: как случилось, что к власти пришел именно он и что он собой в действительности представлял? Коротко напомним его биографию (1894–1971 гг.). Сын крестьянина из с. Калиновка Курской губернии. Батрачил, потом работал на шахтах Донбасса. Участник гражданской войны. Коммунист с 1918 г. После 9 лет партийно-советской работы в 1929 г. послан на учебу в Промышленную академию в Москву. Там его избрали парторгом курса, где училась жена Сталина — Н. Аллилуева. По мнению самого Хрущева, это предопределило отношение к нему Сталина и стало «лотерейным билетом». Со второго курса (январь 1931 г.) после выполнения поручений бывшего помощника Сталина Л. Мехлиса и секретаря ЦК Л. Кагановича Хрущев уходит на партийную работу, и к 1935 г. становится 1-м секретарем Московского областного и городского к-та партии. В январе 1938 г. он становится 1-м секретарем ЦК КП Украины, а в марте 1939 г. членом Политбюро ЦК ВКП(б). И ещё два штриха. Сын сапожника Сталин свое образование и воспитание получил в общении с рабочими и ему импонировали люди типа Хрущева, менее образованные и культурные, чем такие интеллигенты, как Троцкий, Каменев, Бухарин (хотя Сталин уважал суперинтеллигента Р. Менжинского). Отсюда его борьба со старой партийной гвардией, ставка на кадры ленинского призыва в партию из рабочих и крестьян, что создавало его личную социальную базу. Штрих второй — особенность природы Хрущева, которую такой психолог, как Сталин, не мог разгадать. А это была очень скрытная натура. И свои качества сталинского приближенного, варившегося в котле непрерывной борьбы за власть, постоянных тактических соглашений, использования маски надежного партнера он применял блестяще. Он сумел обыграть всех: Молотова, Маленкова, Берия, в первые же дни после смерти И.В. Сталина. Он ушел на работу в секретариат ЦК, провел назначение в замы Л. Берии сразу четырех своих людей (Серова, Рясного, Савченко, Епишева), в то время как Маленков всего одного (Круглова). А вступив в тайное соглашение с Маленковым, Хрущев, по сути, сделал свои позиции самыми сильными, ибо в его руках был аппарат партии, фактически аппарат МВД, хотя формально им руководил Л. Берия. Эти детали раскрывает в своей книге П. Судоплатов. (См. Спецоперации. Лубянка и Кремль. — С. 535–544).

При всем при этом запущенный ранее карательный маховик еще продолжал крутиться.

6 марта того года был арестован профессор К. Джумалиев, которого Верховный суд КазССР 26 мая 1953 г. приговорил к 25 годам исправительно-трудовых лагерей по ст. 58–10 УК РСФСР. 16 февраля 1956 г. он был реабилитирован)²⁸⁶.

Под угрозой ареста в это же время оказывается М. Ауэзов. Академик Ш. Чокин так описывает соответствующие события:

«Против великого казахского писателя М. Ауэзова формирование негативного общественного мнения в различных видах, как ни странно, началось более масштабно и организовано в стенах Академии наук в конце 1952 года. В апреле 1953 года в журнале “Вестник Академии наук КазССР” (1953, №4) была опубликована большая статья С.Н. Нурушева под названием “До конца искоренить буржуазно-националистические извращения в изучении творчества Абая”, заказанная редакцией “Вестника”. Главным редактором этого номера журнала был президент Академии Д.А. Кунаев. Автор статьи обвинял Ауэзова в извращении националистической политики партии, марксистской оценки влияния русской литературы на произведения Абая и его школы, изучения истории казахской литературы и т.п. С.Н. Нурушев, в частности, писал, что “Ауэзов не только повинен в серьезных ошибках и извращениях, но и в том, что являлся их пропагандистом. Он постоянно пытался организовать вокруг себя именно неустойчивых, политически близоруких людей”.

В этом номере журнала была опубликована еще одна заказная статья, обвиняющая М.О. Ауэзова, по существу, в контрреволюционной деятельности. Я хорошо помню, как понудили автора этой публикации пойти против его воли и как долго он сильно переживал за это.

²⁸⁶ Ашимбаев Д., Хлюпин В. «Казахстан: история власти. Опыт реконструкции». – Алматы: Credos, 2008. – С. 467.

В июле 1953 года уже было вынесено определение суда о привлечении М.О. Ауэзова к судебной ответственности. Об этом ему сообщил в тот же день поздно вечером один из его близких друзей, когда Ауэзов был на прогулке. Мухтар Омарханович, как он затем рассказывал мне, растерялся и прямо в прогулочном костюме поехал в аэропорт, совершенно случайно достал билет и тайком полетел в Москву»²⁸⁷.

Вместе с тем с приходом к власти Н. Хрущева начинается пора политической реабилитации и пересмотра дел 1947–1952 гг. Нам бы хотелось отметить, что началась она, как ни странно это сегодня может звучать, с назначения Л. Берия на пост руководителя объединенного органа общественной и государственной безопасности — МВД СССР, что ознаменовалось вскоре же пересмотром дел врачей, осужденных в 1952 г. и начале 1953 г.²⁸⁸.

Известно, что в июле 1953 г. Л. Берия был снят со всех своих постов, обвинен в шпионаже и после закрытого процесса расстрелян. Но до сих пор материалы этого процесса не опубликованы²⁸⁹. Уход из кабинетов власти одного из сталинских подручных положил начало крушению сталинизма как политики и практики, в том числе и в вопросах трактовки национального и интернационального, общесоветского и национального²⁹⁰.

²⁸⁷Чокин Ш. «Четыре времени жизни. Воспоминания и размышления». — Алматы: Білім, 1998. — С. 348–349.

²⁸⁸Верт Н. «История советского государства». 1900–1991. — М., 1991. — С. 334–336; Опенкин Л. А. «Оттепель: как это было». — М., 1991. — С. 36, 52–54.

²⁸⁹Хрущев Н.С. Материалы к биографии. — М. 1989. — С. 12–15; Опенкин Л.А. «Оттепель: как это было». — С. 49.

²⁹⁰АП РК. Ф.708. Оп. 26. Д. 45. Л. 9, 63–64. Д. 74. Л. 51–53. Д. 81. Л. 63–67. Д. 94. Л. 268–269. Д. 118. Л. 23–30. Д. 217. Л. 3–6. Д. 1857. Л. 4–115; ЦГА РК. Ф. 929. Оп. 6. Д. 196. Л. 1–35. Ф. 1109. Оп. 3. Д. 296. Л. 53–55. Ф. 1137. Оп. 1п. Д. 137. Л. 215–218. Ф. 1489. Оп. 7. Д. 65. Л. 113–115, 291–296. Д. 67. Л. 79–91. Д. 70. Л. 43–49. Д. 91. Л. 3–6, 94–101, 131–132, 160–163. Ф. 1806. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–2, 11–13; Казахстанская правда. 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18 марта 1953 г.; Социалисттік Қазақстан. 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20 марта 1953 г.

В целом нужно отметить, что во второй половине 1950-х гг. в общественно-политической жизни Казахстана, равно как и всего СССР, произошли существенные изменения. Приход на пост первого руководителя партии Н. Хрущева ознаменовался крутыми поворотами во внутренней и внешней политике. Начался демонтаж ряда основополагающих идейных и политических установок сталинской эпохи.

Во-первых, практически был прекращен поиск внутреннего врага в стране. Это означало, что в прошлое уходит эпоха подозрительности, недоверия, всемогущества карательных органов.

Во-вторых, был подвергнут критике И. Сталин, чья деятельность, с подачи Н. Хрущева, была оценена как утверждение культа личности.

В-третьих, развенчание культа личности И. Сталина сопровождалось довольно широкой, хотя и неполной, политической амнистией. Были реабилитированы политические заключенные, жертвы сталинского беззакония, за исключением тех, на ком лежал ярлык троцкиста, бухаринца и отчасти национал-уклониста. Однако даже такая акция имела колоссальное значение. Практически возвращались в историю имена сотен тысяч тех, кто душой болел за интересы народа, кто отдал за это дело свою жизнь, хотя некоторые и не до конца понимали сущность идеалов социализма и коммунизма. Но они были представителями народа, и их возвращение в историческую память означало восстановление прерванной связи поколений, позволяло найти истоки национального, патриотического.

Смерть И. Сталина и переход политической власти в руки Н. Хрущева сопровождалась, как это часто бывает при смене политических лидеров, крупными реформами в жизни страны. Послевоенная эпоха конца 1940-х — начала 1950-х гг. потребовала для целей восстановления и дальнейшего развития перераспределения рабочей силы в пользу города, хотя село само нуждалось в существенной помощи и уже не могло обеспечить продовольственное снабжение города так,

как это намечалось в официальных установках пятого пятилетнего плана.

С особой остротой встал вопрос о снабжении страны хлебом, молоком, мясом. Историки, экономисты, политологи установили, что Н. Хрущев и его окружение выбрали соответствующий их уровню мышления способ решения существующих задач: массовое освоение целинных и залежных земель. Основной массив таких земель предполагалось освоить в Казахстане. Отсюда значимость республики в решении общесоюзной хозяйственно-политической проблемы.

Освоение целины, по замыслу Н. Хрущева, как нам представляется, должно было решить ряд взаимосвязанных задач. Во-первых, создать зону получения большой товарной массы зерна, что снимало с повестки дня проблему снабжения. Во-вторых, обеспечивало государство излишками зерна, позволяло выйти с ними на международные рынки. Соответственно, СССР мог стать конкурентом США, Канады, Австралии, Аргентины и благодетелем таких стран, как Индия, Китай, африканские государства.

Возвращаясь к тому, что происходило в том памятном 1953 г., нужно отметить, что известие о смерти Сталина и стремительные перемены в советском руководстве привели к тем поворотным решениям, которые кардинально изменили судьбу Жумабая Шаяхметова. Н.С. Хрущев, овладев после ареста Л. Берии нужными рычагами власти, в своем выступлении на сентябрьском пленуме ЦК КПСС 1953 г. подверг острой критике все руководство казахской республики за положение дел в сельском хозяйстве. Главная претензия «агронома с донбасской шахты»²⁹¹, как шутили скептики, была в том, что Казахстан имеет огромный массив целины и не использует её для развития зернового хозяйства, хотя страна отчаянно нуждается в хлебе. Да, кормового зерна производилось немного, и это серьезно сдерживало развитие отгонного животноводства, где такое зерно выступало основной пищей животных.

²⁹¹Это был намек на то, что Н.С. Хрущев до революции работал электрослесарем на шахте и в сельском хозяйстве не разбирался.

Н.С. Хрущев там же на пленуме дал поручение Бюро ЦК КП Казахстана подготовить обоснование расширения посевных площадей в республике с целью массивованного наращивания производства зерна и развития животноводства. Требования нового «хозяина Кремля» были доведены до сведения партийного актива северных и центральных областей Казахстана²⁹².

Как показывают исследования историков, в своих мнениях Хрущев базировался на материалах готовившихся еще в эпоху Витте – Столыпина чинами царского министерства земледелия, где многие факторы, в том числе пылевая эрозия, не учитывались, где ставка делалась на простое расширение площадей посевов в новых крестьянских хозяйствах, в том числе на территории Казахстана²⁹³.

С предлагаемыми Москвой темпами, масштабами и способами освоения целины в Казахстане Жумабай Шаяхметов согласиться не мог. В ходе личной встречи он сказал Хрущеву, что республика потеряет свои земли, которые и так находятся в зоне рискованного земледелия, что плодородный слой — гумус — составляет всего несколько сантиметров, он и держит почву, которая просто развеется при распашке, что степь уязвима, что упор надо сделать на животноводстве,

²⁹²См.: Казахстанская правда, 7,8,10 октября, 29 ноября, 4 декабря 1953 г.

²⁹³Литературы по целинной эпопее очень много. Мы считаем необходимым ограничиться указанием на ряд наиболее важных изданий разных лет. Баишев С.Б. «Целинная эпопея Казахстана». – Алма-Ата. 1979; Валовой Д.В. «Экономика абсурдов и парадоксов». – М. 1991; Голикова З.А., Какимжанов А. «Коммунистическая партия в борьбе за освоение целинных земель в Казахстане». – Алма-Ата. 1979; Зайцева Л. «Аграрная реформа Столыпина в документах и публикациях конца XIX, начала XX веков». Ин-т экономики РАН, – М. 1992; Кудров В. «Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления». Ин-т истории РАН, – М. 1997; Куликов В. «Исторический опыт освоения целинных земель». – М., 1978; Сактаганова З.Г. «История осуществления советского опыта экономической модернизации в Казахстане. 1946–1970». Караганда, 2005; Экономика АПК целинных районов Казахстана. – Алма-Ата, 1987; Сидорова В.В. «Целина – судьба моя». – Алматы, 2016. – 342 с.

для чего казахская земля исторически и предназначена, ведь именно об этом и шла речь на его встрече в Кремле с И. Сталиным вскоре после окончания работы XIX съезда партии.

Но Хрущева эти доводы абсолютно не устраивали. Наслышанный о необъятных просторах Казахстана и очень небольших площадях, находившихся там в сельскохозяйственной обработке, Хрущев начал знакомиться с проблемой. Как показали дальнейшие события, он расспрашивал не только руководство ЦК Компартии Казахстана, но и руководителей обкомов будущего Целинного края, часто напрямую к ним апеллируя, что подтверждается Н.И. Журиным, возглавлявшим тогда Акмолинский обком партии:

«Вспоминается сентябрь 1953 года. В Москве состоялся Пленум Центрального комитета КПСС. Как первый секретарь Акмолинского (ныне Целиноградского) обкома партии, я участвовал в его работе. Пленум рассмотрел вопрос “О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР”. На пленуме острой критике были подвергнуты крупные недостатки в руководстве сельским хозяйством, допущенные ЦК КП Казахстана и Советом Министров Казахской ССР. Потом нас пригласили на совещание в ЦК КПСС, где состоялся подробный разбор положения дел в сельском хозяйстве Казахстана. Разговор был очень острый и резкий. Отмечалось, что руководителям республики не хватает инициативы, смелости в постановке вопросов развития сельского хозяйства, что они довольствуются достигнутым и не хотят использовать имеющиеся возможности.

Центральный Комитет КПСС поручил обкомам партии выработать предложения по увеличению производства зерна и других продуктов сельского хозяйства и представить их непосредственно в ЦК КПСС. Это мотивировалось тем, что ЦК КПСС хотел знать предложения областей. Если же они будут представляться через республиканские органы и обобщаться ими, то от мнения областей может ничего не остаться. Центральному Коми-

тету КП Казахстана и Совету Министров Казахской ССР было поручено, получив копии предложений областей, выработать свои предложения. Эту работу предлагалось выполнить к 7 ноября 1953 года.

Но руководители республик не стали дожидаться предложений областей и поторопились навязать им свое мнение. Вскоре областные управления сельского хозяйства получили контрольные цифры дальнейшего развития сельского хозяйства каждой области. Таким образом, вопреки указаниям ЦК КПСС, инициатива областей по разработке предложений была скована с самого начала, им отводилась роль исполнителей рекомендаций республиканских органов.

Ко всему этому надо добавить, что Бюро ЦК КП Казахстана и Совета Министров Казахской ССР наметили крайне заниженный план развития сельского хозяйства республики. Достаточно сказать, что расширение посевных площадей в целом по республике в течение четырех лет (1954–1957 гг.) предусматривалось всего лишь на 2,5 миллиона гектаров, а посевов пшеницы в 1955 году — только на 544 тысячи гектаров.

К назначенному сроку Акмолинский обком партии и облисполком представили свои предложения Центральному комитету КПСС и Совету Министров СССР, а также ЦК КП Казахстана и Совету Министров Казахской ССР. В них предусматривалось довести посевные площади в области до 2 450 тысяч гектаров, или увеличить их по сравнению с 1953 годом в 2,2 раза. Валовый сбор зерна за счет расширения посевных площадей и повышения урожайности зерновых намечалось довести до 174,6 миллиона пудов, а его заготовки — до 121,3 миллиона пудов. Для выполнения такого большого объема работ мы просили переселить в область 65 тысяч человек и дополнительно завести в МТС 9400 тракторов и около 5 тысяч комбайнов. Вопрос об организации новых совхозов тогда

еще не ставился. Были разработаны меры по улучшению руководства сельским хозяйством, партийно-политической работы на селе, укреплению руководящих кадров колхозов специалистами сельского хозяйства. Вносилось предложение организовать при обкоме партии постоянно действующие месячные курсы по подготовке секретарей первичных партийных организаций.

ЦК КП Казахстана и Совет Министров Казахской ССР не поддержали предложение области. Более того, кое-кто, испугавшись намеченных нами планов, безответственно заявлял, что руководители Акмолинской области занимаются прожектерством. Разработанный нами план подъема целины высмеивался как фантастический, надуманный. Мотивы таких оценок вскоре выяснились. Как стало известно, среди руководителей республики велись разговоры, что освоение большого количества новых земель в короткие сроки — дело нереальное. Надо, мол, вначале построить дороги, элеваторы и т.д., а затем уже думать об освоении новых земель в больших размерах. Такие рассуждения были неправильны и совершенно неприемлемы. Кто так ставил вопрос, тот не понимал, что хлеб с целинных земель нужен немедленно. Обстановка в начале 1950-х годов была сложной, положение с хлебом вызывало серьезную тревогу. В 1953 году было израсходовано хлеба больше, чем заготовлено, стране пришлось частично использовать государственные резервы. Задержка освоения новых земель привела бы к дальнейшим затруднениям с хлебом. Партия не могла этого допустить. Вместе с тем надо подчеркнуть, что одновременно с подъемом целинных и залежных земель в республике широким фронтом велось строительство дорог, элеваторов и т.д.»²⁹⁴

²⁹⁴ Ашимбаев Д., Хлюпин В. ... — С. 469; Журин Н.И. «Трудные и счастливые годы: Записки партработника». — М.: Политиздат, 1982. — С. 171–173.

В воспоминаниях Д.А.Кунаева об этом периоде сказано так:

«В сентябре 1953 года я прочел доклад Хрущева на пленуме ЦК, где он подверг резкой критике руководителей республики за допущенные недоработки в сельскохозяйственном производстве.

Когда я вернулся в Алма-Ату, то был приглашен на совещание руководителей научно-исследовательских учреждений, ученых, занимающихся сельскохозяйственным производством.

Шаяхметов рассказал о работе пленума и совещании, состоявшемся после пленума в ЦК КПСС. Он особо подчеркнул, что республику критиковали за самоуспокоенность и самодовольство: плохое использование резервов, беспринципность. Республика годами не выносила свои предложения о развитии сельскохозяйственного производства. На совещании ученым предлагалось дать свои предложения, как увеличить производство зерна, других продуктов полеводства и животноводства²⁹⁵.

Жумабай Шаяхметов имел в виду VI пленум ЦК КПК, который работал 5–6 октября 1953 г. На нем было принято постановление, где пленум ЦК Компартии Казахстана признал целиком и полностью правильную критику в адрес ЦК и Совета Министров республики, данную в постановлении пленума ЦК КПСС и в докладе Хрущева. Пленум признал, что в работе ЦК КП Казахстана и Совета Министров Казахской ССР по руководству сельским хозяйством республики имелись крупные недостатки, которые заключались, прежде всего, в поверхностном руководстве сельским хозяйством, и что Бюро ЦК и Совет Министров плохо анализировали состояние дел в сельском хозяйстве и особенно в животноводстве. Они не принимали своевременных и действенных мер к ликвидации имевшихся существенных недостатков, а также плохо решали перспективные вопросы развития сельского хозяйства республики в свете решений XIX съезда

²⁹⁵Кунаев Д.А. «От Сталина до Горбачева». – А., 1994.

КПСС. Бюро ЦК своевременно не давало должного отпора иждивенческим настроениям, прочно сложившимся в ряде партийных организаций и выразавшимся в том, чтобы побольше взять у государства и поменьше дать ему²⁹⁶.

Уже после своего отстранения от должности в 1964 г., находясь на пенсии, в мемуарах Хрущев подробно говорил о том, как принимались решения по площади земель, подлежащих распашке на первом этапе. Складывается впечатление, что он, зная к тому времени, что опасения Жумабая Шаяхметова оказались не напрасными, часть вины за понесенные потери, пытался переложить на проявивших инициативу секретарей соответствующих обкомов. Вот как описывает он ту ситуацию:

«После пленума я принимал секретарей местных партийных комитетов. Поговорил и с казахами, с секретарями обкомов. От них я узнал, что в республике имеются большие резервы по распашке земель. В некоторые удачные в климатическом отношении годы они получали по двадцать, а то и по тридцать центнеров пшеницы с гектара. И таких земель у них было очень много. Конкретно они назвать не могли, потому что эти земли не обмеряны. Тогда я поговорил с секретарем Центрального комитета Компартии Казахстана Шаяхметовым. В ЦК он пришел из органов внутренних дел. Сам казах, он, безусловно, знал свой родной край. Я допытывался: какое количество земель находится в распашке? Какие площади пригодны под распашку, но не распахиваются? Какие там снимают урожаи? Каковы перспективные возможности земель, которые могут быть распаханы? Из беседы с ним я понял, что он со мной говорил неискренне, занижал возможности и доказывал, что земель, пригодных к распашке, там очень мало или даже совсем нет: все уже распахано, перспективы отсутствуют. Какие-то площади распахать можно, но не столько, сколько стране нужно. Не помню, на какой цифре он остановился: что-то в пределах трех мил-

²⁹⁶ Ашимбаев Д., Хлюпин В. ... – С. 470.

лионов гектаров. Конечно, это тоже большая площадь, но не та, которая нам требовалась. Однако я и ей был рад. Если ее засеять пшеницей и получить по пять центнеров с гектара, а это полтора десятка миллионов центнеров товарного хлеба. Если даже один миллион тонн соберем, это составит примерно шестьдесят миллионов пудов. По тем временам довольно ощутимая прибавка в закрома. Конечно, без учета прокорма людей, занятых возделыванием новых полей.

Я больше полагался на мнения секретарей обкомов и критически отнесся к его мнению. Не потому, что знал, что Шаяхметов по существу не прав (выделено нами). Нам позарез требовалось расширить пахотные земли, и я искал к тому возможности. А секретари обкомов именно эту возможность мне подсказали. Я больше полагался на них; они детальнее знали состояние дел и убедили меня в том, что такая возможность в Казахстане имеется. Конечно, существовал определенный риск. Урожай в Казахстане особенно зависит от метеорологических условий, как от зимних осадков в виде снега, так и от летних в виде дождя. В большей степени он зависит там от летних осадков. Но риск этот оправдан, потери от засухи компенсируются зерном, получаемым в благоприятные годы.

.....

Вскоре после (...) пленума приняли решение о первом этапе освоения целинных земель, сначала до восьми миллионов гектаров. **Эту цифру мы изыскали с помощью секретарей обкомов партии, хотя Шаяхметов продолжал отстаивать меньшую цифру (выделено нами).** Я потом проанализировал его позицию и понял, что он знал о всех возможностях Казахстана. Почему же секретари заняли другую позицию? **У меня сложилось впечатление, что здесь имелись политические, точнее, националистические мотивы. Шаяхметов понимал, что если увеличить площади под зерно, то обработать их казахи**

сами не смогут. В Казахстане жило много людей других национальностей, главным образом украинцев и русских. Он понимал и никто этого и не скрывал, что придется звать на помощь добровольцев, желающих поехать на освоение целинных земель. Мы-то были уверены, что их найдется нужное количество, а он этого вовсе не хотел, ибо тогда еще сильнее снизится удельный вес коренного населения в Казахстане (выделено нами). Секретари же обкомов, как коммунисты, смотрели на этот вопрос с более правильных позиций, не отрывая интересов казахского народа от интересов всех советских людей.

Когда началось освоение целины, пришлось Шаяхметова заменить»²⁹⁷.

Годы спустя сын Хрущева Сергей, переехав в США, выпустил при поддержке целого научного коллектива трилогию о своем отце — три объемистых тома²⁹⁸, где объяснял и оправдывал действия своего отца, в том числе в Казахстане. Говоря о республике и ее жителях, Сергей Хрущев крайне, на наш взгляд, пренебрежительно замечает:

«...Казахстан тогда тифозной сыпью испестрили лагеря, между ними, там, где энкавэдэшники еще не успели нагородить колючую проволоку, местные пастухи-казахи гоняли по степи отары овец. И вот теперь видевший все и всех Шаяхметов, сидел в кабинете отца на Старой площади и размышлял, как ему себя вести. Распахивать пастбища ему совсем не хотелось, на них паслись овечьи отары его предков, переселившиеся в Казахские степи с Алтайских гор еще в VIII веке. Он понимал, что сами казахи этим заниматься не станут — не умеют и не лю-

²⁹⁷Хрущев Н.С., Время. Люди. Власть. (Воспоминания в 4-х кн.). М.: Информационно-издательская компания «Московские новости», 1999, книга 4, — С. 73–75.

²⁹⁸Хрущев С.Н. «Никита Хрущев: Реформатор». — М.: Время, 2010. — 1080 с. (Трилогия об отце).

бят они копать в земле. На их земли придут русские, украинцы и кого там еще решат в Кремле переселить в его Казахстан. Вековым кочевьям казахов наступит конец, а вместе с тем наступит конец и его власти, власти Жумабая Шаяхметова. Его кресло займет умеющий возделывать пшеницу русский или украинец. Сидя напротив Хрущева, Шаяхметов привычно хитрил, прикидывал, как бы изловчиться провести Хрущева и при этом не оступиться самому»²⁹⁹.

Мы уже знаем, что позиция первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Хрущева не устроила и что тот решил действовать напрямую через секретарей обкомов. Сергей Хрущев пишет по этому поводу:

«Конечно, секретари прослышали о беседе отца с Шаяхметовым, знали и о его позиции, но решили, видимо, Жумабая “топить”. Они без колебаний называли отцу сотни тысяч, даже миллионы гектаров земель, пригодных к распашке в их областях.

Рассчитанные московскими аграриями 6 миллионов гектаров набрались без труда. Одновременно определена судьба Шаяхметова — с началом распашки целинных земель ему в секретарях ЦК больше не усидеть»³⁰⁰.

Действительно, подготовленную в республике командой Жумабая Шаяхметова программу развития зернового хозяйства Хрущев счел неудовлетворительной. В конце января 1954 г. Москва, рассмотрев вынесенные предложения, подвергла их резкой критике и приняла кадровое решение о смене на капитанском мостике в Алма-Ате. Хрущев направляет в Казахстан сразу двух членов ЦК КПСС — П.К. Пономаренко и Л.И. Брежнева. Решение было поистине казуистическим. Набивший при Сталине в 1930–1940 гг. руку на перестановках и столкновениях людей, Хрущев, посылая в Казахстан эту пару абсолютно разных по интеллекту и политической практике деятелей, хотел более опасного для него Пономаренко

²⁹⁹ Там же. — С. 152.

³⁰⁰ Там же.

«сломать» на новом деле, чтобы устранить в его лице возможного конкурента. А свою креатуру Брежнева направлял как надежного соглядатая, чтобы тот накопил необходимый «компромат» на весьма своевольного и довольно непокорного выходца из партизанской республики.

Сергей Хрущев пишет в этой связи:

«На место Шаяхметова, как он и предполагал, прислали варяга. Первым секретарем стал белорус с украинской фамилией Пономаренко, а вторым “украинец” с русской фамилией — Брежнев»³⁰¹.

5–6 февраля 1954 г. состоялся IX пленум ЦК КПК, на котором Жумабай Шаяхметов был освобожден от обязанностей первого секретаря ЦК, а И.И. Афонин — от обязанностей второго секретаря. Первым секретарем и членом Бюро был избран П.К. Пономаренко, вторым секретарем и членом Бюро — Л.И. Брежнев³⁰².

На состоявшемся 16–18 февраля 1954 г. VII съезде Компартии Казахстана Шаяхметов выступил с отчетным докладом, в котором, согласно устоявшемуся к тому времени партийному ритуалу, признал свои ошибки. Профессор истории современности и культуры Бременского университета Сюзанна Шаттенберг в своей книге «Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны» пишет:

“Торькое время критики и самокритики для Шаяхметова еще не окончилось: Пономаренко распорядился, чтобы Шаяхметов сам выступал с отчетным докладом, потому что таким образом можно “лучше вскрыть недостатки”. Поэтому Шаяхметов обвинял сам себя в том, что не относился всерьез к возделыванию целинных земель, действовал только под давлением ЦК из Москвы, не проявил необходимой инициативы и не оказал сельскохозяйственным организациям необходимой поддержки»³⁰³.

³⁰¹ Там же. — С. 153.

³⁰² Ашимбаев Д., Хлюпин В. ... — С. 471.

³⁰³ Шаттенберг С. Леонид Брежнев. «Величие и трагедия человека и страны». — М.: Росспэн, 2018. — С. 194.

То, как была произведена замена в партийном руководстве Казахстана, свидетельствовало о недоверии к местным, в первую очередь национальным, кадрам. По отношению к этносу это, фактически, было крупным шагом назад, проявлением какой-то шовинистической спеси и свидетельством некоего высокомерия со стороны зарвавшегося политического деятеля. Ведь тот же Шаяхметов по своим деловым качествам, которые признавал и ценил даже И. Сталин, не уступал ни Пономаренко, ни Брежневу, а по знанию казахстанской специфики намного превосходил их. Но решение принимала Москва³⁰⁴.

Мы не станем вести речь о том, как отреагировала казахская общественность, и в первую очередь национальная интеллигенция, на такие изменения. Данный вопрос лежит за пределами нашего исследования. Отметим лишь, что сопротивление было, и его воздействие вынуждало Москву менять своих представителей как не справившихся. Хотя, и в самом деле, главная причина заключалась в неумении московских правителей и их представителей в Казахстане понять сущность происходившего: речь шла о разрыве между советским и национальным, разрыве, который и порождал кризисные явления и провалы.

В этой связи представляет существенный интерес то, как описывал свое неожиданное назначение в Казахстан П.К. Пономаренко:

«Наши натянутые отношения (с Хрущевым) начались где-то спустя год после моего избрания первым секретарем ЦК КП(б) Беларуси, когда во время одной встречи в приемной Сталина он допустил грубость, на что я тут же в жесткой форме обратил его внимание. В период Великой Отечественной войны наши отношения даже ухудились, особенно

³⁰⁴Абдакимов А. История Казахстана. А. 1994. – С. 184; Кунаев Д. «От Сталина до Горбачева». – С. 105; Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. – А–А. 1984. – С. 416; Правда. 22 февраля 1954 г.; Коммунист Казахстана. 1954. № 12. – С. 38–43; Казахстанская правда. 16, 17, 20, 23 февраля 1954 г.

после моего назначения по решению ГКО от 30 мая 1942 г. начальником Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования. Хрущев, будучи первым секретарем ЦК КП(б) Украины, расценил это как “унижение Украины” или “белорусский подкоп” под нее и даже санкционировал тогда некоторые сумасбродные и даже рискованные противодействия... Вскоре после смерти Сталина Хрущев, как известно, был избран секретарем ЦК КПСС. Можно было безошибочно предположить, что и меня ожидают новые назначения.

И действительно, после ухода Сталина с политической сцены и выдвижения Хрущева я был освобожден от должности секретаря ЦК КПСС, из членов Президиума ЦК переведен в кандидаты, несколько месяцев работал министром культуры СССР, а в феврале 1954 г. вместе с Л.И. Брежневым (тот тогда являлся заместителем начальника Главного политуправления нашей армии и флота) был направлен на руководящую партийную работу в Казахстан. Меня ЦК рекомендовал на должность первого секретаря, а Брежнева — второго секретаря ЦК Компартии Казахстана. При беседе с нами, давая разные советы и поручения, Хрущев не скрывал большой озабоченности, как бы нас двоих на партсъезде в Алма-Ате не “прокатили”.

(...)

Обстановка сложилась тревожная, и опасения Хрущева не были беспочвенными. Я все время мучительно думал, какой найти выход. И он пришел как бы сам собой. Совершенно случайно узнал о сложившейся практике в Казахстане: когда на руководящую работу в республике приходит представитель из Западного Казахстана, то все основные кадры подбирает из своих земляков, когда из Восточного Казахстана — поступает таким же образом. Решил это обыграть, а заодно и поломать такую порочную практику. Прибываем на съезд. После отчетного доклада первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Ж. Шаяхметова слово предоставляется мне. Выхожу на трибуну. В зале мертвая тишина. Напря-

женные лица делегатов. Мое выступление было коротким. Сказав несколько приветственных слов, я отметил, что все мы сейчас переживаем переломный момент. Перед партией, всей страной стоят большие стратегические задачи. И, пожалуй, самая магистральная среди них — предстоящее освоение целинных и залежных земель. Новые задачи требуют нового стиля и методов руководства. Но ваше партийное руководство предпочитает работать по старинке, административными методами. У товарища Шаяхметова и многих его коллег есть одно преимущество перед мной и товарищем Брежневым. Они местные, казахи. А мы, русские, направленные к вам из Москвы Центральным Комитетом. Однако у нас с товарищем Брежневым есть немалое преимущество. Мы знаем про вашу традицию: приходит к руководству человек из Западного Казахстана — подбирает и расставляет кадры из Западного Казахстана, приходит из Восточного Казахстана — действует таким же образом, по принципу землячества. А для нас — вы все равны. И мы будем дружно трудиться и с товарищами из Западного, и с товарищами из Восточного Казахстана. Не успел я произнести последние слова, как все делегаты съезда разом вскочили со своих мест и в течение нескольких минут дружно аплодировали в знак одобрения.

Результаты тайного голосования оказались самыми благоприятными: мы с Леонидом Ильичем были избраны членами ЦК КП единогласно. То же повторилось и на Пленуме ЦК. Звоним в Москву.

— Как, прокатили? — сразу же тревожно спрашивает Хрущев.

— Нет, Никита Сергеевич, прошли единогласно.

— Не может быть!

— Но они же сами считали.

— Не ожидал и от всей души поздравляю вас, — кричит в трубку первый секретарь ЦК партии»³⁰⁵.

³⁰⁵ Ашимбаев Д., Хлюпин В. ... – С. 472. Куманев Г.А. «Рядом со Сталиным». – Смоленск: Русич, 2001. – С. 114–116.

В книге «Целина» Л.И. Брежнев дал свою оценку сложившейся в республике ситуации:

«Вслед за пленумом состоялся VII съезд Компартии Казахстана, давший анализ состоянию дел. Он признал работу бюро и секретариата ЦК прежнего состава неудовлетворительной. Объясню почему. В краю богатейших природных возможностей, где насчитывались сотни колхозов, совхозов и МТС, где на полях работали десятки тысяч тракторов и комбайнов, где помимо пригодных для пахоты земель были миллионы гектаров сенокосов и пастбищ, производство зерна, мяса, хлопка, шерсти в сравнении с довоенным уровнем не росло, а порой даже падало. Удои молока были ниже, чем в 1940 году, зерновых собирали 5-6 центнеров с гектара, хлопка – всего десять центнеров, картофеля не более 60 центнеров с гектара. К тому времени даже такие полностью опустошенные войной районы страны, как Кубань, Украина, Дон, восстановили разрушенное, стали наращивать урожайность и продуктивность животноводства. А тут, хотя 1953 год выдался в республике на редкость благоприятный, из-за бескормицы допустили падеж полутора миллионов голов скота. Держали его в лютые зимы под открытым небом, не имели даже примитивных кошар, говоря: “У нас всегда так было”. Добавлю, что среди председателей колхозов многие имели начальное образование, а триста были попросту малограмотны.

Конечно, тяжелое состояние сельского хозяйства в Казахстане объяснялось и объективными причинами. Оно отражало запущенность этой важнейшей отрасли по всей стране, о чем прямо и откровенно было сказано партией на сентябрьском пленуме ЦК КПСС 1953 года. Однако даже на общем фоне дела в Казахстане выглядели удручающе. Сложность состояла еще и в том, что некоторые местные руководители смирились с трудностями и действовали по принципу “куда кривая вывезет”.

— Руководство такой большой республикой нам оказалось не по плечу – говорил на съезде секретарь ЦК И.И. Афо-

нов, непосредственно ведавший сельским хозяйством. — Мы не управляем событиями, а мечемся, как плохие пожарники. Тушим “пожары”, которые без конца возникают то в одном, то в другом месте. Основная форма нашего руководства даже не бумаги, а уполномоченные.

После таких признаний уже не удивляло отсутствие какой-либо инициативы со стороны обкомов партии. Если кто и пытался поправить дело, то выглядело это довольно “оригинально”. Скажем, Актюбинская область выступила с инициативой — создать полуторагодовой запас кормов для скота. Столь благородное дело одобрили, обязательство напечатали в газетах. Но любые починны должны, как известно, опираться прежде всего на внутренние силы, на неиспользованные резервы. Вслед за звонким обязательством отправили в Совет Министров Казахской ССР письмо: так, мол, и так, чтобы мы смогли выполнить обязательства, срочно дайте нам дополнительно триста тракторов, шесть тысяч тонн керосина, столько-то автола, солидола, запчастей. Словом, помогите нам стать героями, если не хотите оскандалиться вместе с нами»³⁰⁶.

Жумабай Шаяхметов не был противником целины. Он просто был не согласен с неоправданным гигантизмом хрущевских планов, ибо хорошо знал еще по юности те регионы. Испытал на себе во время служебных поездок по степи силу пыльных бурь. От местных агрономов получил четкое представление о тонкости слоя гумуса и тех бедах, что в своей жизни встретили на новом месте переселенцы времен столыпинских реформ, и те, кого направляли в Казахстан в конце 1920 — начале 1930-х гг. в рамках раскулачивания.

Что касается самой идеи освоения целины, то она стала продуктом чисто кабинетных рассуждений человека, не знавшего особенностей земель юга Сибири и севера Казахстана. А они были весьма существенны. Эта идея отражала стремление быстрее решить проблему хлебного баланса

³⁰⁶ Ашимбаев Д., Хлюпин В. ... — С. 472–473; Брежнев Л.И. Целина. М.: Политиздат, 1970.

страны. Но опять-таки, быстрее — не всегда лучше. Кроме того, налицо было явное непонимание сдвигов в науке вообще и в агробиологии в частности. Действительно, то, что Н.С. Хрущев пошел на масштабное освоение целины, показывало, что он, как и Сталин, не знал о крупнейших открытиях в агробиологии, которые позволяли Западу уже тогда получать уже тогда по 40–50 ц. с гектара, в то время как у нас высшей планкой в ряде мест освоенной целины были показатели на уровне 16–18 ц. К тому же, данное решение вновь и серьезно напрягало страну в плане трудовых ресурсов. Наконец, и это крайне значимо, целина затрагивала жизненно важную для казахского этноса проблему его языка и культуры.

Стремление за счет наращивания масштабов возделываемых земель увеличить производство зерна тем самым выталкивало экономику страны на старый, уже изжитый в остальном мире путь экстенсивного развития. Не секрет, чем больше площади под посевы, тем больше затраты на горючее, тем больше требуется самого посевного материала, тем больше надо использовать техники, а это в свою очередь — люди, те самые трактористы, простые механизаторы на сеялках, водители машин, подвозящих горючее, посевные материалы.

Чем больше площади посевов, тем больше требуется агрономов, контролирующих процесс роста и все последующие этапы. Чем больше площади посевов, тем больше требуется транспорта для уборочной кампании, приемных пунктов, элеваторов, жилья для людей, школ, больниц и т.д. Иными словами, масштабность включения в сельскохозяйственный оборот новых площадей обуславливала масштабность всего того, что было связано с этим делом, и в немалой степени превращалась во все более сложную проблему, которая потом и дала о себе знать.

Стремление получить быстрее как можно больше хлеба оправдалось частично лишь в 1956 г. А потом пошли циклы удач и неудач. Именно этого и опасался Жумабай Шаяхметов.

Он опасался также торможения в развитии и без того обиженной прежними решениями агробиологии. Именно это и происходило в ходе целинной эпопеи в Казахстане и в последующие годы. А ведь в той же Индии и странах арабского Востока ставка на «зеленую революцию» стала приносить результаты в плане повышения урожайности. Если на целине средний урожай составлял 8 центнеров с гектара, то в той же Ливии — более 30. И все благодаря новым технологиям, новой системе обработки почвы, применению необходимых удобрений, качеству семенного материала и т.д.

К сожалению, оправдалось и главное его опасение, которое он не стал скрывать в свое время от Н. Хрущева. Превращение Казахстана в одну из важнейших зерновых баз СССР за счет направления на север и в центр республики как районы освоения целины крупной финансовой, экономической, технологической и, главное, кадровой помощи привело к изменению демографического состава населения со всеми сопутствовавшими этому процессу последствиями.

Парадокс, но в отличие от всей страны в Казахстане за счет создания новых совхозов и приезда сотен тысяч новоселов численность сельского населения росла, тогда как в РСФСР десятки тысяч деревень объявлялись неперспективными. Сельские районы республики электрифицировались, газифицировались, ударными темпами сооружались шоссейные дороги, обводнялись пастбища, строились водопроводы. В общем казахстанский север стремительно менялся.

Все эти перемены, более чем благоприятные в экономическом и цивилизационном плане, оборачивались последствиями, которые существенно сказывались на демографии, положении казахского аула, казахского языка, казахской литературы и искусства.

Приток в северные и центральные области Казахстана на освоение целины, а затем индустриальные стройки примерно двух с половиной млн. человек в корне изменил его демографическую структуру. К 1959 г. соотношение этносов в республике стало крайне неблагоприятным для коренно-

го населения. По данным переписи населения численность казахов составила 30,0%. В этой связи приводимая ниже таблица говорит сама за себя:

Таблица 1. Демографический состав населения Казахстана (по состоянию на 1959 г.)

Все население	100
казахи	30,0
русские	42,7
украинцы	8,2
татары	2,1
узбеки	1,5
белорусы	1,1
корейцы	0,8
уйгуры	0,6
др. национальности	13,0 ³⁰⁷

В любой стране хранителем национальных традиций и обычаев выступает село, поскольку сам быт его во многом консервативен, само аграрное производство менее динамично, нежели промышленное, и это позволяет селу сохранять себя как основную ячейку нации.

Север Казахстана раньше других регионов стал объектом переселенческой политики России. Здесь на сто с лишним лет раньше, чем на юге, стало ощущаться ее культурное воздействие. Приток же в село огромного количества людей резко изменил этническую структуру и, в свою очередь, место казахского этноса среди жителей села. Сразу же была осуществлена перестройка систем образования, культуры, здравоохранения с учетом новых этнополитических факторов.

Кроме того, массовый приток молодежи с ее динамизмом и раскованностью существенно ослаблял влияние местных традиций, в том числе и патриотического плана, вводил в оборот политически значимое слово «целинник», формировал слой людей, находившихся как бы вне критики, сво-

³⁰⁷Народное хозяйство Казахстана за 60 лет. – А-А., 1980. – С. 21.

бодных от уважительного отношения к народу и в особенности к местным традициям.

Более того, Москва начала поднимать статус участников целинной эпопеи. Их превращение в героев времени вывело эту категорию населения на политическую авансцену. В силу же того, что состав целинников был интернационален и казахский этнос представлен в среде целинников меньшинством, интерес к национальной истории, культуре, искусству, литературе стал падать. Складывались условия для разрыва между прошлым и настоящим, что затрагивало язык и будущее коренного населения.

Целинная эпопея серьезно ослабила и без того подорванные корни национальных моментов в патриотизме. Целинник, интернационалист — эти два понятия в общественно-политической жизни начали заслонять все национальное, что особенно остро стало ощущаться в содержании материалов средств массовой информации³⁰⁸.

³⁰⁸ЦГА РК. Ф. 1489. Оп. 7. Д. 103. Л. 138. Д. 108. Л. 201–205. Д. 111. Л. 10–15, 52, 182–183. Д. 113. Л. 13, 26–30, 47, 59–60; Правда. 25 января, 19, 21, 23, 24, 27 февраля, 1, 3, 17 марта, 29 апреля, 6 мая, 21 июня, 1, 17 июля, 18 августа, 4, 19 сентября, 24, 27 октября 1954 г.; Казахстанская правда. 7, 8, 9, 11, 13, 21, 26 января, 6, 13, 21, 25, 28 февраля, 1, 2, 3, 6, 9, 10, 15, 16 марта, 13, 27 апреля, 29 мая, 25 июля, 18, 20, 26 августа, 6, 16 сентября, 16, 27 октября, 15 декабря 1954 г.; Лениншіл жас. 26, 28 февраля, 7, 10, 12, 14, 17, 19, 24, 26, 28 марта, 7, 11, 14, 16, 18, 21, 23, 25 апреля, 1, 9, 11, 21, 23, 28 мая, 4, 6, 9, 11, 13, 16, 20, 23, 25, 27, 30 июня 1954 г., Ленинская смена. 30 января, 13, 23, 25, 27 февраля, 2, 4, 11, 13, 14, 23, 30 марта, 1, 3, 6, 17, 20, 27 апреля, 1, 6 мая, 3, 10, 15, 24 июня, 20, 24, 27 июля, 7, 14, 19 августа, 7, 9, 11 сентября, 5, 9, 28 октября, 7, 23 ноября 1954 г.; Социалистік Қазақстан. 25, 27 февраля, 6, 7, 9, 10, 11, 15, 18, 20, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 30 марта, 1, 2, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 11, 14, 15, 16, 17, 18, 21, 24, 27, 28 апреля, 5, 6, 9, 11, 13, 14, 15 мая 1954 г.; Ленинское знамя. Орган Северо-Казахстанской области, Петропавловского ГК КП Казахстана и облсовета. 3, 24, 27, 30, 31 января, 3, 5, 6, 10, 17, 21, 24, 27, 28 февраля, 3, 5, 6, 7, 9, 10, 12, 17, 21, 22, 23, 24, 26, 30 марта, 1, 4, 5, 9, 11, 18, 20, 21, 23, 25, 27, 28 апреля, 1, 5, 7, 11, 12, 14, 15, 22, 30 мая, 2, 5, 6, 12, 16, 20, 30 июня, 13, 15, 16, 17, 24, 29 октября, 5, 7, 10, 19, 23, 24, 28 ноября, 1, 8, 11 декабря 1954 г.; Колхоз жолы. Орган Карабутацкого РК Казахстана и райсовета Актюбинской области. 17 января, 4, 7, 11, 14, 21, 26 февраля 1954 г.; Колхоз жолы. Орган Свердловского РК КП Казахстана и райсовета Джамбульской области. 21 января, 4 февраля, 13, 27, 31 марта, 3, 8, 12, 15, 19, 26 апреля, 5, 12, 30 мая, 5, 14, 17, 21, 28, 30 июня 1954 г.

На целинных землях Казахстана менее чем за два года возникло 337 крупных зерновых совхозов³⁰⁹, каждый из которых имел свою многотиражку. Изменился состав районов. Появилось много новых территориальных образований, где также издавались свои газеты. Как правило, все они были русскоязычными.

Например, за семь лет, с 1953 по 1959 годы, так происходило увеличение количества газет.

Таблица 2. Газеты Казахстана в 1953-1959 гг.

Газеты	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959
Количество названий	299	310	373	380	483	542	460
Разовый тираж — тыс. экз.	954	1029	1199	1312	1519	1690	1867
в том числе: на казахском языке: количество названий	142	148	148	145	157	194	142
Разовый тираж — тыс. экз.	359	417	487	481	534	603	623

Из таблицы³¹⁰ видно, что если в 1953 г. доля газет, выходивших на казахском языке, составляла 47,4% от общего количества, то через семь лет таких газет становится уже 30,8%. Соответственно уменьшается и разовый тираж: в 1953 г. — 37,6%, в 1959-м — 33,3%.

Появление за столь непродолжительный срок огромного количества изданий до предела сузило сферу применения казахского языка, а в казахских изданиях резко увеличился объем информации общесоюзного, общереспубликанского плана, в том числе на тематику, далекую от раскрытия вопросов жизни этноса, связи прошлого и настоящего. В из-

³⁰⁹Брежнев Л. Целина. М. 1979. — С. 12; Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. Макет. — А-А. 1961. — С. 498.

³¹⁰Казахстан за 40 лет. — А-А. 1960. — С. 487.

даниях южно-казахстанских регионов тоже превалировала целинная тематика.

Естественно, местная тематика ушла на третий план. И это там, где сохранялся наиболее значительный массив этноса, который располагал большей, чем в других местах, группой национальной интеллигенции, занимавшейся в той или иной степени вопросами изучения и пропаганды национальных моментов.

Действительно, целина и казахский язык столкнулись на тропе цивилизационного развития. Это столкновение не пошло впрок ни целине, ни казахскому этносу, равно как представителям других национальных общин, поскольку ущемление, пусть даже непреднамеренное, одного этноса всегда было и будет ударом по другим, что и было подтверждено впоследствии.

В этой связи следует отметить, что в 1956 г. часть казахских писателей и публицистов впервые забила тревогу в связи с резким сокращением сферы применения казахского языка, его оттеснения на задний план в тех местах, где ранее он, если и не доминировал (север Казахстана), то во всяком случае обладал почти равными с русским законными возможностями.

ЦК Компартии Казахстана рассмотрел письмо, написанное писателем Сабитом Муқановым, и выводы по существу письма во многом опровергли предположения и предложения автора³¹¹. Собственно, письмо, отражавшее крик души, по нашему мнению, не было выпадом против интернационализма, скорее, это была озвученная боль за стремительное сужение сферы применения казахского языка, что соответственно сокращало возможности обращения писателей и поэтов к чисто национальным мотивам и прошлому этноса.

Жизнь в Казахстане целинными делами, естественно, не ограничивалась. В продолжение упомянутой выше темы политической реабилитации репрессированных необходимо

³¹¹Хрушев Н.С. Материалы к биографии. – М. 1989. – С. 12–15; Опенкин Л.А. «Оттепель: как это было». – С. 49.

отметить, что в соответствии со взятым курсом на постепенную, но неуклонную демократизацию и гуманизацию советского общества и на восстановление в памяти народов имен тех, кто внес существенный вклад в утверждение советского строя, происходил процесс возвращения в жизнь десятков тысяч невинно пострадавших и снятия с сотен тысяч ограничений, накладывавшихся на них как на членов семей врагов народа, спецпереселенцев и т. д. Стала открываться правда о ряде элементов системы, о существовании на территории республики печально известных структур лагерей и колоний.

Среди тех, чьи имена начали возвращаться к казахстанцам, были не только участники Октябрьской революции, но, главное, борцы за национальную независимость, за создание национальной государственности казахского народа, борцы с самодержавием, его колонизаторской политикой. В их числе У. Джандосов, Т. Рыскулов, Д. Барыбаев, С. Сейфуллин, И. Джансугуров, Б. Майлин, С. Асфендияров, У. Исаев, Л. Мирзоян, С. Мендешев, М. Масанчи, Н. Нурмаков, А. Розыбакиев и многие другие.

Возникла тонкая, но прочная нить связи современности с историей Казахстана. Критика культа личности и его последствий позволила развернуть работу по возвращению народу трудов исследователей, несправедливо осужденных в конце 1940-х–начале 1950-х годов за их своеобразную трактовку исторического прошлого казахского народа.

Напомним, что в 1940-е гг. жертвами несправедливых политических обвинений стали ученые, деятели литературы и искусства республики А. Абишев, К. Аманжолов, К. Бегалин, Х. Бекхожин, Ю. Домбровский, А. Жубанов, Ж. Жумалиев, Е. Исмаилов, Б. Сулейменов. Необоснованно были обвинены в допущении политических и буржуазно-националистических ошибок и другие известные ученые и писатели. Немало ученых-биологов, медиков и геологов, обвиненных в космополитизме, также были изгнаны из научных учреждений и кафедр вузов республики³¹². Теперь все эти обвине-

³¹²История Казахстана с древнейших времен до наших дней. (Очерк). –С. 239.

ния отпали как вздорные, несправедливые, и началась полоса активного творчества упомянутых деятелей.

Среди тех, кто был возвращен к жизни, чье творчество обрело, наконец, возможность для полноценного развития, назовем фамилии целого ряда историков, и в первую очередь Е. Бекмаханова. Его реабилитация в феврале 1954 г. позволяла понять, что сохранявшаяся негативная оценка Кенесары — просто дань остаткам сталинских подходов, свидетельство незавершенности хрущевских реформ. Вернувшийся к преподавательской деятельности Е. Бекмаханов совместно со своими единомышленниками подготовил ряд школьных изданий по истории Казахстана, где привел множество фактов о героическом прошлом казахского этноса³¹³.

Аналогичная работа была проделана писателями и поэтами. Упомянем в качестве примера М. Ауэзова, завершившего в 1955 году историческую эпопею «Путь Абая». В 1958 году обе книги романа-эпопеи вышли в Москве отдельным изданием на русском языке.

Видным достижением национальной прозы стал роман Г. Мусрепова «Пробужденный край» о зарождении рабочего класса в казахской степи. Значительным явлением в исторической казахской прозе стала автобиографическая трилогия С. Муканова «Школа жизни». На исторические темы написаны романы Г. Мустафина «Караганда», «После бури». Историко-революционная тематика воплотилась в романах А. Сарсенбаева «Рожденные на волнах», З. Шашкина «Наступило утро» и «Токаш Бокин», Х. Есенжанова «Яик — светлая река». Появились интересные и яркие художественные произведения о войне, такие, как «За нами Москва» Б. Момышулы, «Грозные дни» Т. Ахтанова³¹⁴.

Вслед за эпопеями «Путь Абая» М. Ауэзова, которая послужила толчком для обращения к жанру исторического романа, появились романы о выдающихся личностях — Сул-

³¹³Там же. С. 338–339; Казахстанская правда. 16 января, 28 февраля, 25 марта 1958 г.

³¹⁴История Казахской ССР. Т. 5. – С. 339–342.

танмахмуте Торайгырове (Д. Абилова) и Дине Нурпеисовой (С. Бакбергенова), Махамбете Утемисове (А. Алимжанова), Аханасере Корамса-улы, Жаяу Мусе, Чокане Валиханове и Тураре Рыскулове, а также поэмы об Ибрае Алтынсарине, Курмангазы, Алиби Джангильдине, Сакене Сейфуллине, Омаре Сибирском, Куляш Байсеитовой, Джамбуле, Амангельды Иманове и многих других³¹⁵.

Перечисленные выше сдвиги к лучшему пробуждают интерес к национальному, к его истокам, важности сохранения национального как элемента интернационального.

В завершение темы реформы политики после прихода к власти Н. Хрущева следует отметить, что, с одной стороны, повторялась старая история, когда все, что было сделано предшественниками, объявлялось неудовлетворительным и ошибочным. В случае Жумабая Шаяхметова обращает на себя внимание то обстоятельство, что еще в начале 1953 г. показатели Казахстана по сельскому хозяйству, как представляется, вполне удовлетворяли высшие партийные органы СССР, которые, хотя и могли высказывать отдельные замечания, в целом положительно оценивали усилия Казахстана на различных участках, в том числе в деле в подбора и воспитания кадров и в других областях. Кстати, большинство государственных наград Жумабая Шаяхметова — Орден Трудового Красного Знамени (1939 г.), Орден Знак Почета (1942 г.), три Ордена Ленина (1945, 1947, 1952 гг.) — были за успехи в развитии как раз сельского хозяйства. И вдруг достижения предыдущих лет сразу же забываются, и все пишут и говорят только о недостатках, порою выдуманных и не имевших под собой никакой почвы. Это становилось традицией, как и обязательное покаяние во всех грехах.

С другой стороны, нам представляется, что уход с поста первого руководителя республики для Жумабая Шаяхметова, несмотря на резкую критику со стороны Москвы, прошел сравнительно мягко.

³¹⁵Казахская советская энциклопедия. — А-А. 1981. — С. 532.

В этой связи еще раз сошлемся на Сергея Хрущева, который в своих мемуарах так оценивает смену руководства в Казахстане:

«Проблема Шаяхметова разрешилась сравнительно легко, из первых секретарей ЦК Компартии Казахстана его в феврале 1954 года убрали, перевели секретарем Южно-Казахстанского обкома партии. Воспитанный в нравах сталинских чисток 1930-х годов, он ожидал расправы, не сомневался — новое назначение только ширма, за ним неумолимо последует арест. Так происходило на его памяти всегда.

Ареста не последовало, Шаяхметов, насколько я знаю, первым в послесталинские времена не поплатился жизнью за свои убеждения, за противопоставление своего мнения мнению Москвы. Его не объявили националистом, не приклеили еще какой-то привычный в те времена политический ярлык. Отец отозвался о нем критически, но ни в чем не обвинил, сказал, что “товарищ Шаяхметов честный человек, но для такой большой республики, как Казахстан, слаб”³¹⁶.

Н. Хрущев понимал, что ломать через колено кадры национальной республики будет чревато, и назначение на первые два поста в партийной организации республики сразу двух человек из Москвы объяснял чрезвычайным характером задачи, которую предстояло решать³¹⁷.

Говоря об этой задаче необходимо отметить и следующее обстоятельство. Объектом пристального внимания Н. Хрущева в Казахстане была не только целина. Уже в годы войны для Москвы стало понятно огромное значение земель Казахстана для военных нужд. В планах были создание атомной бомбы и в дальнейшем строительство космодрома. Все это требовало контроля со стороны Центра и размещения военных объектов, которые стали занимать огромные территории

³¹⁶Хрущев С.Н. «Никита Хрущев: Реформатор». – М: Время, 2010, – С. 152–153.

³¹⁷Заметим, что спустя 32 года М.С. Горбачев такого понимания не проявил, и это привело к известным декабрьским событиям 1986 г.

по всему Казахстану. Поэтому-то, кстати, страна и была закрыта для иностранцев. Хлеб, действительно, был нужен, но под предлогом освоения целины предполагалось реализовать и другие остро востребованные проекты, носившие закрытый характер. Эшелоны шли и шли на станцию Тюратам и в Семипалатинскую область. Необходим был строгий контроль над всем, а доверить это можно было только своим людям. Это и предопределило выбор в пользу Л.И. Брежнева.

ГЛАВА 6

ВЫНУЖДЕННЫЙ УХОД

После радикальных кадровых решений, закрепленных в феврале 1954 г. на упомянутом выше VII съезде Компартии Казахстана, Жумабай Шаяхметов некоторое время был без работы, после чего в Алма-Ате по согласованию с Н. Хрущевым было принято решение о его назначении на должность первого секретаря Южно-Казахстанского обкома. Перед этим обсуждался вопрос о том, чтобы оставить его отраслевым секретарем ЦК, учитывая огромный опыт работы и авторитет этого политического деятеля в народе и партийных органах. О том, что люди его реально уважали, говорили многие соратники и современники, включая такого видного партийного работника, как Асанбай Аскарлов, который писал, что Шаяхметов «пользовался немалым авторитетом в республике»³¹⁸. Однако в итоге Хрущев это предложение не поддержал.

Убрав с пути неудобного Шаяхметова, отправив его в «ссылку» в Чимкент, и подвергнув унижению остальных руководителей Компартии Казахстана, Н. Хрущев уже через год отзывает П. К. Пономаренко и делает первым секретарем ЦК Л. И. Брежнева, который решительно берется за проведение в Казахстане аграрной политики Хрущева, в основном поощряя перспективные кадры и смещая строптивых. В июньском номере журнала «Коммунист» за 1955 год было объявлено, что сопротивление политике освоения целинных земель со стороны Компартии Казахстана осталось в про-

³¹⁸ Аскарлов А. «Судьба». – Алматы: МСП «Мерей», 1994. – С. 47.

шлом. В марте 1956 года Брежнев был вознагражден пере­водом с повышением в Москву, а вместо него был назначен второй секретарь И.Д. Яковлев³¹⁹.

Оценивая ситуацию в республике в целом, надо отметить, что в 1955 г. было отмечено десятилетие завершения Великой Отечественной войны. Это был второй год наступления на целину, когда полным ходом шел процесс создания новых совхозов. В это же время готовились и проводились политиче­ские кампании реабилитации жертв репрессий, когда на­чали сниматься несправедливые обвинения с поколения, чьи лидеры были осуждены в 1935—1938 гг.

1955 г. — время, когда советское руководство и обще­ство торжественно отметили 50-летие создания политиче­ской системы советов, ставших базой для оформления после 1917 г. политической власти РКП(б) — ВКП(б) — КПСС³²⁰.

Для Казахстана 1955 г. был знаменателен еще и тем, что впервые за всю историю советской республики ее посещают гости на высшем международном уровне. В Алма-Ату при­езжал премьер-министр Индии Джавахарлал Неру вместе с дочерью Индирой. Через некоторое время Алма-Ату по­сетил и руководитель Бирмы У Ну.

Д. А. Кунаев в своих воспоминаниях пишет: «...В те дни казахстанцы впервые ощутили, что наша республика, укреп­ляясь экономически, прочно завоевывает авторитет как внутри страны, так и на международной орбите»³²¹.

Что касается Жумабая Шаяхметова, то его чимкентский период был непродолжительным. Не ставя своей задачей анализировать его деятельность в качестве первого секретаря Южно-Казахстанского обкома КПСС, отметим лишь сле­дующее. Во-первых, его работа в Чимкенте, действительно, длилась чуть больше года (с апреля 1954 г. по июнь 1955 г.),

³¹⁹Martha Brill Olcott. The Kazakhs (Publisher: Hoover Institution Press Publication); 2nd Edition, 1995, p. 227.

³²⁰ЦГА РК. Ф. 1489. Оп. 7. Д. 506. Л. 1–3. Д. 509. Л. 19–30. Д. 512. Л. 44–56. Д. 513. Л. 60–63. Д. 515. Л. 102–103. Д. 516. Л. 6–11.

³²¹Кунаев Д. От Сталина до Горбачева. – С. 102–103.

после чего Шаяхметова отправляют на пенсию. Во-вторых, его уход по времени совпадает со стремительным возвышением Д.А. Кунаева, в выдвижении которого Жумабай Шаяхметов сыграл большую роль.

Колоссальные нагрузки в военные и послевоенные годы, когда было принято работать и по ночам, огромное бремя многолетней ответственности за наиболее важные для страны и республики участки работы и сильнейшие стрессы, выпавшие на долю беззаветно преданного своей земле человека, которого оболгали свои же, в том числе и некоторые из прежних соратников, несправедливо осудили по партийной линии и бесцеремонно сняли с высокого поста, привели к тому, что в 1954 г. у Жумабая Шаяхметова (в 51 год) начались серьезные проблемы со здоровьем, выразившиеся в сильнейших головных болях. Как потом выяснилось, у него к тому времени развилась опасная опухоль мозга, но, оказавшись в Чимкенте, Жумабай Шаяхметов об этом еще не знал. Существует версия возможного получения им повышенной дозы радиации на Семипалатинском полигоне 29 августа 1949 года. В тот день, как теперь известно, там было проведено испытание первого в СССР экспериментального образца ядерного заряда.

Из-за прогрессировавшей серьезной болезни постоянно находиться на работе он уже не мог и большую часть времени лежал дома. Давний сторонник здорового образа жизни, он пытался бороться с недугом доступными средствами, в том числе иногда выходя на волейбольную площадку. А Хрущеву и Брежневу «доброжелатели» докладывали, что Шаяхметов работу забросил, играет в волейбол и ходит в театр.

В этой связи показательны воспоминания видного партийного работника Казахстана В. А. Ливенцова:

«Впоследствии Шаяхметова избрали первым секретарем Южно-Казахстанского обкома партии. Но на новом месте он не прижился. Видимо, основательно забарахлила нервная система. Его одолевали сильные головные боли из-за чего приходилось часто уходить с работы. Что-

бы забыться от боли, он увлекся волейболом. Второй секретарь обкома Тарасенко, живший по соседству, начал кляузничать в ЦК: Шаяхметов, мол, отлынивает от дела, в рабочее время уходит домой якобы из-за болезни, а сам гоняет под сеткой мяч. Брежнев лично выезжал для проверки этих сигналов. Кончилось тем, что Шаяхметова освободили от должности и отправили на пенсию. Заодно «ушли» и Тарасенко. Через некоторое время Шаяхметова прооперировали по поводу опухоли головного мозга. После долгих мучений он умер. Работники ЦК в разговоре между собой с возмущением и негодованием осуждали Тарасенко за его клевету»³²².

В ЦК Компартии Казахстана была подготовлена справка «О причинах освобождения т. Шаяхметова Ж. от обязанностей первого секретаря Южно-Казахстанского обкома КП Казахстана», где было отмечено, что «Шаяхметов работал без напряжения, фактически самоустранился от руководства Бюро обкома партии, значительную часть рабочего времени проводил дома. В течение года из 41 заседаний Бюро обкома т. Шаяхметов присутствовал только на 17, а из 16 заседаний секретариата участвовал только на 5. На VI пленуме Южно-Казахстанского обкома партии 22 июня 1955 года указанные недостатки в работе Бюро и первого секретаря обкома партии т. Шаяхметова были подвергнуты серьезной критике. Пленум нашел невозможным в дальнейшем оставление т. Шаяхметова Ж. на посту первого секретаря Южно-Казахстанского обкома партии и освободил его от работы»³²³. В этом документе говорилось только о недостатках, о том, что «Бюро обкома неудовлетворительно осуществляет руководство хозяйственным и культурным строительством области и не обеспечивает выполнение решений сентябрьского и последующих Пленумов ЦК КПСС по крутому подъему сельского хозяйства»³²⁴.

³²²Ливенцов В. А. Моё время. – Актөбе. ОАО «Полиграфия». 1999 г. – С. 94.

³²³РГАНИ. Ф.5. Оп. 98. Д. 38987. Л. 26–31.

³²⁴Там же.

Снимать Шаяхметова с работы из Алма-Аты прилетел лично первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Л.И. Брежнев, который на VI пленуме Южно-Казахстанского обкома КП Казахстана 22 июня 1955 года выступил с докладом о недостатках в работе бюро обкома партии и его руководителя. Первым секретарем обкома был избран И. Юсупов, вторым С. Елагин³²⁵. Отметим, что в самой казахскоязычной области того периода не было ни первого, ни второго секретаря-казаха по национальности.

Как пишет Джон Дорнберг, американский биограф Л.И. Брежнева, Жумабаю Шаяхметову даже в Чимкенте, в «этом политическом захолустье ... предстояло заново пережить позор ... туда прибыл Брежнев, чтобы лично проследить за отстранением Шаяхметова от должности областного руководителя, которое окончательно поставило крест на его политической карьере»³²⁶.

Лишившись партийных постов в республике, Жумабай Шаяхметов оставался какое-то время членом ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета СССР. В августе 1955 г., приехав в столицу на очередную сессию советского парламента, он потерял сознание в гостинице «Москва», где всегда останавливался во время служебных командировок. Его отвезли в Первую Кремлевскую больницу, а после установления диагноза «Опухоль мозга в области малого крыла основной кости слева» перевели в Научно-исследовательский институт нейрохирургии им. Бурденко, где в сентябре 1955 г. сделали первую операцию на головном мозге. В июне 1956 г. ему потребовалась вторая операция, но проблема головных болей не ушла. В справке этого института № 24524 от 25 августа 1958 года написано, что «Шаяхметов Ж.Ш. находится на лечении в Институте хирургии с диагнозом: продолженный рост опухоли арахноидэндотелиомы — малого крыла слева с гнойным осложнением, свищ в области операцион-

³²⁵Там же.

³²⁶John Dornberg. *The Masks of Power* (Publisher: Basic Books); 1st edition, May 1974, p. 134.

ного рубца»³²⁷. Первую операцию ему делал знаменитый нейрохирург, директор института Егоров, отец будущего космонавта Егорова.

К чести П. К. Пономаренко он, будучи уже послом СССР в Польше, встретился с Шаяхметовым по своей инициативе в Москве на сессии Верховного Совета СССР и признался, что «был несправедлив по отношению к нему, что его ввели в заблуждение председатель республиканского комитета госбезопасности и заведующий отделом ЦК КПК Новиков», как вспоминал Талгат Абдразаков, доктор экономических наук, профессор, бывший в то время первым секретарем ЦК ЛКСМ Казахстана³²⁸.

Еще оставаясь на тот момент членом ЦК КПСС, Жумабай Шаяхметов в феврале 1956 г. в последний раз участвует в качестве делегата в работе съезда партии, вошедшего в историю советского государства как XX съезд КПСС, на котором Н. Хрущев сделал свой знаменитый доклад о культуре личности И. Сталина и ликвидации его последствий³²⁹.

Нам думается, что Н. Хрущеву было важно, чтобы на развенчании Сталина присутствовали оставшиеся в живых после «чисток» и Великой Отечественной войны нынешние и бывшие руководители, включая Шаяхметова, чтобы все они увидели «нового» Хрущева в роли принципиального разоблачителя вождя. Как мы уже писали об этом выше, предыдущий руководитель всегда плох уже только тем, что он был раньше. Да и личные обиды Хрущева сыграли свою роль. Заметим, о своем вкладе в культ личности и репрессии 1930-1950-х гг. он не сказал ни слова.

Тяжелый недуг вынуждал Жумабая Шаяхметова находиться под постоянным наблюдением врачей и периодически

³²⁷Семейный архив Шаяхметовых.

³²⁸Правда Казахстана. 28 мая – 3 июня 2002 г.

³²⁹XX съезд КПСС. Стенографический отчет. – М. 1956. Т. 1, 2; Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии. – С. 32–42; Хрестоматия по истории КПСС. – М. 1989. Т. 2. – С. 380–430.

ски ложиться в больницу для прохождения процедур, которые требовались после удаления опухоли. По этой причине после первой операции ему пришлось остаться в Москве. Первое время семья жила в служебной квартире представительства КазССР при Совете Министров СССР в Трубниковском переулке в районе Арбата. В конце 1950-х гг. ему выделили в Москве на проспекте Мира однокомнатную квартиру, где он жил со своей супругой Майнур Галиевной и младшим сыном Таргыном, по словам которого из служебной квартиры они переехали с одним большим узлом с одеждой и первые ночи спали на полу. На каникулы к ним погостить приезжал старший внук Булат (Александр Равильевич Космухамбетов), который потом вспоминал:

«Дедушка был пенсионером союзного значения и пенсия его в начале 60-х годов (это уже после реформы) была в размере 200 рублей. Это позволяло иметь необходимый достаток в семье. Помню бабушка приглашала детей с нашего двора (2–3 человек) из малоимущих семей и кормила обедом и всегда говорила, что надо помогать людям.

Очень хорошо запомнилось мне как мы с дедушкой ездили в Казспредство платить партийные взносы. Дед надевал парадный костюм, шляпу (она закрывала шрам от операции), и я всегда поражался перемене, которая происходила с ним — он сразу становился импозантным, элегантно одетым мужчиной. После уплаты взносов нас приглашали на обед, где дед оживленно беседовал с сотрудниками Казспредства, и я видел с каким уважением они с ним разговаривали. Мне нравились эти походы, и я всегда спрашивал: “Деда, когда мы пойдем платить взносы?”»³³⁰.

Семья жила очень скромно, о чем можно судить по составленному московской нотариальной конторой 18 апреля 1967 года акту описи имущества, оставшегося в квартире на

³³⁰«Күрдәлі заманның қайсар қайраткері. Жұмабай Шаяхметов туралы естеліктер — Воспоминания о Жумабае Шаяхметове). – Алматы: Аударма, 2002. – С. 191–192.

проспекте Мира после смерти Жумабая Шаяхметова. Среди указанных в акте вещей — стол обеденный (10 рублей), тахта старого образца (5 рублей), кровать двуспальная (20 рублей), телевизор «Енисей» (70 рублей), холодильник «Ока» (70 рублей), стулья, тумбочка, ковер, портьеры, буфет... Всего 31 предмет на сумму 294 рубля³³¹.

Майнур Галиевна ушла из жизни 6 февраля 1964 г. Похоронена в Москве. Ей было 58 лет. Жумабай Шаяхметов возвращается в Алма-Ату, но жить ему остается менее трех лет. Он скончался 17 октября 1966 года в больнице Совета Министров Казахской ССР на руках любимой дочери Алматы. В разделе «Причина смерти» записано «Церебральный арахноидит»³³².

18 октября в газетах «Социалистик Қазақстан» и «Казахстанская правда» был опубликован некролог за подписями Д.А. Кунаева, С.Б. Ниязбекова, М.Б. Бейсебаева и других, в котором, кроме краткой биографии, в заключении были такие слова:

«Ж. Шаяхметов пользовался большим авторитетом среди коммунистов и всех трудящихся республики. Он внес значительный вклад в развитие экономики и культуры Казахстана.

Память о Ж. Шаяхметове — верном сыне партии, отдавшем всю свою жизнь делу коммунистического строительства, навсегда останется в наших сердцах»³³³.

Для организации похорон была создана правительственная комиссия. Прощание с бывшим руководителем Казахстана прошло в Казахском драматическом театре им. М. Ауэзова. Собралось много народа, приехали представители Омской, Южно-Казахстанской и других областей. В почетном карауле стояли соратники во главе с председателем правительственной комиссии по организации похорон, первым

³³¹ Семейный архив Шаяхметовых.

³³² Семейный архив Шаяхметовых.

³³³ Некролог Жумабаю Шаяхметову. Казахстанская правда. 18 октября 1966 г.; Социалистик Қазақстан. 18 октября 1966 г.

заместителем председателя Совета Министров Казахской ССР Г.А. Мельником, а также товарищи и ветераны Великой Отечественной войны.

Выступавшие на траурном митинге товарищи говорили о жизни и заслугах Жумабая Шаяхметова как добросовестного, честного, заботливого руководителя. Всем запомнились следующие слова Г. А. Мельника: «Беззаветная служба Родине, бескорыстие в личной и общественной жизни Шаяхметова Жумабая являются образцом и примером для всех нас и надолго останутся в памяти народа»³³⁴.

Однако в действительности все вышло совсем иначе. Убрав с дороги Жумабая Шаяхметова, Хрущев запретил упоминать его имя, а о его огромном вкладе в развитие республики постарались, как это водится, просто забыть. Либо сведения о нем сознательно искажали. Этой хрущевской установке некоторые казахские исследователи верны, как представляется, до сих пор. Так, в книге «Каныш Сатпаев. Энциклопедия», автор статьи, доктор наук, пишет о Шаяхметове: «При руководстве Ш. казахстанцы прошли голодомор, годы репрессий, военные годы», прекрасно зная, что во время голода Шаяхметов был студентом Московского института востоковедения (1932–1933 гг.), в период репрессий (1937–1938 гг.) Казахстан возглавлял Левон Мирзоян, а во время войны (1941–1945 гг.) — Николай Скворцов³³⁵.

Надо признать, что в общественном сознании целенаправленно культивировался образ бывшего чекиста, одержимого идеей преследования, в том числе видных представителей интеллигенции. Люди, не знакомые с той атмосферой, которая царила тогда в научной и творческой среде, принимали за чистую монету утверждения о том, что инициатором гонений был Жумабай Шаяхметов, при котором Е. Бекмаханов был арестован, а те же Ауэзов и Сатпаев вынуждены были уехать из республики.

³³⁴«Күрделі заманның қайсар қайраткері. Жұмабай Шаяхметов туралы естеліктер — Воспоминания о Жумабае Шаяхметове». — Алматы: Аударма, 2002. — С. 183.

³³⁵Каныш Сатпаев. Энциклопедия. — Алматы, 2013. — С. 492.

Выше мы приводили слова академика Ш. Чокина о том, что шарлатаны и темные дельцы от политики, которые наживали политический капитал и устраивали свою карьеру, создали в общественной жизни такую тяжелую обстановку, которая стала походить на ситуацию 1936—1938 гг. По мнению Чокина, Жумабай Шаяхметов и Ильяс Омаров выпустили ситуацию на идеологическом и политическом фронте в республике из под контроля.

В упоминавшейся уже книге «Ильяс Омаров. Жизнь и философия» приводится немало сведений, которые, на наш взгляд, проливают свет на то, что реально происходило тогда в республике:

«Как из рога изобилия посыпались в ЦК доносы. Шли письма с клеветой на Мухтара Ауэзова, Каныша Сатпаева, Юрия Домбровского, Николая Анова и десятки других видных личностей, чьи творческие достижения мозолили глаза серой посредственности»³³⁶.

Кстати, в Москве давно обратили внимание на необычайно большой поток жалоб и анонимок, поступавших в разные инстанции из Казахстана. Как-то в личной беседе с Ильясом Омаровым министр культуры СССР Е. Фурцева даже была вынуждена полушутливо-полупечально сказать, что «скоро в ЦК КПСС пора будет открыть отдельный “казахский отдел жалобных писем”, так их много»³³⁷.

В цитируемой книге, в частности, предпринимается попытка дать анализ этого тревожного феномена, который оказывал крайне негативное воздействие на моральный климат в обществе:

«Наблюдая за людьми, Ильяс Омаров пришел к полному согласию с утверждением Льва Толстого, что “полуобразованные люди хуже необразованных”. Амбициозность полуобразованных людей в соединении с отсутствием культуры, гуманного и терпимого отношения к окружаю-

³³⁶Сулейманов М. Х., Сулейманова Ж., Голубев А. «Ильяс Омаров: Жизнь и философия». – Алматы: Далель-принт, 2002. – С. 136.

³³⁷Там же. – С. 151.

щим действовала отталкивающе. Именно такие люди, для которых карьеризм стал смыслом жизни, а категории нравственности и морали отсутствовали вообще, и вели к катастрофе того периода. Карьеристы “держали нос по ветру”, хватали на лету партийные лозунги и призывы, заучивали наизусть вырванные из контекста цитаты и пользовались ими в своих пламенных иезуитских речах. Черная зависть глодала их по отношению к людям, добившимся успеха глубоким знанием дела и честным трудом. Полуобразованные выскочки понимали, что им нет места там, где дело процветает. Поэтому и стремились очернить тех, кто завоевал авторитет самоотверженным трудом и профессионализмом. Классовую борьбу использовали как борьбу с неугодными. Всех, кто негоден, объявляли классовыми врагами. Козыряя плебейско-пролетарским происхождением, принадлежностью к партии большевиков, знанием цитат из статей Ленина и Сталина, новоявленные “герои” были уверены, что наступила вечная эра их власти, их привилегированного положения в обществе»³³⁸.

Оценивая общую ситуацию и в стране, и в республике авторы книги обращают внимание на еще один существенный момент:

«Что касается Казахстана, лично Лаврентий Берия интересовался поведением казахстанской интеллигенции, поскольку республика была стратегически важна для Советского Союза. Именно Берия возглавлял работу по испытанию первых советских атомных и ядерных бомб на Семипалатинском полигоне. Последствия этих испытаний были непредсказуемыми. Заражение радиоактивными выбросами большой территории Казахстана могло повлечь за собой бунт населения и острую реакцию интеллигенции. К руководству Казахстана Берия доверия не испытывал. Особую антипатию вызывал Шаяхметов.

...

³³⁸ Там же. 2002. – С. 62.

Шаяхметов всегда опасался Берии. Чем могущественнее становился Берия, тем менее решительным становился Шаяхметов. Ильяс заметил, что к началу пятидесятых годов Шаяхметов начал терять былую уверенность в будущем и спокойствие. В 1949 году резко ухудшилось здоровье Сталина после вторично перенесенного инсульта. Вождь уже был не в состоянии управлять внутренней политикой. Остатки сил он сосредоточил на укреплении международных позиций СССР. Во внутренней политике все больше чувствовалось усиление властных полномочий Берии. Это очень беспокоило Шаяхметова. Как бывший чекист он понимал весь ужас последствий прихода на место Сталина Берии, что было весьма вероятно. Ильяс Омаров не знал многого из того, что знал Шаяхметов, потому не мог понять в то время усилившуюся осторожность первого секретаря.

В записной книжке Ильяса Омарова есть запись: “Мне сегодня один друг передал тайные переживания одного иезуита, называющего себя казахским интеллигентом. Он поведал о том, что, если за день не напишет хоть одно анонимное заявление на кого-нибудь, не может уснуть. Какая страшная привычка профессионального клеветника. Как беспредельна человеческая низость! К сожалению, мы плохо боремся с ними. Как это досадно!”³³⁹»

Читатель, уже ознакомленный выше с перипетиями «дела Бекмаханова» и обстоятельствами появления печально известной статьи в газете «Правда», может, как нам представляется, догадаться, о ком именно идет речь в следующем — очень показательном — отрывке из цитируемой нами книги:

«Ильяс Омаров, по собственному признанию, лишь раз в жизни посчитал необходимым изолировать человека от общества. Со словами: “Вся Академия наук будет спать спокойно!” и просьбой наказать этого человека он

³³⁹ Там же. — С. 135.

пришел к Шаяхметову. Он убеждал первого секретаря, что именно чувство безнаказанности порождает наглость у подобных иезуиту-“интеллигенту”, потому следует ждать волны “подметных писем”. На Омарова глянули грустные усталые разочарованные глаза. Пожав плечами, Шаяхметов флегматично сказал: “Поздно, Ильяс, поздно. Этот человек угождает кое-кому в Москве. И уже угодил. Если мы его тронем, нам самим не сносить голов. Мне три года назад предлагал наказать его Ахметжан Койшигулов. Но я как-то не очень прислушался. И тогда с ним трудно было справиться. А теперь ничего не сделаешь”. Ильясу показалось, что Шаяхметову нездоровится. Он поспешил забрать документы и покинул кабинет первого секретаря. К тому времени Шаяхметов уже страдал от приступов головной боли»³⁴⁰.

В последние годы вышло немало материалов, в которых авторы дают свою трактовку драматических событий тех лет, в том числе связанных с увольнением Каныша Сатпаева, на которого в ЦК поступало много жалоб от недоброжелателей. В приложении к настоящей работе приводится небольшой фрагмент из его многостраничного объяснительного письма на имя Жумабая Шахметова. В одной из недавно вышедших книг автор, справедливо, на первый взгляд, возмущенный неспособностью партийного руководства республики защитить видного ученого, пишет:

«Если взглянуть со стороны, то Казахстан — обширная республика, которая соединяет Азию и Европу. У нее есть своя Компартия, свое правительство. Хотя она и не вмешивается в иностранные дела, но ведь имеет право сама ведать своими внутренними, республиканскими делами. Как, например, решать — кто в этой стране является для всех образцовыми деятелями, передовиками труда. Разве не должны их знать руководители республики? Должны! И не просто знать, но и беречь как зеницу ока

³⁴⁰ Там же.

talanty, считающиеся национальным достоянием. Это их святой долг.

Ну, а глядя на первого секретаря Компартии Казахстана Жумабая Шаяхметова, секретаря по идеологии Ильяса Омарова, в сложившихся обстоятельствах и не скажешь, что долг этот исполняется. Председатель кабинета министров того времени тоже не стал предпринимать попыток для того, чтобы сохранить национальные кадры, и совсем не вмешивался в эти дела. Они не смогли заступиться ни за одного из деятелей науки и культуры, когда те подверглись жестоким гонениям и были отправлены в ссылку»³⁴¹.

Формально против этого возразить нельзя. Однако считаем нужным обратить внимание на то, что как бывший сотрудник органов госбезопасности Жумабай Шаяхметов, реально ценивший Сатпаева, но бессильный перед системой и лучше других понимавший, как глубоко «копали» под видного ученого клеветники и как быстро в существовавшем тогда в обществе климате его могут подвести под реальный срок, предложил академику парадоксальное, на первый взгляд, решение: уволиться по собственному желанию, тем самым разрядив обстановку и выйдя из под прямого удара. На это уязвленный Сатпаев ответил категорическим отказом, не желая оставлять Академию, свое детище, и ученых «на растерзание толпы бездарей».

Автор упомянутой книги, описывая трудный разговор академика с первым секретарем ЦК, рисует неприглядный портрет Жумабая Шаяхметова, который во время беседы вскакивал и повышал голос:

«Шаяхметов еле сдерживал себя, готовый лопнуть от злости. Его лицо цвета пшеницы стало красным от перевозбуждения и он, заикаясь, выдавил из себя: “Если вы не уйдете по собственному желанию, то мы найдем другие пути, чтобы уволить вас”»³⁴².

³⁴¹ Жумадилов К. «Слезы академика». Алматы: издательство «Мерей», 2019. – С. 153–154.

³⁴² Там же. – С. 156.

Оставим такое описание на совести не присутствовавшего при той беседе литератора, который сам отнес свое произведение к жанру повести, но отметим, что такая характеристика поведения Жумабая Шаяхметова работает на тиражирование расхожего представления о бывшем чекисте, но расходится с оценками тех, кто имел возможность изо дня в день наблюдать его в работе:

«Спокойный, терпеливый хладнокровный Шаяхметов с первой встречи показался Ильяссу Омарову подобным буддийскому монаху, отрешенному от мирской суеты. Он казался человеком-загадкой, “вещью в себе”. Его самообладание не раз восхищало Ильяса Омарова.

...

Обычно Шаяхметов был сдержан и суров. Он никогда не кричал, не стучал кулаком по столу, никого не оскорблял, считал это выражением слабости и недозволёнными эмоциями. Но и похвалу от него можно было заслужить нечасто. Из всех эмоций он позволял себе только смех, да и то в очень хорошем расположении духа. Сам Ильяс Омаров даже после ухода в 1966 году Шаяхметова из жизни вспоминал о нем сдержанно: с большим уважением, но и без эмоциональных эпитетов»³⁴³.

Причина такой сдержанности вполне объяснима: из-за «дела Бекмаханова» между Шаяхметовым и Омаровым, лишившимся в результате должности секретаря ЦК по идеологии, произошла принципиальная размолвка. Но даже после этого, когда Шаяхметов потерял руководящее положение и Ильяса Омарова спрашивали он нем, он отвечал, что «Жумабай Шаяхметов был достойным руководителем и много сделал для развития Казахстана»³⁴⁴.

Изгилик Дабаев, ветеран Великой Отечественной войны, личный секретарь Алиби Джангильдина и бывший заведующий отделом наград Верховного Совета КазССР, дополняет портрет Жумабая Шаяхметова такими штрихами:

³⁴³Сулейманов М. Х., Сулейманова Ж., Голубев А. «Ильяс Омаров: Жизнь и философия». Алматы: Далель-принт, 2002. – С. 108, 127.

³⁴⁴Там же. – С. 141.

«В любом деле он не допускал двусмысленности, каких-то закулисных интриг, любил открытость и конкретность, вопросы не тянул, решая все оперативно и в целом объективно. Он в совершенстве владел казахским языком и никогда не пользовался шпартгалкой, при этом обладал хорошей мужской дикцией. Сколько помню визитов руководителей союзного масштаба, ни перед кем из них не заискивал, тем более не угодничал, а держал спину в буквальном смысле прямо. Была в нем какая-то исконная гордость независимого степняка-кочевника»³⁴⁵.

Упомянувшийся выше В. А. Ливенцов, очень хорошо знакомый с теми задачами, которые тогда приходилось решать партийным органам республики, и с тем, как срабатывали «внутренние пружины» в структурах власти, высказал такую точку зрения:

«Много лет прошло с той поры. Но память о Жумабае Шаяхметове все жива. Слишком круто обошлись с ним. Ведь его хорошо знали не только в партийной среде. Он снискал широкую популярность в народе за огромные усилия в преодолении экономической и культурной отсталости республики. Это свое мнение я затем открыто высказал Брежневу, когда ближе познакомился с ним. “А как по-твоему следовало поступить?” – спросил он. “Для пользы дела, – ответил я, – можно было оставить его одним из секретарей ЦК”»³⁴⁶.

Д.А. Кунаев, возглавивший потом республику, по словам внука Жумабая Шаяхметова, был в числе тех, кто от бывшего руководителя не отвернулись и предлагали свою помощь³⁴⁷.

³⁴⁵ Дабаяев И. XX век: Портреты выдающихся деятелей: Серия очерков. – Алматы: «ПринтЭкспресс Издательство и полиграфия». 2012. – С. 64.

³⁴⁶ Ливенцов В. А. Моё время. – Актобе. ОАО «Полиграфия». 1999 г. – С. 94.

³⁴⁷ «Күрделі заманның қайсар қайраткері. Жұмабай Шаяхметов туралы естеліктер — Воспоминания о Жумабае Шаяхметове». – Алматы: – Аударма, 2002. – С. 192.

Однако на официальном уровне с установками Москвы в отношении опального лидера не считаться он не мог. Об этом свидетельствует один характерный эпизод, описываемый В.А. Ливенцовым:

«Уже позже, когда я работал первым секретарем в Чимкенте, в Келесском районе, примыкающем к территории Узбекистана, на новых землях мы создали новый виноградарский совхоз и присвоили ему имя Шаяхметова. Чтобы узаконить это название, требовалось согласие ЦК. Мне пришлось обратиться лично к Д.А. Кунаеву. Он ответил: “Подумаем”. Прошло некоторое время, но ответа мы не получили. Пришлось снова обратиться к Динмухамеду Ахмедовичу. И опять услышали: “Мы пока думаем”. Нам стало ясно, что положительного ответа не будет. Тогда обком и облисполком приняли решение назвать хозяйство “Жузындык” — “Виноградарь”. Оно называется так и поныне. Думаю, что ЦК напрасно поскромничал, не дав согласия присвоить новому совхозу имя Шаяхметова»³⁴⁸.

После смерти Жумабая Шаяхметова Д.А. Кунаев принимал попытки каким-то образом отдать дань его памяти, например, предлагал Л. Брежневу в 1966 году назвать строящуюся на Медео плотину именем Шаяхметова, но поддержки не получил³⁴⁹.

Асанбай Аскарлов в своих воспоминаниях справедливо задает вопрос: «Какую же крупную, непоправимую ошибку мог совершить Шаяхметов, чтобы его отлучить от народа? На мой взгляд, не было такой ошибки»³⁵⁰.

³⁴⁸Ливенцов В. А. Моё время. – Актобе. ОАО «Полиграфия». 1999 г. – С. 95

³⁴⁹Кабульдинов З., Шаяхметов Р. «Жумабай Шаяхметов. Первый национальный секретарь Казахстана». Вестник архивной службы г. Алматы «Хабаршысы». 2019. № 2. – С. 21–22.

³⁵⁰Аскарлов А. – С. 192–194.

ГЛАВА 7

В ПАМЯТИ ПОТОМКОВ

Даже в период наступившего по команде сверху забвения и вопреки попыткам недоброжелателей продолжать мазать все его дела черной краской добрая память о Жумабае Шаяхметове в людях жила, поскольку слишком велик был масштаб того, что было сделано им и его соратниками в очень непростые для Казахстана годы. Уйдя из жизни и надолго исчезнув из учебников истории, он продолжился в своих детях, внуках, правнуках и праправнуках.

У Майнур с Жумабаем было семеро детей: пятеро сыновей и две дочери. Первенец-дочь и двое сыновей умерли в младенческом возрасте. Четверо выживших детей и приемный сын Владимир, родители которого погибли во время бомбежки Харькова в 1941 г., выросли образованными, честными и порядочными людьми, достойными его имени. Кстати, Владимир Жумабаевич по паспорту считался казахом и прекрасно говорил по-казахски. От десяти внуков появились многочисленные правнуки и праправнуки, которые живут на трех континентах и воспитываются в духе уважительного отношения к семейным корням и традициям.

Немалую роль в сохранении в семье памяти о знаменитом предке играют воспоминания близких, которые своими наблюдениями изнутри дополняют сухие детали официальной хроники. Вот как вспоминала отца его любимая дочь Алма:

«У папы был очень напряженный рабочий день, продолжительностью 13–15 часов. К 9 часам утра он уезжал

на работу и возвращался домой к 6 часам вечера. После обеда он ложился спать, а в половине 11 ночи я его будила, и он снова ехал на работу до 3-х, 4-х часов ночи. А на следующий день снова на работу к 9 часам. И так в течение 6 дней.

Иногда к концу дня я приходила к нему на работу и видела у него на рабочем столе пепельницу с горой окурков. Он за день выкуривал по 2 пачки папирос «Казбек», иногда он курил трубку (табак “Золотое руно”).

....

В те годы дети некоторых руководящих работников уезжали учиться в Москву и Ленинград. Мне тоже захотелось поехать в Москву, в МГУ. Но отец сказал: “У нас в университете профессорско-преподавательский состав сильный, иди в университет на любой факультет”. И я поступила в Казахский государственный университет имени С.М. Кирова на геолого-географический факультет, географическое отделение...

....

Отец любил музыку, оперные постановки, драму. Его любимой песней была “Қараторғай”. ... Во время войны был открыт театр для детей – ТЮЗ, и отец ездил перед открытием в театр, чтобы встретиться с руководителем театра Н.И. Сац и исполнителями. Я тоже была на этой встрече, познакомилась с Н.И. Сац, Юлей Карасевой (“Красная шапочка”), Ю. Померанцевым и др.

Меня отец в театры не брал, его сопровождали старшие сыновья. А мне папа перед отъездом говорил: “К нашему возвращению из театра испеки картошку в мундире”. У нас были тогда дровяные печи, которые топились саксаулом. И в горячих углях мы пекли картошку и все с удовольствием ели.

Отец любил смотреть исторические и музыкальные фильмы. У нас дома была аппаратура, и каждую субботу мы смотрели фильмы “Ленин в Октябре”, “Ленин в 1918 году”, “Суворов”, “Кутузов”, “Георгий Саакадзе”, му-

зыкальные фильмы с участием Дины Дурбин, Жаннет Макдональд, Бениамино Джили.

...

Любимым блюдом у него был бесбармак»³⁵¹.

Очень теплые зарисовки простых жизненных ситуаций оставила сноха Розалия, супруга старшего сына Равиля:

«Однажды, выйдя в магазин, я увидела, как Жумеке подъехал на машине с работы. Увидев меня на углу Фурманова и Курмангазы, он присоединился ко мне, и мы пошли пешком вниз. Не успели оглянуться, как оказались в Парке Федерации (ныне парк им. 28 героев-панфиловцев), где стоял цирк “Шапито”. Мы зашли и сели в правительственную ложу. Все на нас оглянулись, а Жумеке по-мальчишески улыбался, радуясь, что охрана его “прозвала”. Однако, минут через 15, лестница заскрипела и появились охрана и Равиль.

С его родителями мне было очень хорошо, мы находили полное взаимопонимание. Это были искренние и доступные люди. Я с каждым днем привязывалась к ним все больше и больше. Никогда не думала, что родители мужа будут так трогательно и бережно относиться ко мне. Я себя чувствовала не снохой, а дочерью.

Мария Галиевна очень любила вышивать картины. У нее были даже выставки. До сих пор помню “Возвращение блудного сына”.

В доме царила дружная семейная атмосфера...

...

Он очень любил, уйдя от охраны, походить по городу, “поторговаться” на базаре. “Если ты в шляпе, так что теперь, даром отдавать тебе товар?”, — сердились продавцы. А он – довольный, улыбается. Смеется от души.

Однажды он прослышал, что в магазинах нет оберточной бумаги. Он пошел в магазинчик на “Пугасов мост”

³⁵¹Күрделі заманның қайсар қайраткері. Жұмабай Шаяхметов туралы естеліктер — Воспоминания о Жұмабае Шаяхметове. – Алматы: Аударма, 2002. – С. 194–196.

и попросил отпустить ему 300 граммов самых дешевых конфет, без фантиков, которые в народе называли “Дунькина радость”. Продавец – сама неприступность – с отсутствующим взглядом ответила, что бумаги нет. Тогда Жумеке снимает свою шляпу и просит насыпать конфеты прямо туда, приговаривая, что жена будет рада. Продавщица опешила и возмутилась. На шум вышел директор магазина, извинился и “сплавил” нерадивую сотрудницу в подсобку. На следующий день бумага появилась во всех магазинах.

Он очень любил инкогнито появляться в людных местах, в магазинах, базарах, на улицах. Беседовал с людьми, спорил, шутил. Он очень любил свой народ, и люди отвечали ему взаимностью³⁵².

Говоря о сохранении памяти об этом видном государственном деятеле Казахстана, следует отметить, что в последние десятилетия в этом направлении предпринят ряд шагов.

Статья о Жумабае Шаяхметове включена в биографическую энциклопедию «Кто есть кто в Казахстане»³⁵³.

В 1998 г. была издана, а в 2001 г. переиздана книга «Первые лица государства: политические портреты», в работе над которой участвовали ведущие политологи и историки страны. В авторский коллектив вошли 16 человек. Книга была подготовлена в соответствии с правилами, от которых в настоящее время практически отошли. То есть был главный редактор И. Тасмагамбетов, ответственные редакторы Е.Абен, А. Тулегулов, научный консультант М. Козыбаев, редакционный совет, состоявший из 6 человек. Свой труд они назвали скромным опытом создания политических портретов первых лиц казахстанского государства и оценки их деятельности с точки зрения истории и современности, размышлениями над перипетиями человеческих судеб и драмой

³⁵²Там же. – С. 202–204.

³⁵³Ашимбаев Д.Р. Кто есть кто в Казахстане. Биографическая энциклопедия. Изд. 12-е, доп. – Алматы. – С. 1229.

национальной истории. Жумабай Шаяхметов назван лидером послевоенной поры, и ему уделены страницы 268–276. В целом, дана его характеристика и сделаны выводы по его работе в послевоенный период³⁵⁴.

В 2000 г. вышла книга исследователя-историка Касыма Мухаметкалиева «Әр жылдар толғамы — Размышления разных лет»³⁵⁵, в которой значительное место отводится анализу вклада человека, возглавившего республику в трудные послевоенные годы.

К 100-летию со дня рождения Жумабая Шаяхметова, которое отмечалось 30 августа 2002 г., в Академии наук РК 5 сентября 2002 г. была проведена научно-практическая конференция «Жумабай Шаяхметов: жизнь и деятельность». Выступая на ее открытии, Мухтар Кул-Мухаммед, министр культуры, информации и общественного согласия, в частности, сказал:

«Отличительной чертой Жумабая Шаяхметова являлась отзывчивость к судьбам своих соотечественников, он оставался всегда простым в общении с людьми, старался все проблемы изучать изнутри. Благодаря этим качествам имел высокий авторитет среди подчиненных и простых людей.

Несмотря на жесткие рамки существовавшей тогда партийной идеологии и политических установок, Жумабай Шаяхметов смело вставал на защиту известных деятелей науки и культуры. Ради торжества исторической правды сегодня необходимо сказать о той большой роли, которую сыграл Жумабай Шаяхметов в судьбе Ауэзова и Сатпаева, в том, что они избежали тотальных репрессий 50-х годов. Так, по совету Жумабая Шаяхметова Сатпаев был отправлен в Москву для продолжения научной деятельности. Имеющиеся архивные материалы

³⁵⁴Первые лица государства: политические портреты. Колл. авторов. – Алматы, 2001. – С. 268–276.

³⁵⁵Касым Мухаметкалиев. «Әр жылдар толғамы — Размышления разных лет». – Алматы, «GAUHAR» ЖШС., 2000. – с. 166.

свидетельствуют о политической смелости и решительности Шаяхметова, благодаря усилиям которого состоялось возвращение Сатпаева на Родину из опалы и забвения. В воспоминаниях людей, знавших его и работавших с ним в различные периоды, Шаяхметов предстает как дальновидный политик, талантливый организатор и компетентный руководитель. Очень тепло отзывались о Шаяхметове соратники и коллеги по работе. В своих воспоминаниях Динмухамед Ахметович Кунаев пишет: “В отличие от своих предшественников, он был аккуратным руководителем и хорошим организатором. Под его руководством еще более высокие темпы стала набирать экономика Казахстана в послевоенные годы”. Ильяс Омаров, бывший секретарь ЦК Компартии Казахстана по идеологии, лично знавший Жумабая Шаяхметова, говорил, что в 1940—1950-х гг. в Казахстане не было другого такого выдающегося деятеля, как Шаяхметов.

Наша цель-сохранить в памяти будущего поколения историю жизни и деятельности человека, сумевшего достойно руководить республикой в один из самых тяжелых и противоречивых периодов в истории нашего государства»³⁵⁶.

На конференции выступили также Байгельди Омирбек, заместитель председателя Сената РК, А. Кошанов, академик-секретарь Отделения общественных и гуманитарных наук НАН РК, К. Алдажуманов, заместитель директора Института истории и этнологии, Д. Куанышев, вице-министр иностранных дел, Л. Дегитаева, директор Архива Президента РК, Б. Ашимов, бывший председатель Совета Министров Казахской ССР, Ж. Балапанов, доктор экономических наук, А. Шалов, председатель Совета ветеранов войны и труда г. Алматы, Г. Нурбекова, доцент, ветеран партии, Н. Сансызба-

³⁵⁶Кабульдинов З., Шаяхметов Р. «Жумабай Шаяхметов. Первый национальный секретарь Казахстана». Вестник архивной службы г. Алматы «Хабаршысы». 2019. № 2. – С. 30–32.

ев, заслуженный экономист РК, А. Шаяхметов, ответственный работник Секретариата ООН в Нью-Йорке, внук Жумабая Шаяхметова и др.

Академик Манаш Козыбаев, на чью оценку опирался М. Кул-Мухаммед в своем вступительном слове, писал в свое время:

«Годы работы Шаяхметова в высшем руководстве республики были сопряжены с продолжавшимися с 30-х годов гонениями на национальную интеллигенцию со стороны режима. Возможно, истины ради необходимо отметить, что, по документам архива бывшего ЦК КПСС, именно благодаря принципиальности и личному заступничеству Ж. Шаяхметова, в конце 40-х – начале 50-х годов в республике были предотвращены широкомасштабные репрессии против интеллигенции. Благодаря этому в начале 50-х годов избежали ареста освобожденный от должности Президента АН КазССР К. И. Сатпаев, писатель Мухтар Ауэзов и многие другие. Шаяхметов проявлял также твердость в отстаивании оценки движения Кенесары Касымова как национально-освободительного. Лишь вмешательство ЦК ВКП(б) и обвинительная статья в газете «Правда» о движении Кенесары и книге Е. Бекмаханова вынудили Ж. Шаяхметова отступить от своей позиции и признать “ошибку”»³⁵⁷.

В 2002 г. к юбилею был издан сборник воспоминаний «Күрделі заманның қайсар қайраткері Жұмабай Шаяхметов туралы естеліктер — Воспоминания о Жумабае Шаяхметове»³⁵⁸, на который мы здесь не раз ссылались. Его открывает статья историка К. Алдажуманова. В сборник включены материалы и фрагменты воспоминаний А. Аскаророва, К. Байсеитова, Т. Бигельдинова, А. Жаймурзина, К. Кайсенова, З. Камалитденова, Д. Кунаева, С. Нурмагам-

³⁵⁷Там же.

³⁵⁸Күрделі заманның қайсар қайраткері. Жұмабай Шаяхметов туралы естеліктер — Воспоминания о Жумабае Шаяхметове. — Алматы: Аударма, 2002. – 216 бет.

бетова, К. Салькова, Н. Сац, Ш. Чокина, А. Шалова и многих других современников.

В 2008 году вышла книга ветерана журналистики Мадата Аккозина «Вернуть из забвения: правдивая история о Жумабае Шаяхметове, первом казахе, возглавившем республику». В ней автор пишет:

«В целом Жумабая Шаяхметова отличали верность родному народу, колоссальная отдача в работе, скромность в быту и доброжелательность к окружавшим его людям. Он являлся требовательным воспитателем и выдвиженцем целой плеяды талантливых руководителей всех сфер науки, культуры и народного хозяйства, которым передавал огромное чувство долга и ответственности в служении народу и государству»³⁵⁹.

По нашему мнению сама книга М. Аккозина примечательна, в первую очередь, тем, что сын и внук крупнейшего полуфеодала³⁶⁰ поднимает вопрос о воздании почестей бывшему батраку, сыну и внуку батрака, представителю той самой кара сүйек, что презиралась верхами дореволюционного казахского аула. Впрочем, старейшины аула, где родился Шаяхметов, утверждали, что свое истинное происхождение Жумабай, как и многие в ту пору, был вынужден скрывать. Существует шежіре — генеалогическая родословная, согласно которой его род восходит к Токтамыс-би. Эта версия ждет своего исследователя.

В 2010 г. авторы настоящей книги издали учебное пособие «Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху»³⁶¹, презентация которого прошла в Казахстане и России. В нем были собраны материалы о Филиппе Голощекине, Левоне Мирзояне, Николае Скворцове и Жумабае Шаяхметове, ко-

³⁵⁹Аккозин М. «Вернуть из забвения: правдивая история о Жумабае Шаяхметове, первом казахе, возглавившем республику». — Алматы, 2008. — С. 2.

³⁶⁰Там же. — С. 198.

³⁶¹Григорьев В.К., Ахметова Л.С. «Первые лица Казахстана в сталинскую эпоху». — Алматы, 2010. — 232 с.

торые были руководителями Казахстана в почти 30-летний самый сложный период истории Казахстана в XX веке. В этих очерках, написанных в жанре политической истории, рассказывалось о времени, когда И. Сталин последовательно менял не только руководителей республики, но и свой взгляд на политику, стратегию и, наконец, тактику проводимых в стране и Казахстане преобразований. В очерке «Жумабай Шаяхметов. Груз властной ноши выдержал» рассказывалось о вкладе в усилия по обеспечению благосостояния и процветания Казахстана государственного деятеля, который оставил после себя полную электрификацию страны, отстроенные заводы и фабрики, животноводство и сельское хозяйство, способные прокормить страну, новые школы, высшие учебные заведения, театры и кинотеатры. Это очерк лег в основу некоторых глав настоящей работы.

С целью введения в научный оборот ранее неизвестных и недоступных научной общественности документов Архив Президента Республики Казахстан в 2010 г. издал небольшим тиражом книгу «Рассекреченная война: “особые папки” ЦК КП (б) Казахстана. 1941–1945 гг. Сборник документов». В сборнике были опубликованы документы, с которых снят гриф высшей формы секретности: постановления СНК и ЦК КП (б) Казахстана и приложения к ним за годы Великой Отечественной войны. В этих документах отражены самые разные вопросы, свидетельствующие о напряженной жизни республики в военные годы. Имеются документы за подписью Жумабая Шаяхметова³⁶².

Важным событием, которое состоялось 4 декабря 2018 года, стал круглый стол «Вопросы персоналистики советской истории: Жумабай Шаяхметов», организованный Архивом Президента Республики Казахстан (АП РК) и Институтом истории и этнологии имени Чокана Валиханова (ИИЭ),

³⁶²Рассекреченная война: «Особые папки» ЦК КП (б) Казахстана. 1941–1945 гг. Сборник документов. Отв. редактор В.Н. Шепель. Отв. составитель Е.М. Грибанова. – Алматы: ДП «Эдельвейс», 2010. 604 с.+12 с. вкл. с фото.

на котором выступили Д. Абдукадырова, директор АП РК, З. Кабульдинов, директор ИИЭ, Б. Джапаров, К. Алдажуманов, М. Сарсембаев, Ф. Ташенева, Р. Шаяхметов и другие.

Жумабай Шаяхметов включен в список великих исторических деятелей, увековечиванию наследия которых посвящен проект «Великие имена Великой степи», реализуемый по программе «Рухани жаңғыру».

В 2019 году в рамках упомянутого выше проекта «Великие имена Великой степи» вышел сборник материалов³⁶³, составленный Институтом истории и этнологии им. Ч. Валиханова. Он представляет собой печатную версию трёхязычной мультимедийной платформы, на которой представлена галерея исторических образов. В Вестнике архивной службы г. Алматы была перепечатана статья из этого сборника «Жумабай Шаяхметов. Первый национальный секретарь Казахстана»³⁶⁴, подготовленная директором Института истории и этнологии Кабульдиновым З. и исследователем Шаяхметовым Р. В ней приводятся ранее не публиковавшиеся сведения и материалы, на которые мы ссылались в настоящей работе.

В 2019 году в Омском историческом архиве был открыт личный фонд Жумабая Шаяхметова, на основе документов, книг и фотографий, предоставленных его семьей³⁶⁵.

В 2020 году в канун 75-летия Победы Архивом Президента Республики Казахстан была переиздана книга «Рассекреченная война. «Особые папки» ЦК КП(б) Казахстана. 1941–1945»³⁶⁶, которая была дополнена новыми документами и

³⁶³ Великие имена Великой степи. Сборник материалов. – Алматы: Литера-М, 2019. – 640 с.

³⁶⁴ Кабульдинов З., Шаяхметов Р. «Жумабай Шаяхметов. Первый национальный секретарь Казахстана». Вестник архивной службы г. Алматы «Хабаршысы». 2019. № 2.

³⁶⁵ Исторический архив г. Омск. Личное дело Ж. Шаяхметова. 2019.

³⁶⁶ Рассекреченная война: «Особые папки» ЦК КП (б) Казахстана. 1941–1945 гг. Сборник документов. / Отв. редактор В.Н. Шепель. Отв. составитель Е.М. Грибанова, А.С. Зулкашев, Г.Н. Мурзагалиева, Е.В. Чиликова (отв. сост.). – Алматы: LTM, 2020. 608 с.+12 с. вкл. с фото.

историческими справками. Вошедшие в сборник постановлений СНК и ЦК КП(б) Казахстана, приложения к ним отражают самые разные стороны политической, экономической и общественной жизни республики, содержат свидетельства напряженности военного времени, фронтовой обстановки и трудовых будней тыла. Эти свидетельства, отложившиеся в фондах партийных документов и обособленные в составе так называемых «особых папок», на документы которых наклеивался высший гриф секретности, позволяют получить представление о функционировании механизмов взаимодействия власти и общества в военный период. Документы, которые ранее не были доступны военным историкам, могут стать основой для новых исследований и гипотез в контексте истории войны 1941—1945 гг. Все эти документы проходили через первого и второго секретарей ЦК Компартии Казахстана, изучались ими, выполнялись и держались «на контроле».

Большую роль в сохранении памяти о Жумабае Шаяхметове сыграли М. Козыбаев, З. Кабульдинов, М. Аккозин, К. Алдажуманов, К. Мухаметкалиев, Ж. Балапанов, Т. Бегельдинов, Л. Ахметова, В. Григорьев, Е. Зангиров, К. Кайсенев, М. Мезгильбаев, К. Салыков, Н.Сансызбаев, Ш. Чокин, Р. Шаяхметов, Г. Галкина и др.

В 2002 году в ознаменование 100-летия со дня рождения Жумабая Шаяхметова на доме в Алматы, где он жил (угол ул. Курмангазы и тогдашней ул. Фурманова), была открыта мемориальная доска.

Примечательно, что первым городом, почтившим память бывшего руководителя Казахстана, стал Шымкент, в котором завершилась его партийно-государственная карьера. Решением Шымкентского городского акимата от 10 июня 2010 года, по инициативе делегатов областной партийной конференции КНПК, одной из улиц города Шымкента было присвоено имя Ж. Шаяхметова, была установлена памятная доска.

В заключение отметим: нами была предпринята попытка в общих чертах показать портрет человека, который стал

руководителем одной из наиболее крупных советских республик в 43 года и который в буквальном смысле положил на алтарь отечества собственное здоровье. Мы попытались параллельно с этим описать предвоенную, военную и послевоенную эпоху, в которую жили своими заботами и мечтами наши отцы, деды, прадеды. То время от нас отодвинулось не так далеко: старшее поколение его еще помнит. А пока жива память о людях, запечатленная в книгах, есть надежда, что время сохранит их для потомков.

Подводя итог всему вышесказанному, хотелось бы обратить особое внимание на то, что все годы своего пребывания на руководящих постах в Казахстане Жумабай Шаяхметов поступал как истинный патриот своей республики. Ему выпала нелегкая доля в сталинскую эпоху взвалить на свои плечи тяжкое бремя высокой ответственности. Но именно в эти годы, несмотря на все характерные для той поры негативные явления, начал стремительно формироваться новый культурный базис Казахстана, когда этнос начал осознавать себя как нечто целое. Именно тогда был создан весь тот инфраструктурный комплекс, который стал позднее базой нынешней суверенности.

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателю.....	3
Предисловие	4
<i>Глава 1</i>	
Время становления как политика	6
<i>Глава 2</i>	
Груз военной эпохи.....	31
<i>Глава 3</i>	
Тяжелые послевоенные годы	89
<i>Глава 4</i>	
Новый виток репрессий.....	133
<i>Глава 5</i>	
Хрущевские реформы и Казахстан.....	187
<i>Глава 6</i>	
Вынужденный уход.....	218
<i>Глава 7</i>	
В памяти потомков.....	235

Ахметова Лайла Сейсембековна
Григорьев Владислав Константинович

**Жумабай Шаяхметов
и его время**

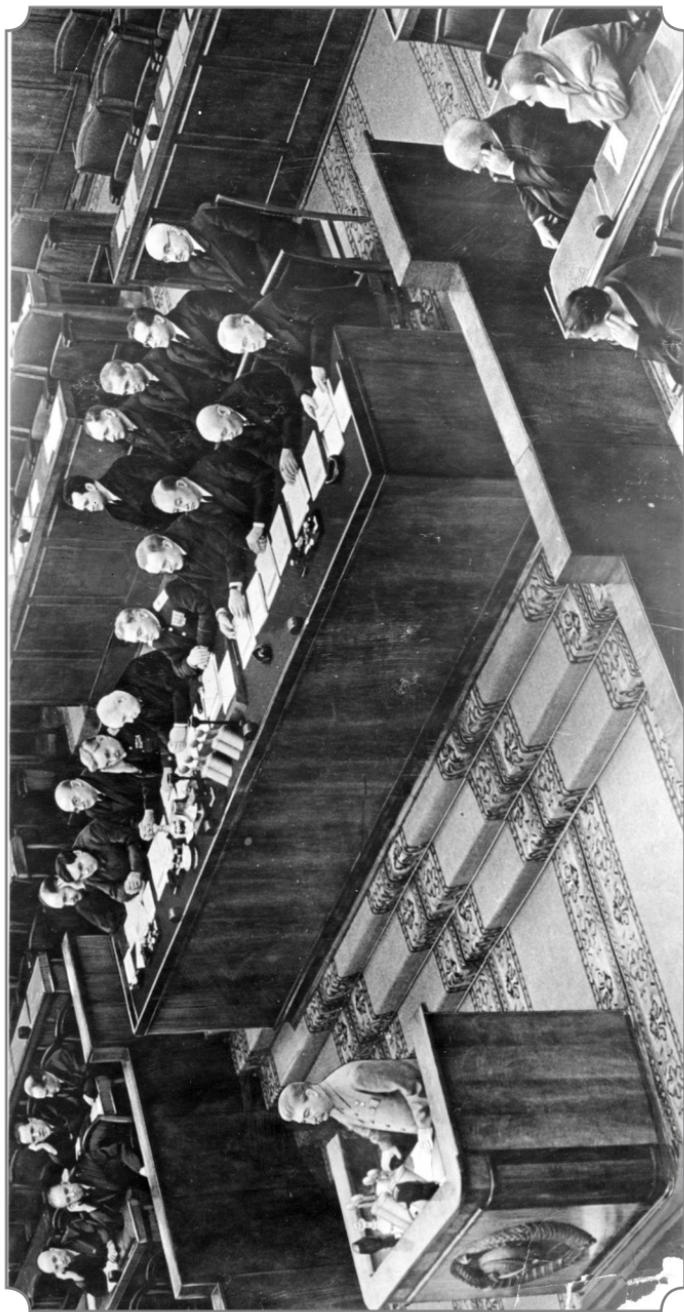

Технический редактор Эльмира Заманбек
Художественный редактор Женис Казанкапов
Дизайнер Жамшидбек Эгамбердиев
Компьютерная верстка Гулизы Акишевой

Подписано к печати 27.05.21.
Формат 84 × 108 $\frac{1}{32}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. п. л. 13,02. Заказ № 119. Тираж 1000

Издательство «Фолиант».
010000, г. Нур-Султан, ул. Ш. Айманова, 13

Отпечатано в типографии «РЕГИС-СТ Полиграф»
010000, г. Нур-Султан, ул. Ш. Айманова, 13

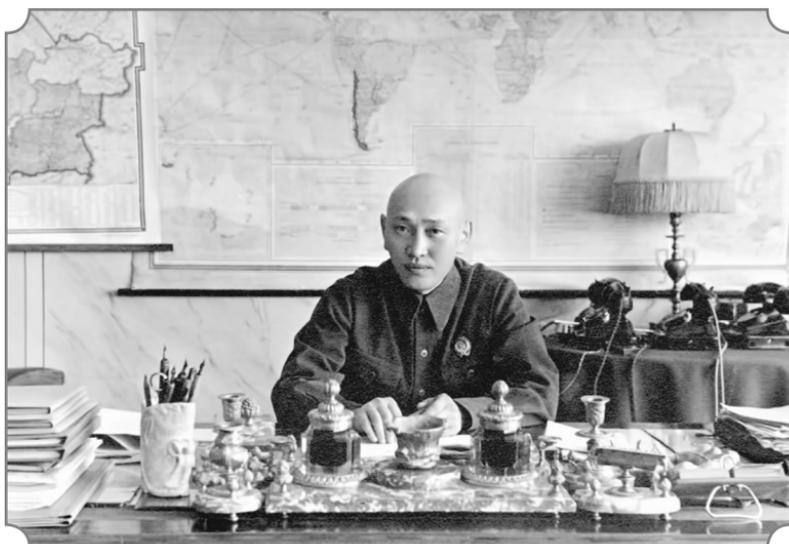
*Жумабай Шаяхметов (второй справа в первом ряду) в Президиуме XIX съезда КПСС.
На трибуне выступает И. Сталин. Москва, октябрь, 1952 год*

*Жумабай Шаяхметов и Джамбул Джабаев на первом
Республиканском айтысе акынов в Казахском академическом
театре оперы и балета.*

Алма-Ата, 4 декабря 1943 года

Жумабай Шаяхметов, второй секретарь ЦК КП(б) Казахстана.

Алма-Ата, 1941 год

*Ж. Шаяхметов, депутат
Верховного Совета
СССР первого созыва,
делегат XVIII Всесоюзной
партконференции.
Москва, февраль, 1941 года*

*Жумабай Шаяхметов
выступает на
25-тысячном митинге
в Парке имени Горького
в день начала Великой
Отечественной войны.*

*Алма-Ата, 22 июня
1941 года*

Семья Шаяхметова на переднем плане дочь Алма, второй ряд - Жумабай, приемный сын Владимир, жена Майнур Галиевна; третий ряд – сыновья Равиль и Ноэль.

Алма-Ата, 20 декабря 1943 года

Удостоверение первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Жумабая Шаяхметова, 1952 год.

Центральный государственный музей Республики Казахстан

Жумабай Шаяхметов (опирается на лыжную палку) и члены правительства Казахской ССР М. Бутин, А. Кистауов, Д. Кунаев, А. Шарипов после лыжного кросса. Алма-Ата, 1949 год

*Жумабай Шаяхметов
во время командировки
в Южно-
Казахстанскую
область. Из картотеки
редакции газеты
Правда Южного
Казахстана, 1950 год*

*Старшие дети Жумабая Шаяхметова, справа-налево Равиль
Жумабаевич (инженер-металлург), Алма Жумабаевна (географ) и
Нозль Жумабаевич (медик-антрополог).*

Алма-Ата, 7 ноября 1951 года

*Супруга Жумабая
Шаяхметова
Майнур Галиевна
повязывает
пионерский галстук
Володе Шаяхметову
Рядом - дочь Алма.
Алма-Ата, 1 мая
1947 года*

*Шаяхметов ведет заседание 2-й сессии 3-го созыва Верховного
Совета СССР. За столом Президиума И. Сталин, М. Яснов,
Н. Шверник, М. Якубов, К. Ворошилов. Москва, 1951 год*

*Выступление Ж. Шаяхметова на митинге строителей
Усть-Каменогорской ГЭС в день пуска первой турбины.
21 декабря 1952 года*

Ж. Шаяхметов с семьей на избирательном участке.

Алма-Ата, 1950 год

Ж. Шаяхметов и Н. Кузембаев, председатель Алма-Атинского облизполкома, на митинге, посвященном 100-летию Джамбула.

Алма-Атинская область, 1947 год

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР

ДЛЯ ЗАМЕТОК АДРЕСАТА:

Прим: 80 0943	397	Передача: 9	Адрес: УВЕДОМЛЕНИЕ ТЕЛЕГРАФОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ МОСКВА ГОСТИНИЦА МОСКВА КОМНАТА 518 ТОВАРИЩУ ШАХМЕТОВУ-
80 1005		го ч м	
№ 391	29/8	Св. №	
Имя: ИС КУЗЬМИНА	А-АТА	Передал:	
№ АЛМА-АТЫ 1811 84 30 0930-			
г. сл. го ч. м.			

ГОРЯЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕМ ЭПТ ЗАСЛУЖЕННОЙ ВАМИ
ВЫСОКОЙ НАГРАДЫ ЖЕЛАЮ МНОГИХ МНОГИХ ЛЕТ КРЕПКОГО ЗДОРОВЬЯ
ПЛОДОТЕОРНОЙ СЧАСТЛИВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА БЛАГО НАШЕЙ ОТЧИЗНЫ
СЕРДЕЧНЫМ ПРИВЕТОМ=АУЗОВ_

*Правительственная телеграмма М. Ауэзова
Ж. Шаяхметову в связи с его 50-летием.
Москва, 30 августа 1952 года. Архив семьи Шаяхметовых*

Барлық елдердің пролетарлары, бірігіңдер!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ҚАЗАҚСТАН КОММУНИСТ (большевиктер) ПАРТИЯСЫ
ОРТАЛЫҚ КОМИТЕТ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков) КАЗАХСТАНА
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ _____

ЦК ВКП(б), сектор учета
кадров ЦК КП(б)К.

СТРОГО СЕКРЕТНО

_____ 19 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

бюро ЦК КП(б) Казахстана протокол № _____ пункт _____ от _____ 1951 года

О президенте Академии наук Казахской ССР

Утвердить президентом Академии наук Казахской ССР
т. Кунаева Д.А., освободив его от обязанностей замести-
теля председателя Совета Министров Казахской ССР.
Внести на утверждение ЦК ВКП(б).

Секретарь ЦК КП(б) Казахстана

Ж. ШАХМЕТОВ.

Ж. Шахметов

НК-8.

Подлинник возвращать в архивную часть особого сектора ЦК КП(б)К
в 10-дневный срок со дня получения

Постановление ЦК КП(б) Казахстана об утверждении
Д. Кунаева президентом Академии наук Казахской ССР
от 25 декабря 1951 года, подписанное Ж. Шахметовым.
АП РК, Ф. 708. Оп. 131. Д. 234. Л. 37

*Ж. Шаяхметов, Председатель Совета Национальностей
Верховного Совета СССР.*

Москва, июнь, 1950 год.